

ЛАГУТЪН

ХОДЯЩИ И
ПО УЛИЦАМ

Всё, что я хотела — провести ближайшие три дня в сухости и безопасности. Забыться в глубоком сне и не вспоминать о чёртовых поисках еды и воды. Не думать о тенях, заплывших под лодку. Да просто, мать его — отключиться. Смахнуть крошки с пледа и заснуть. На вонь, смердящую в каждом углу и над каждым жильцом комнаты, я давно прекратила обращать внимание. Возможно, от меня пахло не лучше. Мне плевать. Хотя, мужики подсаживались, и каждый раз начинали заливаться слезами, и сквозь дрожащие губы травить байки о своей роскошной жизни до прихода “волны”. И как назло, именно сегодня, этому чёртову бензину надо было закончиться. Вот сейчас, когда одежда просохла, а мышцы тела расслабились, мне придётся вылезти из своей грязной кровати и отправиться на поиски горючки. Почему я? Да потому что я обманываю себя — мне не плевать! Я сильная женщина! Я смогу всё. Ну, хорошо хоть не одна вызвалась! Да и карта есть, и показали где искать. Ладно. Плёвое дело. Главное успеть до “волны”. Суток хватит.

Когда ваше дыхание остановится, а тело больше не будет подавать признаков жизни, еще какое-то время нервные клетки головного мозга будут продолжать функционировать, рисуя прекрасные воспоминания прожитой жизни. Детство, юность, отрочество. Возможно, даже вся жизнь пронесётся перед вашими глазами.

А что если сейчас, расслабившись в уютном кресле с книгой в руках или находясь в театре на самом фееричном выступлении в вашей жизни, и есть та самая прекрасная картинка, подаренная мозгом в последние минуты вашей жизни? Не думали об этом? Задумайтесь.

Сейчас вы покрутили головой, сжали кисти рук, попытались обратиться к памяти и вспомнить, что было пять минут назад. Успокоившись и отогнав все глупости в сторону, конечно же, вы сказали себе: “Нет!”

Но как понять, когда грань между реальностью и фантазией исчезает из-за отсутствия кислорода в головном мозге?

Никак.

Это как сон, в котором вы до последнего верите в происходящее, хватаясь руками за иллюзии, создаваемые миллиардами нейронов в ваших извилинах.

***

Середина осени. На улице прекрасное субботнее утро. Солнце светит в окно, наполняя ванную комнату тёплым светом и уютом. Стоя в мягких тапочках, мужчина разглядывал себя в зеркале, размышляя о планах на предстоящий уикенд. Проведя ладонью по щеке, он ощутил колкую щетину, но желание побриться не нашло себе места в его расписании на ближайшие дни. Он включил воду и повернулся к окну. Поймав лучик солнца, его губы растянулись в широкой улыбке, а в голове промелькнула мысль: “Что еще нужно?”

Дверь открылась, и в ванную зашла прекрасная молодая девушка.

— Доброе утро, любимый!

Мужчина быстро заключил её в объятия, заглянул в голубые глаза и крепко поцеловал в губы.

— М-м-м, поаккуратнее, — встревоженно сказала женщина, но продолжила хитро улыбаться, — раздавишь!

— Прости, — он опустил глаза и с блаженством посмотрел на её прилично подросший живот за последние семь месяцев, — я сама аккуратность, и малышу ничего не грозит.

Мужчина с силой втянул свой живот и, как недостающий кусочек пазла, прижался к женщине, практически не касаясь её живота.

— Саша, побрейся!

— Не хочу!

— У нас сегодня театр, ты забыл? — она поймала его гуляющий взгляд по ванной и, прищурившись, медленно проговорила. — Побрейся.

Саша всегда скептически относился к театру, воспринимая игру актёров банальным кривлянием. Его жена всеми силами пыталась изменить его мнение, но все усилия, на данный момент, были напрасны. Она не сдавалась, живя надеждой, что рано или поздно глаза мужа раскроются от восхищения, а частичкой его души и сердца навсегда завладеет

сцена театра.

Не в силах долго сопротивляться обаятельному взгляду жены, он состроил комическую гримасу и на манер “кривляющегося” актёра произнёс:

— Как скажете, моя дорогая! — поклонился и подошёл к раковине.

Набрав тёплой воды в ладони, Саша омыл лицо и мысленно начал искать бритву. Подняв глаза на своё отражение в зеркале, он вдруг замер, внимательно присмотрелся: на уровне его лба красовалась маленькая трещина. Убедившись, что на коже лица ничего нет, он прикоснулся к зеркалу.

Раздался скрежет стекла. Трещина стала увеличиваться. Паутинка быстро разрослась, полностью охватив всю площадь зеркала.

— Не трогай его, — закричала женщина, — отпусти! Нельзя ему помогать!

Саша попытался одёрнуть руку, увести в сторону, но её что-то крепко схватило. Подняв глаза, он испугался: собственное отражение держало его за запястье и пыталось утянуть в зеркало.

Из последних сил он громко закричал и потянул свою руку на себя.

Зеркало выгнулось, из трещин потекла вода. Отражение улыбнулось и задрожало. Вибрация волной разошлась по всей ванной комнате, разбила окно и вернулась в зеркало, разорвав его на мелкие осколки. Тысяча острых отражений, гонимых вырвавшимся потоком воды из зеркала, ударили Сашу и закинули в ванну, стоящую позади.

Носоглотку обожгло. Легкие наполнились водой, в глазах потемнело. Голову сжало со всех сторон, отправив сознание в необъятную пустоту.

Стало холодно. Озноб пробежал по телу. Сознание начало возвращаться, но большая часть где-то застряла или совсем испарилась. Саша с трудом поднял веки, но толком ничего не увидел. Мутная картинка сквозь белый свет и еле-еле различимые очертания помещения — всё, что он разглядел. Последнее, что он помнил: мужик, вытянув руку из воды, молил о помощи. Гигантский сом зажал в пасти ноги незнакомца и крепко держал, пытаясь проглотить целиком. Как только Саша протянул руку помощи, всё потемнело. Память оборвалась.

— Ты проснулся? — произнёс грубый мужской голос где-то позади или сверху, а может, даже из-под воды. — Хорошо, а то я уже начал переживать.

Страх подтолкнул сознание Саши: веки раскрылись шире, картинка стала чуть чётче. Глаза медленно заскользили по помещению.

Он покоился в ванне, а точнее, в мини-бассейне. Попавшие в поле зрения стены, потолок и бассейн были отделаны белой квадратной плиткой. Тело скрылось под водой, а какой-то предмет на шее стягивал кожу и не давал с головой погрузиться на дно. Наклонив голову вбок, Саша увидел другую часть помещения, серую и страшную. Без белой плитки, но с деревянными панелями на стенах и парой металлических шкафчиков. В углу, накрытый тенью, стоял коренастый незнакомец в голубом свитере и зелёном фартуке.

Мужчина медленно приблизился, присел на колени и запустил свою ладонь в воду.

— Холодная, — дрожащим голосом, прошептал незнакомец. — Это хорошо — бодрит.

Саша попытался пошевелить конечностями, но ничего не почувствовал. Пальцы рук и ног молчали. Окинув себя плавающим взглядом, он сосредоточился, но рассмотреть ничего не смог. Рябь в глазах и на воде размазывала картинку, заставив страх еще сильнее растолкать сознание. Нижняя губа приоткрылась, язык дёрнулся, но вместо слов изо рта вытекли слюни.

Мужчина вынул руку из воды и схватил Сашу за подбородок. Покрутив голову из стороны в сторону, он хмыкнул и сказал:

— Ты прости, пришлось накачать тебя седативами. Нам же не нужно, чтобы кто-то себя плохо вёл? Да? Ты согласен? — Саша ничего не ответил. — Не переживай, мы закончим до того, как они перестанут действовать, — широко улыбнулся и засмеялся. — А-а-а, вот и очередное подтверждение моей находке на твоей коже.

Мужчина запустил свои пальцы в Сашины волосы и, оттесняя редкие пряди в сторону, увидел проплешины и шелушащуюся кожу. Улыбка на лице незнакомца стала еще шире.

— Лишай... сейчас его не так часто встретишь, а мне именно такие и нужны. Я за тебя сражался! — сжав Сашины волосы в кулак, мужчина поднял его голову и притянул к себе. Оскалившись, заглянул в затуманенные глаза и добавил: — Ты же почувствовал это? Да?

Всё, что Саша сейчас чувствовал — тёплое зловонное дыхание, ударившее в нос.

— Ладно, — продолжил мужчина, — можешь не отвечать. Нам пора.

Мужчина развязал узел на Сашиной шее и откинул толстую верёвку в сторону (другой её конец был привязан к поручню на стене). Встав с колена и выпрямившись, незнакомец быстро наклонился вперёд и запустил обе руки в воду по плечи. Спина мужчины надулась, лицо покраснело. Вены вздулись на руках. Сквозь сжатые губы начал вырывался хрип и слюни.

Саша открыл глаза и увидел, как его тело начало всплывать, заливая водой пол, а затем и вовсе повисло над ванной.

— Вот так, всё приходится делать одному, — ворчал мужчина, держа Сашу на руках, — сестрички даже не помогают! Стоят себе столбом и ждут! Да, родные? — крикнул он в коридор. — Раздевал я тебя один! Мыл я тебя один! Теперь еще и подготавливать тебя буду один. Потерпи. Сейчас я тебя положу и поеду.

Саша спиной ощутил холодную сталь, а руки и ноги так и не отвечали. Послышался скрип маленьких колёс и скрежет резины по полу.

Лёжа на металлической тележке, он с трудом, но сумел открыть глаза: по потолку тянулись несколько десятков труб разных размеров белого цвета. Коридор был узким и душным. Замелькал свет. Глаза опустились, и Саша сумел разглядеть своё тело. На то, что одежды на нём не было, он даже не обратил внимания — это было неважно, да и та область мозга, отвечающая за чувства стыда или смущения, уже не отвечала. А вот то, что было с его конечностями, вызвало у него страх: руки и ноги были белыми, как у мертвеца. Колкое ощущение пробежало по телу. На лбу выступил пот. Он захотел крикнуть, позвать на помощь, но не смог. Только голова нервно дрожала и крутилась из стороны в сторону.

Тележка остановилась. Мужчина подошёл сбоку и взял его за руку. Розовая ладонь с огрубевшей кожей обвила безжизненные побледневшие пальцы Саши.

— Чувствуешь? — спросил мужчина. — Я с силой сжимаю твою ладонь.

Саша ничего не чувствовал. Даже тепла от чужой руки.

— Хорошо. Они всё равно тебе больше не понадобятся.

От этих слов у Саши внутри что-то ёкнуло, стало невыносимо страшно. Захотелось убежать. Домой. Неважно куда, главное подальше отсюда.

— Я перетянул твои руки и ноги кожаными ремнями, специально нарушив кровоток. Так ты меньше потеряешь крови и не умрёшь. Да ты не бойся, я не собираюсь тебя убивать. Во всяком случае, приложу все усилия, чтобы ты остался в живых.

Тележка снова покатила вперёд.

— Тело твоё будет жить, — с усмешкой проговорил мужчина, — и давать новую жизнь. Хорошую земельку в наше время не найти, а выращивать растения мне где-то надо. Вот я и вынужден сажать рассаду в “живые грядки”. Сейчас пойдёшь попробуй найти помидоры или огурцы! Шиш! Нет нигде... а у меня есть, — довольным тоном добавил незнакомец.

Саша давно перестал слушать. Его сознание не выдержало и отключилось, а мужчина тем временем продолжал:

— Ты не волнуйся, я буду за тобой ухаживать, поливать! Даже буду кормить. Еда, конечно, не вкусная, но полезная. Да ты и не почувствуешь. Можно подумать, последние три года твоя еда была вкусной и полезной. Нет? Я прав? Молчи, молчи...

Тележка остановилась возле металлической двери овальной формы. Мужчина подошёл к Саше и прижал два пальца к его шее.

— Еле-еле бьётся, — констатировал мужчина, — хорошо.

Он оглянулся по сторонам и крикнул:

— Сестрички, мы приехали!

Ему никто не ответил. Было слышно только жужжание ламп.

Мужчина наклонился к Саше и внимательно пробежался глазами по телу, боясь что-то упустить. Убедившись, что ничего не спряталось от его зоркого глаза, он слегка натянул уголки губ и сказал:

— Ну что, будем прощаться. Неохота... но что поделать. Такова жизнь. Я обещал тебя не убивать — я соврал. Отчасти. Я только убью твоё сознание, освобожу тело от души, отправлю тебя в мир иной... как тебе нравится, так это и назовём.

Сознание Саши продолжало гулять в туннелях разума, спрятавшись от обезумевшего страха.

Левой рукой незнакомец приподнял голову Саши, а в правой зажал тяжёлый стальной кастет, сделанный из вентиля крана. Рука с оружием взмыла в воздух, приготовившись для сильного и точного удара.

— Я проломлю тебе череп и размозжу лобную долю мозга, — спокойствие и забота сорвались с уст мужчины. — Ты ничего не почувствуешь. Заснёшь и станешь овощем, а мои семена прорастут в тебе и подарят мне настоящие овощи.

Рука резко дёрнулась. Кастет в кровь разбил кожу на лбу, проломил череп и со всей силой врезался в мозг. Голова Саши слетела с руки и ударилась об металлический стол тележки. Часть мозга Саши превратилось в сгусток крови, стерев навсегда его сознание, личность и разум. Он больше ничего не чувствовал и не боялся.

Мужчина швырнул окровавленный кастет на пол и снова приложил два пальца к Сашиней шее. Тишина. Времени оставалось мало, нужно было срочно действовать.

Быстрым движением убийца извлёк длинный нож из пластиковых ножен, висевших на бедре, и замахнулся. Раздался свистом. Сталь рассекла кожу на руке Саши, чуть ниже плеча, и врезалась в кость, углубившись на сантиметр. Кровь выступил по краям раны и устремилась к полу, капая редкими маленькими каплями... кап... кап... кап... Еще взмах и рука упала на пол. Делал он это не в первый раз и даже не в двадцать первый. Руки знали своё дело. Меньше чем за пару минут мужчина отделил все конечности и быстро зашил раны. Крови вылилось миллилитров триста.

Мужчина схватился за вентиль на двери и с усилием его крутанул. Из появившейся щели ударил запах зелени и летней влаги. Быстро закатив телегу с Сашиним телом вовнутрь, он окинул взглядом стоявшие металлические столы вдоль стен и двинулся на центр.

Это была огромная комната, разместившая в себе десять столов для хранения человеческих тел. Люди (или вернее то, что от них осталось) лежали на животах, а из их спин устремлялись к потолку стебли растений. Под розовым светом люминесцентных ламп поспевали помидоры, огурцы, горох и даже перец. На ком-то были густые зелёные кусты, а с кого-то уже опадали засохшие листья. Внутри помещения поддерживался идеальный климат, способствующий непрерывному циклу сбора урожая.

Мужчина дошёл до середины комнаты, остановился и подошёл к определённому столу. На нём лежало тело женщины. Без рук, без ног. Кожа почернела и скукожилась. Из спины торчали засохшие стебли, державшиеся мёртвой хваткой за пластиковые трубки, свисавшие с потолка. Приблизившись к телу, он быстро вынул две тонкие и одну толстую пластиковую трубку из шеи, стряхнул с них остатки растений и пережал зажимом. Заглянув в побелевшие глаза женщины, он нежно погладил её волосы на голове и расстроено произнёс:

— Прости, но твой цветок завял, — и ногой спихнул тело на пол.

Время поджимало.

Саша быстро переместился на освободившееся место. Блестящий скальпель разместился в пальцах убийцы и нежно очертил два пробных надреза в воздухе. Мужчина волновался и переживал, но каждый раз испытывал невероятное удовольствие от каждого взмаха рукой. Мысли о предстоящей работе возбуждали. Он с силой сжимал пальцы ног, пытаясь унять возникший зуд во всём теле. Мурашки поползли по коже. Последовали три глубоких вдоха, и грудь замерла на время.

Нежно, словно кистью по холсту, сталь прошла по коже Саши и оставила глубокий порез в районе ключицы. Искусным движением катетер на два разъёма плотно вошёл в подключичную вену. Незамедлительно последовал еще один точный мазок по горлу, и эндотрахеальная трубка скользнула в трахею. Мужчина торопливо подключил висевшие рядом с ним трубки к телу Саши и снял с них зажим.

Смахнув капли пота со лба, он тяжело выдохнул. Напряжение спало.

— Теперь можешь спать спокойно. Я о тебе позабочусь.

Грудь Саши слегка приподнялась и через секунду опала. Он дышал. Вернее, за него дышали.

— Давай, положу тебя поудобнее, — мужчина обхватил Сашино тело руками и положил на живот. — Ты прям на курорте у нас. ЭВЛ за тебя дышит, а вот тот аппарат, — он вскинул руку и указал пальцем в угол, — гоняет твою кровь по кругу и не даст твоим органам умереть. Руководство закупились на случай новой волны. У нас как-то один заразился, так половина слегла. Представляешь себе, многие померли, а я всё это время ел овощи, и ни одна зараза меня не взяла.

Он резко вскочил и со всей силой ударил Сашу по спине. Спустя пару секунд красный отпечаток четырёх палой ладони нарисовался на коже.

— Отлично. Живой, — довольно проговорил мужчина, — Ты давай не подводи меня! Три месяца протяни, и я тебя отпущу. Соберу урожай, и можешь идти хоть на все четыре стороны.

Он заглянул под стол и посмотрел на тело женщины.

— Да, Оля! Я тебе обещал? Сегодня исполню! Отнесу тебя, выведу наружу и можешь идти, куда хочешь.

Ольга ничего ему не ответила.

— Какой экземпляр! За тебя стоило побороться, — он пальцем провёл по Сашиной

спине и добавил: — Скоро вернусь.

Мужчина вышел на середину комнаты и направился к столу, стоявшему возле стены. Каждый шаг проходил под раскинувшейся сетью тонких трубок, тянущихся от аппарата искусственного кровообращения и уходящими парами в каждое тело. Прогоняя через себя кровь, трубки непрерывно дрожали и тёрлись между собой, наполняя комнату звуком шаркающей пластмассы. Мужчина привык и не обращал на это внимания. Всё, что сейчас его волновало, новая “грядка”, появившаяся в его огороде. Приятные мысли нахлынули в мозг. Предстоявшая пересадка рассады из банок с опилками в свежее тело возбуждала его еще сильнее. Розовый люминесцентный свет приятно обжигал кожу. На лбу выступили новые капли пота.

Он подошёл к столу, включил музыку на магнитофоне и взял в руки поднос с рассадой. В комнате заиграла рок-опера, и мужчина в диком танце вернулся к Саше.

— Смотри, что у меня есть, — радостно воскликнул фермер и поставил поднос на Сашины ягодицы, — тут у меня и помидоры, и огурцы. А это, — он указал пальцем на зелёный росток с краю, — я... я... не помню. Ну нестрашно, — и засмеялся.

Мужчина еще раз внимательно осмотрел кожу на спине. На красные участки кожи он обращал особое внимание и рассматривал их с заметной улыбкой. Наличие лишая у его новой “грядки” вызывало в нём одновременно как счастье, так и тревогу. Он занервничал. Улыбка сползла с его лица. Он боялся сделать что-то неправильно. Еще хуже, если тело не выдержит и начнёт гнить, а ведь он старался! Искал! Отогнав от себя все дурные мысли, он нежно взял скальпель со стола.

Визуально разметив на спине точки, он сделал восемь надрезов, в длину по два сантиметра каждый. Кожа разошлась, показалось мясо. По краям ран выступили крохотные капельки крови, и мужчине от этого стало легче.

— Ничего страшного, — обнадеживающе заявил мужчина, — до свадьбы заживёт!

Еще с минуты он озирался на тело, хохотал и подпевал музыке. Затем взялся за дело.

— Начнём с помидоров.

В каждый разрез он насыпал опилки, утрамбовывал их пальцем и только потом высаживал растения, аккуратно распределяя корни пинцетом. Он любил этот процесс. Его затягивало настолько, что он терял счёт времени и мог часами сидеть и ковыряться в гниющих телах, облизывая языком свои засохшие губы. Увидеть плоды своего труда — вот его главная цель. В буквальном смысле. Под конец он еще насыпал опилок, полностью закрыв все порезы, взял лейку и залил всю спину смесью из воды и перегноя.

- “Грядка” готова, — гордо воскликнул мужчина и сделал шаг назад, дабы в полной мере насладиться своим трудом. — Надеюсь, лишайный грибок и в этот раз улучшит рост и придаст насыщенный вкус помидорам. М-м-м, какие вкусные были огурцы с Феди — просто сказка!

Теперь Сашина кожа, мясо и кости — плодородная почва для восьми маленьких растений. Корни устремятся к органам, обовьют мышцы и начнут высасывать влагу и питательные вещества из организма. Рассада вырастет. Поспеет урожай. Сашино тело умрёт, но успеет дать пищу и надежду на жизнь в этом жестоком мире.

Музыка продолжала играть.

Довольный фермер взял со стола пульверизатор и наполнил его своей плодородной смесью. Проходя мимо столов, он обильно распылял жидкость на листья, направлял непослушные усы и распутывал стебли, схлестнувшихся друг с другом растений. Завидев

спелый помидор или огурец, он тщательно его рассматривал и только потом принимал решение: снять его или дать еще повисеть. Сухие листья обрезались и помещались в ведро, а пасынки на огурцах могли забрать целый час жизни. Ферма росла и процветала. Он наслаждался жизнью, пока не увидел стол под номером пять.

— Костя, ну что же ты так со мной! — отодвинув листья огурца в сторону, он увидел посиневшее тело. Из рта трупа вытекала жидкость, швы на конечностях взбухли, а в нос бил сильный смрад разложения.

Мужчина быстро отсоединил трубки. Одним ударом ножа срубил все растения и скинул тело на пол.

— Придётся снова выходить, — недовольно пробурчал фермер, окинул взглядом свою ферму и, растянувшись в широкой улыбке предвкушения, добавил: — Придётся снова кого-то ловить...

Глава 1

Кости, пепел и прошлое — всё, что оставляют после себя две сестры, гуляющие по планете Земля. Крепко держась за руки, они с улыбкой оглядываются друг на друга. Танцуют. Создают пепелища. Уничтожают целые поколения и продолжают идти, смотря только вперёд. Их имена всем известны: старшую зовут “Время”, а младшую — “Прогресс”.

Любовь между ними хрупка и поддерживается духом соперничества, вовлекшим сестёр в нешуточные игры, где на кону судьбы людей. Иногда заигравшись, “Прогресс” убегает вперёд и “Время” жестко одёргивает её назад, а иногда всё происходит с точностью наоборот.

Сёстры молоды и привлекают к себе молодёжь, стремящуюся в будущее. Но ничто не бывает вечным, и даже самый молодой становится самым старым. Старикам и сёстрам не по пути, и это рождает страшный конфликт, как правило, втягивающий в себя всё человечество. Ведь когда у тебя есть много денег, а песок в часах жизни практически на исходе, можно попробовать остановить прогресс и тем самым замедлить время. Абсурд? Ну, почему же.

Находясь в месте, где развитие остановилось, а вокруг вас ничего не меняется последние десять лет, вы поверите в то, что время остановилось. Понятие завтрашнего дня уйдёт из вашего лексикона, превратившись в перманентное сегодня. Сейчас и только сейчас. Наступит внутренний покой. Вам больше никуда не надо бежать, не надо ничего успевать — вы и так впереди всех. Книжки, фильмы — вы успеете всё прочитать и даже пересмотреть, так как нового ничего не будет появляться. Понятие времени для вас больше не существует. Абсолютная стагнация, без прошлого и без будущего.

Но где найти такое место на карте? Легко. Вам нужно самим его построить.

Вначале вы можете устроить войну, затем заняться созданием и распространением смертоносных вирусов. Попробовать освоить космос. Начать разработку межпланетных баллистических ракет с термоядерными боеголовками и создать для них склад на луне. Накопить критическую массу и не рассчитать, как часто это бывает, один маленький нюанс — астероид, влетевший в ваши запасы со скоростью двадцать километров в секунду. Термоядерная реакция высвободит достаточно энергии, чтобы сдвинуть луну с орбиты, тем самым уменьшив её перигей на двадцать тысяч километров.

Хотели свой рай на земле? Переборщили? Ну, ничего страшного, “Прогресс” и “Время” всё исправят. Нужно только подождать. А пока получите апокалипсис в виде стихийного бедствия, смывший прогресс и повернувший время вспять.

“Огонь даёт тепло, вода — влагу, а кровь — вкус”.

Дверь элитной квартиры на семьдесят пятом этаже небоскрёба открылась без скрипа, мягко и богато. Дыра от патрона калибра 5.45 на месте личинки замка намекала на захват помещения без согласования с собственником, но это было не так. Согласовывать было не с кем, и на тот момент работал простой принцип: у кого оружие, тот и хозяин.

На пороге показался седовласый мужчина, уставший и местами промокший. Капли воды срывались с его одежды, медленно собираясь в серое пятно на грязном ковре. Морщинистое загорелое лицо недовольно сжалось от удушливого запаха пота, ударившего в нос. Его пронзительный взгляд быстро пробежался по комнате, посчитал новых жильцов, заметил

их расположение и оценил их состояние. Старика давно не интересовало финансовое положение, а тем более статус людей в обществе (пусть они хоть будут насильниками, убийцами или рыбаками), он просто хотел провести ближайшие три дня в окружении чистых и сытых людей. Со вторым он даже был готов помочь, но вот за чистоту должны отвечать специальные службы, распределяющие людей при заселении. Не зря он заплатил по тарифу “тепло и чисто”. Всем плевать. Радовало одно — пройдёт пять минут, и он перестанет ощущать посторонние запахи. Привыкнет. Как и все, кому пришлось искать убежище в этой квартире.

Натянув уголки губ, он почесал щетинистый подбородок, поздоровался со всеми и шагнул в комнату. Дверь закрылась, оборвав звук тарахтящего в коридоре бензинового генератора. Теперь вместо него уши ласкал громкий кашель постояльцев, их споры и редкая ругань.

Сняв с плеча и поставив свой увесистый рюкзак на пол, старик запустил в него руку, вытащил три книги и воздел их над головой.

— Мой дар, — гордо сказал он и подошёл к висевшему в углу островному камину, — бесценный подарок европейской моды современным жителям мегаполиса. Книги сухие. Подарят нам час тепла и разгонят вонь от стоялой воды.

Прежде, чем даровать их огню, он внимательно рассмотрел обложки.

— Какая-то японская бесовщина, — слегка повысив хриловатый голос, сказал седовласый и с усмешкой добавил: — Впервые в жизни не жалко сжигать книги, — и швырнул их в металлическую пасть камина.

Мокрые вещи разместились на вешалке возле огня.

— Спасибо тебе за тепло, — буркнул мужчина, сидевший в углу.

— Жрать будешь? — грубо спросил седовласый.

— Чем богат? — спокойно спросил мужчина.

— А ты?

— У меня стандартный набор: тушёнка, вода и паплет.

— Я и не сомневался, — бросил старик, — а паплет есть на что намазать?

— Издеваешься? — искренне и с лёгкой обидой спросил мужчина.

Рука старика снова скользнула в рюкзак. Поводив ладонью по дну, словно там был местный супермаркет, он растянулся в довольной улыбке и воскликнул:

— Живая! — и достал белый пластиковый пакет.

Внутри, действительно, лежало что-то живое. Оно извивалось, прыгало и пыталось вырваться наружу.

— Что там у тебя? — донёс испуганный голос, наблюдавший за происходящим с непомерным интересом.

Старик перевернул пакет и вытряс содержимое на пол.

Гирлянда светодиодных ламп, работающих от генератора, осветила извивающуюся на полу коричневую рыбину.

— Фу-у-у, — протянула женщина неприятной внешности. — Это сом!

— Да! А ты надеялась увидеть горбушу, мечущую икру по углам?

— Их нельзя есть! Откуда ты знаешь, чем или кем он питался?

— А мне плевать! — крикнул старик, — Да хоть волновиками! Мне осточертела эта тушёнка с говядиной, собачий корм и... — он запнулся, уставился на женщину и, указав на неё пальцем, сказал: — Вот ты, что ты принесла?

— Как и все. Хотя, есть у меня кое-что! — она запустила руку в карман и достала маленький прямоугольный пакетик с красочными картинками. — Вот! Картофель пюре! Доволен!

Кто-то ахнул, завидев пакет, а кто-то продолжил лежать, не обращая внимания на происходящее.

Старик иронично засмеялся.

— Какая ты у нас умница! Может, еще огурчики с помидорчиками достанешь?

— Чего нет, того нет! Тебе ли не знать...

— Что ты к ней пристал, — послышался юношеский голос, — твоя грязная крыса, извиваясь на полу, только аппетит отбивает! Есть её никто не будет, а вот пюрешку я с удовольствием заточу!

— Да кто с тобой поделится? — удивлённо спросила женщина глядя на пацана.

Парень закрыл рот и опустил глаза.

— Женщина... — начал старик, но его резко перебили.

— Меня зовут Ольга! — гордо заявила обладательница сухой смеси.

— Меня Петр. Очень приятно! — представился старик, не скрывая синюю наколку на пальцах с именем “ВОВА”. — Ольга, если я тебя удивлю, пожаришь мне рыбки на огоньке? С картошечкой... а?

— Ты попробуй, а я подумаю...

Лицо женщины наполнилось любопытством. Глаза хитро блеснули на свету. Старику даже почудились нотки страсти, сорвавшиеся с её потрескавшихся губ.

Он знал, что сможет удивить. Такого они точно давно не видели, а когда увидят — ахнут. Мысли о вкусной рыбке, да в тёплой компании с Ольгой опьяняли его. Руки снова погрузились в рюкзак и достали пластиковый ящик. Улыбаясь, старик поднёс его к груди и открыл.

Как он и думал, все ахнули. Ну, как минимум, все те, кто наблюдал за этой картиной. Люди выпучили глаза и начали сыпать вопросами: “Где ты их взял?”

В ящике лежал сочный помидор и длинный огурец.

— Ну, Ольга, — с гордостью заявил Пётр, — могу я рассчитывать на вкусную рыбку и на вашу аудиенцию в отдельной комнате?

Не произнеся ни слова, Ольга подмигнула ему и попыталась встать, но рука пацана легла на её плечо и с силой надавила.

— Ты что, серьёзно пойдёшь ему готовить?

— Отвали... — она скинула его ладонь и встала. Забрав у старика ящик с овощами, она одарила его любезным взглядом и сказала: — Разделявай рыбу, а я пока воду поставлю кипятиться.

Пацан вскочил со своего места и уверенно двинулся в сторону Петра, сжигая его своим взглядом.

— Расскажи мне, где ты их нашёл! — начал парень, остановившись в паре шагов от старика. — Или забрал у кого?

— Даже если я скажу, где искать, ты не найдёшь.

— Почему?

— Между твоих ног кое-чего не хватает! — проговорил старик и сплюнул на пол. — Только настоящие мужики могут добраться так далеко и не обмочиться по пути. Гляньте на его штаны, сделал всего пару шагов, а уже весь мокрый.

Из всех углов послышался издевательский смешок. Парень покраснел, оглянулся по сторонам и, сжав кулаки от злости, сделал грозный шаг навстречу Петру.

Малец, действительно, был еще юн и не опытен. Несколько месяцев назад ему стукнуло двадцать, и, вместо бурной вечеринки с друзьями, он вылавливал убитых родителей, попавших в ловушку к “рыбакам”. Самое страшное, что убийцы могли находиться сейчас рядом, в этой или соседней комнате. Возможно, один из них стоит перед ним и смеётся. Гнев затуманил разум парня. Страх, сохраняющий жизнь, отступил.

— Где ты их взял, ответь!

— Или что? — оскалившись, спросил Пётр.

— Или я тебя убью! — и полез незаметно, как он считал, в карман.

В такие времена вступать в перепалку с человеком старше тебя лет на сорок — самоубийство. Он даже не успел заметить, как в руке Петра появился блестящий кусок металла. Старик сделал резкий шаг, схватил парня за куртку и приставил острое лезвие к шее.

Парень замер. Выпучил глаза и испуганно уставился на старика.

— Ну, что там у тебя? Доставай!

Дрожащей рукой парень достал ножницы. Никто в помещении не шевельнулся, кроме молодой девушки. Она долго наблюдала за выступлением не состоявшихся актёров и, как большинство здесь присутствующих, надеялась, что конфликт сам себя исчерпает. Но нет, становилось только хуже. Девушка скинула с себя тёплый плед, быстро вскочила на ноги и закричала:

— Прекратите! Вы что тут устроили?

Пётр окинул её взглядом, зло прищурился и покосился на мальчика.

— Баба за тебя заступается — наверно, материнский инстинкт проснулся, — снова переведя взгляд на девушку, он спросил: — Да, красавица?

— Я сейчас позову охрану! — ответила красавица. — Они быстро наведут тут порядок и игрушку твою заберут.

— Эту?

Пётр убрал лезвие с шеи парня и поднял руку вверх, демонстрируя всем кусок металла. В ладони он сжимал обломок какой-то детали, визуально похожей на нож. Рукоятка была обмотана тонкой кожей, скрывающей под собой два поплавка по одному на каждой стороне. Сквозь отверстия, проходящие по всей длине лезвия, можно было разглядеть слёзы, прокатившиеся по щекам паренька.

— Не заберут! Это ложка. Ладно, мне надо делом заняться, а ты, — он тяжело заглянул парню в глаза и приблизился губами к его уху так близко, что можно было почувствовать горячее дыхание, — иди, прижмись к сиське и больше не спорь со старшими дяденьками, иначе ножом не по горлу проведут, а между ног чикнут.

Отпустив куртку мальчика, Пётр ладонью схватился за его затылок и толкнул, придав достаточного ускорения, чтобы тот скрылся в углу. Красавица успокоилась и вернулась на место, изредка поглядывая то на парня, то на старика. Униженный и оскорблённый, пацан сел в углу, достал ножницы и, зарывав, начал состригать свои волосы на голове.

Всё это время бедная рыба, весом в семь килограмм, бултыхалась на полу, рискуя быть раздавленной. Пётр ловко схватил сома за жабры и положил на стол возле камина. Накинул на него сухой платок, прижал рукой, и быстрым ударом ножа голова рыбины отделилась. Перевернув её набок, сделал еще один горизонтальный взмах, аккуратно вспоровший брюхо.

Хвост рыбы продолжал дёргаться, выталкивая содержимое желудка. Наружу вытекла вонючая жидкость и обрывки бумажек, показалась ладонь человека. Пётр удивлённо посмотрел, но не испугался, в отличие от Ольги. Она стояла позади и, увидев человеческие пальцы, торчащие из брюха сома, громко ахнула.

— Я это есть не буду! — еле слышно прошептала она, — Я так и знала, что они жрут всё подряд.

— Успокойся! Ничего страшного в этом нет. Запах жареной рыбы быстро разбудит в тебе аппетит.

— Я уже ничего не хочу...

— Слышала поговорку: аппетит приходит во время еды. Иди картошку свари, а я пока уберу лишнее со стола.

Кисть руки хлопнула и мягко покинула брюхо сома. Пётр уже собирался швырнуть её в пакет, как вдруг что-то блеснуло на безымянном пальце. Улыбка на лице Петра растянулась до ушей. Сегодня удача шла с ним рука об руку и с каждой минутой приближала к “романтической ночи”. Он быстро попытался снять золотое кольцо, но замер. Всё это время молоденькая девушка стояла в стороне, внимательно за ним наблюдая.

— Это не твоё! — сказала красавица.

— Почему же? Рыба моя? Моя! Значит, и всё, что у неё внутри, моё! — и резко сдёрнул кольцо, а кисть кинул в пакет.

Прищурившись, он посмотрел на красавицу сквозь украшение и сказал:

— Смотри, какое красивое. Хочешь, подарю?

В этот момент Ольга, стоявшая у электроплитки, резко повернулась и ревниво посмотрела на девку, позарившуюся на её мужика.

Молоденькая девушка продолжала смотреть на Петра, желая только об одном, чтобы он замолчал, лёг спать и никого не беспокоил.

— Ух ты, — воскликнул старик, — тут внутри колечка есть надпись: “Любимому Сашке от любящей Светки”

Лежавшая у стены на матрасе девушка лет тридцати застонала. Она с трудом приподняла спину и спросила:

— Ты уверен? Прочти еще раз, пожалуйста.

Пётр повторил надпись слово в слово.

— Подойди ко мне, пожалуйста, — послышался слабый женский голос с матраса, — мне нужно взглянуть на кольцо.

— Тебе нужно, ты и иди, — с усмешкой сказал старик.

Никто не пошевелился.

Кряхтя, женщина из последних сил встала с матраса и, придерживая руками свой живот, двинулась в сторону Петра. У неё был потрёпанный вид: лицо бледное, волосы покрывали только часть головы, под глазами синяки, а губы разбиты в кровь. Еще не родившийся ребёнок забрал все витамины из организма, оставив её телу жалкие крошки сил для финального аккорда. Но женщина решила распорядиться силой иначе. Встав возле Петра, она протянула дрожащую руку.

— Что? Так смотри, — возле глаз беременной женщины блеснуло кольцо, зажатое между пальцев Петра.

— Это оно... — её глаза покраснели, слезы потекли по щекам, а губы сильно задрожали. — Он сожрал их...

Она пошатнулась и упала на колени. Молоденькая девушка быстро подбежала и подхватила её под руку.

— Кто сожрал их? Что случилось?

— Саша хотел помочь мужчине... — начала женщина, прерываясь на всхлипы, — он протянул руку... и они оба ушли под воду... Я надеялась и верила, что с ним всё в порядке... — “Рыбаки”...

— Нет! На том мужчине была простая одежда... и никаких приспособлений для погружения...

— Где это случилось? — спросила красавица.

— Я... — она зарыдала, скривила лицо и, что есть силы, начала орать во всю глотку.

— Что с тобой?

— Ты что, слепая? — грубо влезла Ольга в разговор. — Она рожает! Глянь на её матрас, весь мокрый — воды отошли. Тянула до последнего. Видать, хотела нас ночью обрадовать.

Молчаливая толпа оживилась, и волна недовольного тона пробежала по стенам. Никто не хотел присутствовать при рождении новой жизни, а тем более, провести ближайшие пару дней среди этой “новой жизни”. Все хотели спокойно переждать, выспаться и снова отправиться на поиски пропитания.

Пётр закрыл глаза и начал напевать песню:

Сын родился во время войны;

Вылез из женщины как из трубы;

В руки возьмёт он острый нож

И быстрым ударом убьёт эту...

— Да заткнись ты, — роженица попыталась крикнуть, но смогла только издать хрип сквозь потёкшие слюны изо рта, — у меня дочь!

— Какого хрена? — воскликнул Пётр. — Кто вообще тебе разрешил сюда пройти в таком состоянии? Мы за что заплатили?

— Я слышал, как она говорила охране, что еще два месяца до родов, — послышался мужской голос из угла.

— Обманула... — Пётр оскалился и сильно сжал рукоятку ножа.

— Нет! — завопила красавица. — Она сказала правду! Мы только гадать можем, что ей пришлось пережить за последнюю неделю. У неё явно преждевременные роды.

— Она не будет здесь рожать, — заявила Ольга. — Пусть выматывается отсюда. Я позову охрану.

— Тебе что, жалко? — громко крикнула красавица в спину уходящей Ольге, — Ты сама баба! Неужели не понимаешь?

— Вот именно, что понимаю! — Ольга быстро вернулась и встала напротив женщин. — Я хочу в тишине побыть. Приготовить вкусной еды, наесться вдоволь и провести ночь с мужчиной. А знаешь, почему я этого хочу? Потому что я — баба!

— Но это неправильно! Она умрёт, ребёнок умрёт. Ты понимаешь это?

Ольга сжала губы. Немного подумав, она сделала шаг, присела на колени возле красавицы и сказала:

— Роды заберут у нас все запасы воды и бензина. Мы просто не можем себе этого позволить. У нас всё рассчитано по головам, и ты это знаешь!

Красавица прижала к своей груди голову роженицы и нежно погладила её по волосам. Женщина тяжело дышала, прерываясь на крики и стон.

— Всё будет хорошо. Держись. Нужно положить её на матрас, — с надеждой обратилась девушка к людям. — Помогите нам.

Никто не встал и не издал ни слова. Ольга встала и безразлично сложила руки крест-накрест.

— Люди, да что с вами? Ты, — она указал пальцем на мужчину в углу, — оторви свою задницу и помоги мне!

Он оглянулся на соседней с надеждой найти в их глазах поддержку, но те только подтолкнули его вперёд. Мужчина послушно встал, подошёл и взял роженицу за ноги. Раздался истошный стон. Красавица продела свои руки под мышками женщины, и вместе они оттащили её на матрас.

— Это ничего не меняет, — спокойно сказал Пётр. — Оля, позови охрану!

Ольга удивлённо на него посмотрела и хмыкнула.

— Я что, прислуга тебе? Сам зови...

— Не надо никого звать! — сжав зубы, сказала красавица. — Если вы так переживаете за свои запасы и считаете всё по головам, то я уйду. Уйду одна, а подарю жизнь двоим.

— И куда ты пойдёшь?

— Неважно, главное, подальше отсюда. Лишь бы больше не видеть и не слышать равнодушия и эгоизма, вытекающие желчью из ваших уст. Мне противно находиться в вашем обществе! Меня тошнит от вашего нигилизма!

— Да катись на все четыре стороны, — язвительно заявила Ольга, — только никто не будет тебе обещать, что она переживёт роды, а тем более, что ребёнок останется в живых.

— Я работала в больнице медсестрой, — сказала молоденькая девушка в сером пальто и гордо встала. — Я помогу.

— А я поделюсь с ней водой, — громко заявил мужчина, вставая с колена.

— А я перережу пуповину, — неловко, вперившись на свои грязные ботинки, промычал пацан с ножницами в руках.

Вместе с ними поднялись еще человек пять и предложили свою помощь.

Впервые за долгое время, красавица широко улыбнулась. Внутри неё из тлеющего уголька безразличия вспыхнуло пламя надежды. Волна адреналина и уверенности разлилась жаром по телу. Глаза блеснули в темноте, уставившись на Ольгу.

— А ты поможешь?

Ольга покраснела. Ей, действительно, стало стыдно за своё поведение. В молодости у неё был прекрасный малыш, но несчастный случай разделил её жизнь на “до и после”. Больше она не желала слышать детский плач, напоминающий о столь тяжелых временах. Ольга опустила глаза и, выдохнув, произнесла:

— Помогу.

— Спасибо.

Преисполненный любопытства, Пётр подошёл к красавице и спросил:

— И всё же, куда ты пойдёшь? Ты сможешь снова заплатить?

— Выйду наружу и отдамся судьбе. Тебе какая разница?

— А может, я хочу тебе помочь...

— Ты? Как? — скептически спросила она, затем сняла кепку и почесала голову.

— Я заинтересован в том, чтобы ты смогла притащить сюда побольше бензина, и будет просто великолепно, если тыхватишь с собой еще немного овощей, — хитрые глаза изучали женское лицо, в надежде отыскать на нём слабость и интерес. — Я бы отправился с

тобой, но старость берёт своё, и мне уже не хочется никуда выходить. Особенно в такую погоду.

— Ты знаешь, где можно найти бензин?

— И не только.

— Почему тогда сам не принёс?

— А зачем? Я принёс овощи. Кто еще может похвастаться таким уловом?

— Ты покажешь, где искать?

— Покажу. Но одна ты не справишься...

— Я помогу, — воскликнул пацан, продолжая держать ножницы.

— Сиди уже и не вякай, — крикнул на него старик. — Сядь обратно и не смотри так на меня!

Глаза Петра были готовы разорвать паренька, нагло влезшего в их разговор. Еще не хватало, чтоб какой-то сосунок, выскочка и недомерок загубил его хитрый план. Волчий взгляд сменился добродушным. Пётр нежно посмотрел на красивое лицо девушки и накинул маску сострадания.

— Прости, нас прервали. Как ты сказала тебя зовут?

— Я не говорила... Дарья, — чуть запнувшись, ответила она.

— Дарья, мы все хотим провести ночь в тишине и не допустить, чтобы тут кто-то умер, понимаешь?

Даша согласно кивнула головой.

— У тебя есть карта? — серьёзно спросил Пётр.

— Конечно.

— Я обведу на твоей карте район, где ты сможешь отыскать бензин. Дорога туда займёт часа три и столько же обратно. Я уверен, что вы уже сегодня ночью сможете вернуться.

— Мы?

— Я же уже говорил, одна ты не справишься. Вдруг “рыбаки”?

— Я не настолько глупа, чтобы попасть в их ловушку.

Пётр специально с наигранностью начал разглядывать её одежду. Пощупал рукав серого плаща, пробежался глазами по синим джинсам, надетым поверх еще одной пары, и улыбнулся при виде солдатских ботинок.

— Нырять в них будешь? — прозвучал ехидный вопрос.

Даша молчала. Поняв в чём подвох, она всё равно не понимала, почему Пётр был готов поделиться столь ценной информацией. Если это и была ловушка, то у неё брать нечего. Карманы пусты. Допустим, действительно, он протягивает руку помощи и по-человечески хочет помочь? Поверить ему? Нельзя... Всё равно, выбор не велик...

Снова послышались стоны роженицы. Решившись, Даша надвинула брови и спросила:

— Кто нырнёт?

— Он, — и кивнул в сторону мужика, валяющегося на грязном матрасе. Люди от него отсели, пожаловавшись на непонятную вонь и перегар, заставляющий слезиться глаза.

— Он? — воскликнула Даша.

— С тех пор, как мы от него отсели, — заявил мужчина, сидевший недалеко от вонючего мужика, — он перестал дышать.

Даша скептически задёрнула брови и посмотрела Петру в глаза. Он убрал нож, вытер руки платком и грубо отодвинул красавицу в сторону.

— Быть этого не может, — буркнул он и двинулся к мужику. Даша последовала за ним.

Тело лежало неподвижно. Грудь не шевелилась, лицо скрывал капюшон. В нос бил сильный запах сырости вперемешку с перегаром. Грязный чёрный плащ, штаны цвета хаки и дешёвые кроссовки — всё было сырым. Он даже не попытался высушить одежду.

— Его таким охрана притащила, — продолжил всё тот же мужчина. — Уложили возле нас на свободный матрас. Причём так аккуратно, как ребёнка. Он им что-то промычал, и они ушли, не обронив ни слова. Где сейчас можно найти столько алкоголя, чтобы ужраться вусмерть?

— Сегодня было можно. Поговаривают, что наливали за десять процентов от обычной стоимости. Небывалая щедрость. Но почему-то, когда я пришёл, мне не налили. “Пусто” — сказали они. Приходи в следующий раз. Через месяц. Как бы я хотел быть на его месте, — с завистью протянул Пётр и облизнул сухие губы. — Упокой волна его душу.

Даша присела возле тела и откинула капюшон. Перед ней лежал молодой мужчина, лет двадцати семи. Нос прямой. Короткие волосы сливались с цветом капюшона, мелкая щетина поблёскивала в свете огня из камина. Множественные мелкие шрамы украшали загорелые щеки, подбородок и губы, растянувшиеся в блаженной улыбке. И от него, действительно, воняло.

— Фу-у-у, что за вонь... — зажав нос, с отвращением спросила Даша.

— Он обосрался. Да. Когда человек умирает, все его мышцы расслабляются...

— Давай без подробностей! — она подняла голову и посмотрела на Петра. — И каким таким методом, ты определил, что он вообще сможет мне помочь, а тем более нырнуть?

— Ты присмотришь, — Пётр глазами указал на шею вонючего мужика и его щиколотки.

Из ворота кофты и штанины, закрывая щиколотку, выглядывал неопрен.

— Гидрокостюм... — протянула Даша. — Рыбак...

— Нет! — оборвал Пётр Дарью. — Его видели в окружении Антиквара, а кого попалс он не подпустит.

Даша присмотрелась к вороту костюма. Её взгляд что-то привлекло. Может, показалось? Нет! Она прищурилась и замерла. Сонная артерия мужика дёрнулась. Два тёплых пальца быстро разместили на шее незнакомца, в надежде нащупать пульс. Даша улыбнулась и шепнула себе под нос:

— Живой. Но не дышит...

Она начала с силой трясти мужика за плечо. То ли это было случайно, то ли такой рефлекс, но труп ожил и с криком “АКУЛА” дёрнул рукой, и, что есть мочи, вмазал локтем по красивому женскому личику. От удара красавица отскочила назад и плюхнулась на пятую точку. Из носа потекла кровь.

От увиденного Пётр разразился диким смехом и согнулся пополам.

Даша быстро вскочила, взвыла от обиды и замахнулась ногой: мыс ботинка очертил полукруг в воздухе и со всей силой залетел в промежность незнакомца.

Зелёные глаза мужика вспыхнули красной сосудистой паутиной, рот раскрылся и жадно втянул воздух, наполнив лёгкие. Послышался тихий стон, резко переросший в громкий крик боли. Руки быстро схватились за горящее место.

— За что? — с трудом промямлил оживший, корчась в агонии на матрасе.

Проведя языком по потрескавшимся губам, Даша стёрла горячие капли крови, вытекшие из разбитого носа. В мире, где еда стала пресной, и от её вида тошнит, можно только кровью придать сладковатый вкус и аппетитный оттенок.

“Поднимаясь по ступеням безумия, не оборачивайтесь. Там уже всё нормально”.

Горячая вода, сухая одежда и свет — на первый взгляд, простые обыденные вещи. Но ни сегодня, ни завтра и ни вчера. А когда они снова станут обыденными, не знает никто. Чтобы получить хоть что-то из этого списка, вам придётся с головой окунуться в ледяную воду, промокнуть до нитки и долго плыть навстречу тьме. Но не забудьте про обратный путь, иначе на дно вы не встанете, а ляжете.

***

Мучительный стон роженицы продолжал наполнять комнату, не оставив никого равнодушным. Ольга, молоденькая девушка и пару мужчин хлопотали возле женщины, готовя всё необходимое к родам: вскипятили воду, навалили сухих тряпок и протянули гирлянду, озарив комнату дополнительным светом.

В коридоре продолжал надрываться генератор, наполняя аккумуляторы жизнью. Как правило, в это время он должен молчать, а люди сидеть в полутьме, растягивая топливо на три дня. Но щепетильная ситуация требовала продолжения банкета.

Выданная канистра бензина подходила к концу, а новая не положена. Хотя ты на коленях упрашивай охрану, держи на руках умирающего человека — лишняя капля горючки не омоет твой сосуд. Плати. Но чем, если уже всё отдал?

“Главное, протянуть до ночи, — подумала Ольга, с надеждой глядя на Дарью, — а там уже и они вернуться.”

Вместе с роженицей от боли в области паха стонал мужчина. Но с каждой минутой ему становилось легче. Агония прекращалась. Взгляд начал приобретать черты осмысления.

— За что? — прекратив стонать, спросил мужчина.

— Ты первый начал! — огрызнулась Даша.

— Что я начал? — и удивлённо оглянулся по сторонам. Из угла донёсся крик женщины, молотом ударивший по хмельной голове. — Где я? Какого чёрта тут происходит? Волна ушла?

— До волны еще три дня, — ответила Даша.

— Мать вашу, — завыл мужик, — почему я проснулся?

— Ты как Белоснежка, — смеясь и утирая слезы, вмешался в разговор Пётр, — только вместо поцелуя прекрасного принца, тебя разбудил грязный ботинок. Не мой! Её!

— Это шутка?

— Нам нужна твоя помощь, — сказала Даша.

— Это шутка? — повторил вонючий мужик.

Даша с Петром переглянулись. Как и что ответить, они не знали.

— Я попробую еще раз заснуть. Надеюсь, что мои глаза откроются через три дня, и ваши лица я больше никогда не увижу.

Он выпрямился, отвернулся от пары мучителей и закрыл глаза. Сделав три глубоких вдоха, он замер, успокоившись ненадолго. Пронзительный женский крик снова содрогнул его барабанные перепонки и, на этот раз, еще сильнее. Глаза мужчины открылись. Губы сжались от злости.

— Вы хоть знаете, чего мне стоило довести себя до такого состояния?

— Ты обосрался — это бесценно, — заметил Пётр.

— Из-за вас мне придётся... неважно.

Мужчина сел на матрас и постучал по карманам плаща. Пусто. Он о чём-то задумался, даже слегка улыбнулся, но через секунду его лицо исказила гримаса разочарования. Подняв глаза, он попытался разглядеть Дашу с Петром, но увидел только плывущие картинки со смазанными лицами. Во рту ощущался отвратительный привкус, словно хлебнул из пакета с соком, в который накидали окурков. Пересохшие губы издали чавкающий звук и слова:

— Кофейку нальёте? Только не растворимый! Я не люблю. Молотый в турке заварите мне, пожалуйста.

Даша с Петром снова переглянулись и издевательски засмеялись.

— Это тебе не девяностый этаж. У нас такого богатства нет.

— А какой? — удивлённо спросил мужик.

— Семьдесят пятый, — ответила Даша.

— Ты уверена?

— Да! И у нас уже заканчивается бензин, — она ушла к своему матрасу, залезла в рюкзак и достала термос. Вернувшись, налила в крышку тёмную ароматную жидкость и протянула её в знак примирения. — На вот, выпей чайку. Крепкий. Как тебя зовут? Меня Даша, а вот это хитрого старичка — Пётр.

Мужчина принял дар. Одним глотком осушил крышку и вернул её обратно. Стало немного легче. Детали пазла перед глазами начали собираться в удручающую картинку. Упиваясь до беспамятства, он рассчитывал провалиться в бессознательное состояние. Абстрагироваться от окружающего мира и от людей. Забыть о проблемах новой реальности. Просто исчезнуть на ближайшие три дня. Испариться. Но люди, как и проблемы, всё же достучались да его глухой двери и нагло её отварили.

— Слава, — представился мужчина, затем сконцентрировал взгляд на Дашином лице, частично скрывшемся под козырьком кепки. — Зачем вы меня разбудили?

— Как я уже сказала, у нас заканчивается бензин...

— Кончился, — поправил Пётр, не услышав звука работающего генератора.

— У нас кончился бензин, а вон в том углу рождает женщина. Как ты понимаешь, пока она не родит, покоя нам не будет.

— И что вы хотите? Чтобы я залез в неё и вытащил ребёнка?

— Аккумуляторов ещё хватит часов на восемь, от силы десять. Погаснет свет, угаснет и надежда.

— Ну а я-то чем могу вам помочь?

— Помоги мне достать бензин.

Слава задумался. Задёрнул брови, мотнул головой.

— Я похож на бензоколонку или на заправщика?

— Отчасти, на заправщика ты похож, — хихикнула Даша, — но мы же видим, кто ты на самом деле.

— Кто? — и рукой приподнял ворот плаща.

— Ты из тех, кто может зайти в квартиры на первых этажах. Можешь не прятать гидрокостюм, мы видели.

— Он не мой, я его снял с волновика.

— Ну а как ты объяснишь своё дыхание, — почесав подбородок, начал Пётр, — а вернее, его частое отсутствие? Тоже снял?

— Что за глупости! Вам показалось, — подставив ладонь к губам, Слава плюнул на неё воздухом и показал собеседникам, — вот, дышу.

Даша присела и заглянула в его глаза, затянутые плёнкой похмелья.

— Помоги нам, пожалуйста!

— Нет, — и плюхнулся на матрас.

— Хорошо. Я иного и не ожидала... от такого, — она выпрямилась и посмотрела на Петра. — Придётся всё делать одной, как всегда. Покажешь, где искать?

— Про карту я у тебя уже спрашивал, но видимо, теперь тебе понадобится лодка.

— Всё есть, — уверенно заявила Даша.

Слава снова попытался заснуть, но разговор парочки, стоявшей у него над душой, вызывал любопытство и интерес, как и Дашина личность. Её губы, голос, волосы и глаза цвета ночного неба, залитого светом луны. Забыв про сон, он прислушался. Но стоны роженицы мешали не только слушать, но и мечтать.

— Сейчас вода отошла, — начал Пётр и поставил палец на карту, накрыв район Коньково, — а тут, как ты знаешь, возвышенность. На некоторых улицах дома обнажились наполовину, и, если тебе повезёт, найдёшь машину, застрявшую в окнах. Они там есть, я видел блеск под водой, когда проплывал мимо.

— А если нет?

— Не сдавайся! Больше оптимизма. Что-нибудь да найдёшь.

— Глотку сома и ржавый холодильник — всё, что она там найдёт, — ехидно бросил Слава, повернувшись к ним. — Всё на дне. Глубоко.

Проигнорировав его слова, Пётр с Дашей продолжили разговор.

— Тебе нужно доплыть до Профсоюзной улицы. А вот тут, — он указал пальцем на дома, — девятиэтажки. Там и ищи.

— Она там ничего не найдёт! — не унимался Слава.

— Поняла. Думаю, я справлюсь.

— Обязательно. Ты мне напомнила мою дочь, она тоже никогда не сдавалась, — тихо прошептал Пётр. — Прозрачной воды и луны без облаков тебе желаю я в пути.

— Спасибо. Пойду, заберу вещи.

— Да не найдёт она там ничего, — Слава вскочил с матраса, быстро подошёл и вклинился между ними, выхватив карту из рук Даши. — Да, крыши домов и даже пару этажей сейчас доступны, но в них ничего нет.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю! Нужно нырять.

— Ты нырнёшь? — спросила Даша.

Слава закрыл глаза, сморщился и хотел придаться глубоким раздумьям, но очередной крик роженицы отвесил ему сильный подзатыльник, заставив моментально принять решение.

— Хорошо. Но затем мы вернёмся, я лягу спать, и вы больше меня никогда не потревожите!

— Но как ты заснёшь без алкоголя?

— Не переживай. Этот вопрос я решу.

— А мне можешь помочь с решением этого вопроса? — выпучив глаза, спросил Пётр. — У меня и закуска есть!

Слава скептически поглядел на Петра.

— Тебе надо следить за здоровьем. Ты стар. Водка тебя погубит, — и быстро устремился прочь.

— Я молоденький! — обиженно крикнул ему в спину Пётр. — Наоборот, водка меня спасёт! Во всяком случае, моё психическое состояние.

— Поздно, — улыбаясь сказала Даша в лицо Петру и последовала за Славой.

Вместе они подошли к большому стеклянному окну, за которым открывался панорамный вид на город. Вместо бетонных джунглей, таких родных и привычных глазу, перед ними раскинулась новая реальность, стелющаяся прозрачной водой до горизонта. Что это был когда-то насыщенный людьми мегаполис, напоминали торчавшие из воды плавники элитных высоток, омываемых пенящимися волнами. Солнце вспарывало облака яркими лучами, рассеивая тьму над скелетами жилых зданий, мирно покоящихся под толщей воды. Через три дня луна скроет солнце, забрав у земли не только свет, но и надежду, а пока — шпиль. Слава содрогнулся, посмотрел на необычные часы на запястье и произнёс:

— Три дня. Пошли.

Возле двери он замер. В который раз его внимание привлёк стон женщины, готовящейся подарить этому потерянному миру обречённую жизнь. Окинув взглядом людей, пожертвовавших своим удобством, ресурсами и, наконец, своим временем, где-то внутри Славы что-то потеплело. Нет, не остатки алкоголя, просящиеся через глотку наружу. Дыхание участилось, кислород ударил в голову. Слава быстро подошёл к роженице. Взяв её за руку, он подарил ей не только тепло, но и надежду, так необходимую в такие трудные часы всем присутствующим в этой комнате.

— Потерпи, красавица, — улыбаясь, с полной уверенностью сказал Слава, — до ночи вернусь!

Та посмотрела на него красным от напряжения лицом и прослезилась.

Слава с Дашей вышли в коридор и направились к пожарной лестнице.

— Я тут посчитала, если мы будем грести по очереди с интервалом в тридцать минут, то усталость не особо обременит наши мышцы.

— Я буду спать, — спокойно сказал Слава, — греблю возьми на себя.

— Что? — Даша от возмущения остановилась и вперила взгляд в спину уходящего мужлана, не подавшего даме руку. Еще больше её разозлило безразличие, с которым он растворился за дверью. Она зарычала и побежала за ним.

Минув пять этажей, Слава остановился и подошёл к двери, ведущей на семидесятый этаж.

— Ты куда? — удивлённо спросила Даша. — Парковка ниже!

— Выпить.

— Ты забыл? У нас женщина рожает!

— Потерпит, — открыл дверь и ушёл.

“Начинается”, — обречённо подумала Даша и скользнула за ним.

В коридоре стоял гул не одного, и даже не двух генераторов работающих на полную мощь. Суетились люди. Играла музыка, и стоял запах табака. Семидесятый этаж представлял собой подобие ресторана, совместившее в себе ломбард и распределительный центр. Люди привозили товар и выменивали его на сухое место в бетонной коробке. Чем ценнее товар, тем уютней подстилка для вашей пятой точки.

Список необходимых и ценных вещей висел на входе и за последние три года ни разу не менялся: книги, сигареты, алкоголь — всё, что может гореть. Всё, что можно съесть или

выпить. Но у владельца (да-да, у нашего здания есть владелец) был особый список с личными пожеланиями. Перечень состоял из интимных предметов (не в смысле каких-то извращений, а личные вещи, дающие спокойствие его творческой душе), и делился он сокровенным не с каждым любителем занырнуть глубоко. Находки такого уровня могли гарантировать вам пропуск на девяностый этаж. Комфорт, сухость, обслуга — вы получите всё.

На каждом шагу Даше со Славой встречались люди, отдавшие с головой алкогольным объятьям. Кто-то уже валялся на полу в луже собственной мочи, а кто-то изрыгал содержимое желудка на стену, заливая ошмётками еды спящих “коллег”. Дашу передёрнуло от увиденного.

— Откуда столько алкоголя? — зажав нос, спросила она. — Он же дороже бензина!

— Кто-то нашёл машину, принадлежащую магазину “Сине-чёрный”. Представь себе, полный кузов различных напитков: водка, виски, пиво, шампанское. Со сроком годности лет на десять. Люди везли ящиками товар на обмен. Спиртыга быстро обесценилась, и местным властям такой поворот событий был, мягко сказать, не выгоден. Выливать жалко. Решили заманить народ из соседних зданий дешёвым алкоголем, и, как видишь, трафик приплыл. Соседи в бешенстве, а что поделать — бизнес, ничего личного. Халява быстро закончилась, ведь желающих оказалось слишком много.

Лежавшая у стены груда грязных вещей вдруг ожила и схватила тонкими пальцами за ногу Дашу. Девушка замерла, не издав ни звука. Она даже не испугалась. С силой дёрнула ногой, но рука не отпустила, а только усилила хватку. Появилась боль. Слава быстро подбежал и врезал подошвой кроссовка по лицу, появившемуся из кучи лохмотьев. Пьянчуга взвизгнул и упал на пол.

— Не бойся! — сказал Слава.

— Я и не боюсь, — взгляд Даши был абсолютно спокоен.

— Рыбак... Жаль, что нельзя здесь его прикончить. Ладно, пошли.

— Куда мы идём? — раздражённо спросила она.

— Я же сказал: выпить. И мне надо решить один щепетильный вопрос.

— Мы что, идём к Антиквару?

— Да.

Они подошли к дверям самой огромной квартиры на этаже. Слава дёрнул ручку. Закрыто. Оглянулся по сторонам и с силой начал стучать по двери.

— Нет больше выпивки, — послышалось из-за двери грубый голос, — проваливайте!

Слава продолжил стучать.

— Еще раз стукнешь, — послышался всё тот же голос, — я открою дверь так, что она слетит с петель и разmozжит твою тупую башку.

— Открывай! — крикнул Слава.

Раздался щелчок замка, дверь приоткрылась. В появившейся щели виднелась голова здоровяка с короткой стрижкой и пухлыми губами.

— Сколько раз я тебя просил не стучать? — огрызнулся здоровяк, повысив голос. — Хозяин этого не любит!

После этих слов дверь отварилаь. Перед ними, расправив плечи, встал стеной мужчина под два метра ростом. Он скривил лицо и стал напоминать бульдога, заплывшего множеством складок. Чёрный спортивный костюм сидел как литой, но заправленные штанины в высокие военные ботинки портили всю брутальность. Жестом руки он разрешил

им войти.

Яркий свет светодиодных ламп наполнял помещение, освещая каждый угол. Вдоль стеклянной стены с видом на город располагалась барная стойка, собранная из различных элементов мебели: офисные стулья, столы и с десятков кресел. По центру комнаты стоял квадратный черный стол в окружении четырёх кожаных кресел. Лаконично. Стены украшали старинные картины, привезённые из Третьяковки. Хотя они и были испорчены водой, местами порваны, для человека, сходящего с ума по искусству и уважающего дух истории даже в таком состоянии, шедевр всегда останется шедевром.

Можно было услышать шипение дюжины радиостанций, непрерывно сканирующих радиоволны во всех диапазонах. Но, к сожалению, за последние три года, кроме помех, ничего больше они не издали.

— Сейчас позову босса, — сказал громила и, закинув автомат за плечо, ушёл в противоположный конец комнаты.

— Присаживайся, — произнёс Слава, указав Даше на кресло возле стола.

— Ничего тут не трогайте, — строго кинул громила, — пока вам не разрешат.

Даша неловко посмотрела на Славу.

Ведущая в соседнюю комнату дверь отварилась, и к ним вышел пухлый коротышка. Крупная голова доставала до пупка рядом стоящего охранника, от чего он больше был похож на ребёнка, чем на взрослого. В глаза сразу бросился нездоровый цвет кожи. Люди, проводившие за пределами небоскрёбов большую часть времени, имели сочный загар. Коротышка был бледным. Белым. Если распусть рукава и штанины его спортивного костюма, их можно было бы связать между собой и закинуть коротышку на спину, как рюкзак. Прихрамывая, он заковылял. По пути его лицо исказилось гримасой разочарования, но подойдя ближе, он сверкнул хитрыми глазками, натянул уголки губ и воздел руки.

— Ба, кого это хмельной водяной отпустил раньше времени? — смеясь, спросил коротышка, натянув слюну между губ. — Да еще и с эскортом!

— Вы что-то рано закрылись? — саркастично спросил Слава. — Я хочу продолжения!

— А ты за добавкой? Верно, я тебя услышал? — он повернул голову вбок и поднёс ладонь к месту, где раньше было ухо. Чёрная дырка, частично затянута обожжённой кожей уставилась на Славу, умерив его пыл. — Ну, тогда спешу тебя разочаровать, — коротышка насупился, тон его стал более грубым. — Из-за тебя, точнее из-за твоей тупости, мне пришлось опустить цену на бухлишко, быстро всё распродать и заполнить элитные этажи моего здания пьяной швалью! — коротышка перешёл на крик. — Конечно, спасибо тебе за новых посетителей, но не таким же способом! Вот зачем? Ответь мне! Зачем ты так поступил? Привёз бы ящик, выпил его, получил номер и спал бы себе спокойно. Но нет! Надо было всем показать, где искать.

— А что добру пропадать? Я и смог только ящик увезти. Остальное отдавать волне мне было жалко.

— Пусть лучше бы она и забрала!

— Да меня чуть с этим ящиком не пришибли в коридоре! Как думаешь, какого мне было? Что мне еще оставалось делать? — Слава виновато развёл руками.

— Думать! Заранее! Ладно, всё равно “маржа”, какая никакая “маржа”. Присаживайтесь, — коротышка головой указал на кресла. — Кто это?

— Меня зовут Даша...

— А что это у тебя в руке, Даша? Карта?

Даша посмотрела на свёрток бумаги, который она сжимала всё это время. Коротышка засмеялся.

— Забавно. Ко мне пожаловала сама Даша-путешественница с картой. А ты, значит, — коротышка уставился на Славу, — её башмачок!

— Что?

— Не что, а кто! Башмачок — ручная мартышка. Ты что, не смотрел? Да ну вас! Не смешные вы, — коротышка обиженно повёл носом, напомнив ребёнка. — Что пришли?

— Дай мне выпить, у меня сейчас голова лопнет.

— Я же тебе сказал, что запасы пусты.

— Ты хочешь сказать, что такой умный, предусмотрительный и расчётливый человек не оставил себе маленькой бутылочки на вечер? Не верю!

— Себе оставил. Тебе — нет, — улыбнувшись, сказал коротышка.

— Ты мне должен!

— Ба-а-а-а, что? Я тебе?! Ты что-то попутал, дорогой. Глубоко нырнул с русалками и повредил себе мозг?

— Твои ручные собачки отнесли меня на семьдесят пятый этаж.

Стоявший рядом охранник зарычал и дернулся, но рука хозяина его ласково остановила.

— Слава, попрошу тебя впредь выражаться деликатнее. Не забывай, что они для тебя сделали.

Охранник умерил пыл, быстро наклонился и что-то нашептал коротышке на ухо.

— Что? — удивлённо протянул хозяин. — Что же ты раньше не сказал!?

Коротышка покраснел от злости. Лицо исказилось смятением и муками отвращения. Глаза скрылись среди густых бровей, губы сжались. Переварив услышанное, он сказал:

— Они не потащили тебя на девяностый, потому что ты, как бы это поделикатнее сказать... обосрался! И нагло плюхнулся в моё кресло! Немедленно встань с него!

Слава с Дашей быстро вскочили со своих мест.

— Вы, милочка, можете сесть обратно. Я не представился. Здешний народец зовёт меня Антикваром.

— Я знаю вас.

— Ещё бы ты не знала. Боря, — обратился он к охраннику, — налей ему стакан и проследи, чтобы ни духа, ни запаха их тут не осталось.

Боря кивнул и ушёл к барной стойке.

— Стакан? Ты серьёзно?

— Хочешь больше — ныряй к своей машине! Ах, я забыл, там же пусто! — раздался ехидный смех, вдавивший его голову в спинку кресла.

Слава не унимался.

— Я хочу получить своё...

— погоди секунду! — прервал его Антиквар и достал блестящий портсигар.

Внутри, плотно прижавшись друг к другу, размещались сигареты различных марок. Он поводит пальцем, закрыл глаза и наобум достал первую попавшуюся. Губы смочили фильтр. Чиркнул кремь, и загорелся огонь. Цена этого пламени могла исчисляться ночами, не в самой дешёвой комнате этого здания. Огонь бензиновой зажигалки жадно накинулся на бумагу и подпалил табак. Ароматный дым вырвался наружу, как из паровоза, и Даша жадно облизала губы. Коротышка заметил это.

— Где мои манеры! — выдохнув дым, ласково произнёс Антиквар. — Гостей нужно

угостить, — и протянул Даше свой портсигар.

Слава тоже дёрнулся, подумав, что и ему можно, но резкий жест руки его охладил.

— А ты стой там и не подходи! Надеюсь, дым рассеет эту вонь! А вы угощайтесь.

Даша протянула руку и взяла сигарету.

Бумага только легла в губы, а мысли уже расплылись в блаженном предвкушении терпкого дыма, одурманивавшего разум. Хотя бы на пару минут отвлечься, забыться и просто раствориться в этом мягком кресле. Усталость окутала невидимой шалью. Бдительность испарилась.

Ударив по карманам, Даша вспомнила, что там пусто. Да что обманывать, там ничего и не было, кроме хлама, резинок для волос и металлических скрепок. Антиквар это предвидел. Он широко ей улыбнулся и поманил рукой.

Даше стало неловко. Заветная зажигалка в руке не появилась.

— А ты что думала, я на тебя бензин буду переводить?

Даша вопросительно посмотрела.

— Наклоняйся, — жадно произнёс коротышка и вытянул губами свою сигарету вперёд.

Смутившись, она всё же наклонилась, пытаясь дотянуться своей сигаретой до манящего уголька. Коротышка упёрся ногами в пол и вжался в кресло. Расстояние между папиросами увеличилось. Даша опустила спину еще ниже, приняв горизонтальное положение. Длинные волосы скатились с её спины и повисли, щекоча своими кончиками руку мужчины. Капли пота выступили на бледном морщинистом лбу. Раздался сильный хлопок. Пухлая ладонь Антиквара жадно впиалась в Дашину ягодицу.

Глаза красавицы вспыхнули ярким пламенем, хватившего бы подпалить не только сигарету, но и спалить всю комнату со всем содержимым. Она резко откинула его руку, выпрямилась и вмазала крепкую пощёчину. Дашин хлопок был громче. Голова Антиквара уставилась вбок. Сигарета упала на пол.

Не успев наполнить стакан Славы, Боря перепрыгнул через стойку и ринулся к Даше.

— Постой, — медленно, испытывая наслаждение, произнёс коротышка, — не трогай её. Я получил, что хотел, — и быстро встал, проведя ладонью по опухшей щеке. — Приношу извинения за своё поведение, но животное внутри меня захотело сочного мяса.

Подобных “комплиментов” никто и никогда Даше не делал. Она смерила его взглядом, положила сигарету в карман и вернулась на место.

— Боря! — позвал его Слава. — У меня голова болит, можно побыстрее!

Охранник оскалится, но вернулся за стойку.

— Не обижайтесь, Дарья, — нежно произнёс Антиквар, сел обратно в кресло и закурил новую сигарету. — Я даже рад, что так получилось. Девушки с характером не посещают моих покоев, а тут такое. Подарок! Как правило, женщины бросаются к моим коленям, смотрят с вожделением и ждут, когда мои искры обожгут их кожу. Мечтают увидеть пламя бензина. И готовы на всё. А вы...

— А что я? Мы в пустую тратим время. Сидим здесь, разглагольствуем на тему «у кого есть яйца, а у кого их забрали». А там, наверху, на семьдесят пятом этаже, рождает женщина. Люди сплотились, пытаются спасти жизнь ребёнка, но бензин закончился. А вы берёте и поджигаете бензином сигареты!

— Простите, а в чём тут моя вина? — он стряхнул пепел. — Я вам всё дал. Но вам мало! Дай еще! Ещё! Это ваши проблемы, что у вас всё закончилось. Платите, дам еще. Думать надо прежде, чем тратить! — и постучал указательным пальцем по лбу.

Даша почувствовала себя нашкодившей девочкой, попавшей под раздачу всплывших родителей. В словах Антиквара была истина, и винить его было не в чем. Она сама сделала свой выбор, и только она сама могла всё исправить. Ни он тянул время, ни Слава, а она. Сидит и бездействует, ожидая непонятного чуда.

Слава только подносил вождеденный стакан к губам, как вдруг Даша вскочила и молча направилась к выходу. Проходя мимо, она желчно прошептала:

— Спасибо! Не подавись.

Так и не смочив горло, Слава отбежал от стойки и схватил Дашу за руку. Взгляды их встретились. Ненависть и любопытство схлестнулись.

— Я обещал, значит, помогу!

— Я сама справлюсь!

— Простите, Дарья! Что вам пообещал наш ихтиандр? — с преисполненным любопытством спросил Антиквар.

— Это не ваше дело, — спокойно ответила Даша.

— Да, ну ладно. А то я подумал, что вы сможете мне помочь, — и отвёл хитрые глазки в сторону.

Даша с интересом глянула на Антиквара. Отстранив Слаvinу руку в сторону, она вернулась и села в кресло.

— Дайте бензин, и я постараюсь вам помочь.

Антиквар засмеялся.

— Дашечка, нет! Здесь я ставлю условия. Судя по вашей карте, вы куда-то собрались, я угадал? Можете не отвечать, я не вижу иного повода брать с собой этого засранца, кроме как искупаться, — он глянул на Славу и, подмигнув, продолжил смеяться. — Романтическая поездка на лодке? Нарвать кувшинки и смастерить букетик? Утолите моё любопытство, Дарья!

Перекинувшись взглядом со Славой, Дарья развернула карту и положила на стол.

— Мы отправляемся за бензином, — и ткнула пальцем в нарисованный карандашом круг.

— Дарья, я понимаю весь абсурд вашего крестового похода. Вы так смотрите на меня, что мне кажется, это из-за меня вам приходится рисковать жизнью. Вы думаете, что я сижу на цистерне с топливом и не могу поделиться с вами жалким литром. Жмот и скупердяй. Нет. Это не так. У меня нет цистерны. Есть сотня канистр, и то я не уверен, хватит их нам, или мне придётся выключить свет во всём здании. Алкогольный бунд загнал к нам дополнительный народец, и я теперь не уверен ни в чём. Но, если вы бензин не найдёте, а найдёте кое-что другое, я с радостью поделюсь с вами канистрой.

— И поселишь меня на девяностый этаж! — воскликнул Слава.

— Да, поселю тебя на девяностый этаж.

— И дашь нажраться до беспамятства!

— Нет! Будешь терпеть интеллигентное общество и травить свои байки про русалок и подводных хмырей.

Слава сдавил стакан и замер. Залить глотку ему постоянно что-то мешало.

— Я подарю вам возможность расширить поиски. Сублимировать!

— И что же нам надо найти? — заинтригованно спросила Даша.

— Свечи, — ответил Слава.

— Да. Свечи, — подтвердил Антиквар, — Славик всё ищет-ищет, а найти не может.

“Пук” — все, что он смог мне принести. Инженеры возвели этот шикарный небоскреб из стекла и бетона. Напичканный интеллектуальной электроникой, он способен управлять нашим комфортом. Каждая квартира — живой организм. Ты приходишь домой, а духовка встречает тебя горячим хлебом. Проходишь в комнату и слышишь женский или мужской голос, вкратце рассказывающий последние новости. Ты банкир? Отлично: свежие котировки бирж, рост ценных бумаг — вся информация на светодиодном табло, расположившемся под винной полкой. Всегда есть, что обмыть. Темно. Ничего страшного — квартира включит свет. Затемнит окна, сделает холодно или тепло! А теперь что? Здание мертво. Мы обыскали все квартиры, залезли в каждый ящик. Перевернули каждый стол, тумбу, пуфик и, ты можешь себе представить, ни одной свечи мы не нашли. Свеча — анахронизм нашего века. Я хочу вернуть душу в свой пентхаус! Я хочу подняться на девяносто пятый этаж, включить музыку, раздеться догола, окутать себя мягким светом пламени свечей и схватиться руками за стальные опорные балки, пронизывающие здание насквозь. А когда волна ударит в дом, я пропущу через себя её мощь и буду наблюдать за стихией через панорамное окно.

— Вау, — обронила Даша. Она слушала с раскрытым ртом и не могла разобраться в своих чувствах: помимо отвращения, она испытывала восхищение. Безумие, которым пропиталось всё в этом мире, смотрелось не таким уж и безумным. — А какие вам точно нужны свечи? Случайно не те, что в аптеке продают?

Очередная попытка выпить исцеляющую жидкость не увенчалась успехом. Слава поперхнулся и внутри себя начал смеяться.

— А вы юмористка, — каменное лицо уставилось на Дашу. — Мне нужны обычные восковые свечи. Неважно, какой формы, пусть хоть фитиль торчит из задницы обезьяны! Штук десять.

— А если мы не найдём?

— А если вы не найдёте бензин? Выбор я вам предоставил.

Действительно, выбор не велик, но он появился. Следовательно, шансы на успех больше не стремятся к нулю. Даша хлопнула себя по ногам и встала.

— Пошли, — кинула она Славе, проходя мимо.

Мотнув ладонью, Слава с сожалением посмотрел на маслянистый след, оставленный напитком на стенках бокала. Тяжело вздохнув, он принял тяжелое для себя решение: поставил полный стакан и двинулся следом за Дарьей.

— Иди-иди, — оперевшись локтями на стойку, глумливо кинул Боря уходящему Славе, — хозяйка зовёт! Поторопись!

— Пойдите! — встав с кресла, Антиквар заковылял к Даше. — Вот, возьми. Пригодится.

Он протянул руку. На ладони блеснула зажигалка.

— Еще раз приношу свои извинения. Надеюсь, сей подарок сгладит ваше ошибочное впечатление обо мне.

Сомневаясь, Даша протянула ладонь, но это было для неё так непривычно. Подарок. Да еще от влиятельного мужчины. Тень от козырька кепки скрыла взгляд полный сомнения.

— Отказа я не потерплю! — внушительно произнёс Антиквар.

— Спасибо, — сказала Даша и положила зажигалку в карман.

Дверь в квартиру распахнулась и ударилась об стену, напугав всех. В помещение зашёл второй охранник, мало чем отличающийся от Бори. Лицо красное, покрытое мелкими каплями пота, но с улыбкой до ушей. Побелевшими ладонями он держал советский матрас,

набитый опилками. Автомат болтался, упираясь то в живот, то в спину.

— Вот, еще один притащили, — гордо произнёс Боря номер два и втянул матрас в комнату. — Тяжёлый, зараза!

— Я вижу, — недовольно произнёс Антиквар, увидев мокрый след на полу, тянущийся за матрасом. — Боря, помоги ему.

Охранники быстро испарились в соседней комнате.

— Ну, мои гости, желаю вам удачи!

Даша со Славой вышли в коридор и направились к лестнице.

Боря встал позади Антиквара, оттряхнул руки и чуть стесняясь, спросил:

— Босс, зачем вы девчонку посветили в это?

— Ради своей цели, она заставит его нырнуть даже в бездну, а он и не станет сопротивляться. Я получу своё и новый рычаг влияния на нашего водолаза. Рано или поздно, он вспомнит.

“Победит тот, у кого есть воздух в лёгких”

— А ты ему приглянулась, — спускаясь по лестнице, Слава с довольным лицом посмотрел на Дашу.

— Я смотрю, ты тоже из числа его любимчиков?

— Я бы так не сказал. Он меня терпит. Закрывает глаза на мои необдуманные поступки...

— Как с алкоголем?

— Как с алкоголем. Как с сигаретами два месяца назад.

— О, да! Я помню те три дня. Дым столбом стоял на каждом этаже! Даже какая-то комната сгорела?

— Да. Моя, — посмеиваясь, сказал Слава, — Я не курил, но дал покурить. Никто не помер, но, всё равно, комнату было жалко. Хорошо, что вода теперь повсюду.

— Кому как.

— Я имею в виду определённую ситуацию, при которой наличие воды — спасение.

— Всё равно мне непонятно, почему мы терпим этого мелкого узурпатора?

— Я бы не был так категоричен. Да, он захватил власть. А было у кого спрашивать? Любой мог это сделать, но не захотел. Люди спасались. Хаос готов был всех погубить. Антиквар — тоже хаос, но упорядоченный. Никогда не знаешь, что происходит в его хитрых извилинах, но хлестать плетью, а тем более убивать, он никогда не станет.

— И что, никого лучше нам не найти? Неужели уже никто не поднимет головы?

— Тебе плохо живётся? Работай и спи спокойно, что еще нужно?

— Да, плохо! Из-за его политики мне приходится искать этот чёртов бензин, отправляться на край света непонятно с кем!

— А вот это было обидно, — Слава остановился и пронзил Дашу взглядом. Та продолжила спускаться как ни в чём не бывало. — Да, ты права. Непонятно с кем...

— Нужно раздать людям ресурсы. Прекратит взывать плату! Предоставить жильё всем нуждающимся. Просто подарить надежду на завтрашний день!

— Что за глупости. Никто никому ничего не должен. Люди должны сами обеспечивать своё будущее. Ну, допустим, он раздал весь бензин, а дальше что?

Даша задумалась.

— Люди его оставят, будут экономить, рассчитывая на свои способности и потребности.

— Ага, конечно. Поверь, в первый день всё потратится, десять раз перепродадут из рук в руки, выльют и, наконец, спялят целый этаж. В итоге, цена и дефицит взлетят в космос, и до свидания жизнь на земле. Холодные звёзды нас ждут.

— Ты не прав: люди другие.

— В любом случае, я рад, что он у руля. Он умный, у него экономическое образование...

— Он извращенец...

— В первую очередь, он человек. Да, он опьянён властью, но с каждым днём трезвеет и уже не думает только о себе, как это было раньше. А два громилы с автоматами — гарантия

спокойствия и отсутствия бунтов. Защита от соседей. Ведь, что творится в головах соседей, нам неизвестно. А это пугает.

— Давай каждый останется при своём мнении. Меня утомляет этот разговор.

— Ты первая начала сыпать в меня глупостями.

— Что? — Даша замерла и закинула руки на пояс.

Слава прошёл мимо, слегка задев её плечом.

— Я всё хотел узнать, как ты собралась ориентироваться на воде? По звёздам? По мху на деревьях?

— А чем тебе солнце не угодило?

— Ты серьёзно? Плюс-минус два километра! По-твоему, это нормально?

— А ты как ориентируешься? — сухо спросила Даша.

— Я придерживаюсь карты, но обратно возвращаюсь, плывя рядом с караванами. Да и как не заметить торчащие башни из воды.

— Не переживай, у меня есть компас, — Даша залезла во внутренний карман плаща и достала квадратную пластиковую коробочку зелёного цвета. Корпус был испещрён глубокими царапинами, углы сбиты. Положив компас на ладонь, Даша откинула крышку. Стрелка указывала на юг. — Приплывём точно на место, плюс минус десять метров.

— Ага...

Спустившись ещё на два этажа, они остановились возле двери, ведущей в коридор.

— Ого! — воскликнул Слава и посмотрел вниз сквозь лестничный пролёт. Вслух посчитав до пяти, он сказал: — Придётся полетать!

Открыв дверь с цифрой шестьдесят, они шагнули вперёд. Сквозной ветер с силой ударил незваных гостей, смахнув кепку с Дашиной головы. Неловким движением она умудрилась её схватить и обратно надеть на голову. Слава пошёл первым.

В нос ударила сырость. В начале и конце коридора отсутствовали стеклянные стены, приглашая природу заглянуть вовнутрь. Ковёр под ногами хлюпал. Обои, краска и какой-либо декор отсутствовали. Вместо былой красоты в глаза бросался голый обшарпанный бетон, измазанный грязью. Начиная с шестидесятого этажа и уходя вниз были этажи-парковки. Люди с воды вплывали в здание, затаскивали лодки в комнаты, кидали “якорь” и поднимались наверх. Никто не переживал за свой транспорт — на двух лодках не уплывёшь. Сейчас вода ушла. Так всегда происходит перед волной. Принято измерять её уровень шестидесятым этажом, но за час до волны вода скроет и шестьдесят пятый, ознаменовав апофеоз надвигающегося бедствия.

Дойдя до середины коридора, Слава подошёл к двери и взялся за грязную ручку.

— Моя лодка дальше, — сказала Даша.

— А моя тут, — он открыл дверь и пригласил Дашу войти первой.

— Как любезно с вашей стороны, — она подмигнула и сделала шаг.

На полу лежали лодки. Обычные, парковые. Из дерева и стали. Борта сбиты, краска облупилась и осыпалась кусками. Дыры и пробоины были залатаны кусками пластика, элементами рекламных щитов (кстати, один из них гласил о непотопляемости рекламируемой фирмы) и деталями от мебели. Накрытые брезентом, они покоились и ждали, когда вода хлынет на этаж, затопит все комнаты и зафиксирует их, уперев в потолок.

— И где твоя лодка? — спросила Даша.

— У меня нет лодки, — ответил Слава.

— А что тогда? — и удивлённо закинула брови.

— Сейчас покажу!

— Удиви меня! Хотя нет, дай я сама угадаю! Детский надувной матрас?

Слава скептически на неё посмотрел, скривил рот и прошёл к дальней стене.

— Нет? — продолжила он. — Ну тогда плот из пластиковых бутылок? Снова не угадала?!

Слава встал возле предмета, отчасти напоминающего лодку. Всё портил брезент, не дававший Даше понять, что он прячет. Одним движением Слава сдёрнул занавес, и её глаза округлились.

— Ля какая! — воскликнула Даша. — Это что, “Каноз”?

Слава цокнул и задёрнул глаза к потолку.

— Это “Каяк”!

— Да какая разница!

— Что! — он вскочил как ошпаренный, перепрыгнул через лодки и уставился Даше в глаза. — Это каркасный двухместный “Каяк”! Ты просмотри, какой цвет! А, видишь? Такой не каждый день встретишь на дорогах!

Даша видела всё иначе: длинная лодка зелёного цвета, похожая на “Каноз”. Как в фильмах, где люди спускались со скал по воде, переворачивались и погибали.

— А это что посередине? — спросила она.

— Это машинная лебёдка. Я переделал её — теперь можно вручную сматывать трос.

— Лебёдка? — протянула Даша. — А где шноркель у неё?

Слава опустил брови, веки, губы и подбородок. Лицо излучало безразличную ненависть и злость.

— Пойдём, — кинул он, — мне нужна твоя помощь.

Подойдя к каяку, Слава развязал узел и ослабил верёвку, стягивающую резиновую юбку на посадочном месте. Запустил руку внутрь и ладонью нащупал два ножа, прикреплённые с внутренней стороны стенок, по одному возле каждой ноги. “На месте” — подумал Слава и завязал узел обратно.

— Это её имя? — Даша пальцем указала на борт, где белыми красками было написано “Ирина”.

— Теперь да. Точно не знаю, что это имя могло означать раньше. Такой я её нашёл и называю ласково “Иришкой”. Ладно, давай вынесем её отсюда. Возьмись за противоположный конец.

Они подняли каяк над головой и вынесли его в коридор. Не без приключений, конечно же. Даша споткнулась о весло, валявшееся на полу, и завалилась в лодку. Каяк сбил с её головы кепку и оставил мелкую ссадину. Выясняя, кому были причинены большие повреждения, Даша вспылила и назвала Славу эгоистом. И была права. Первым делом он кинулся осматривать “Иришку”, а Даше и руки не подал.

Проходя мимо пожарных дверей, Даша остановилась, а Слава продолжил идти. Она дёрнула на себя каяк и удивлённо спросила:

— Ты куда?

— Ты собралась спускать каяк по лестнице? Пять этажей?

— Да, а как еще?

Слава кивнул головой в сторону разбитого окна в конце коридора.

— Ты серьёзно? Ты еще и псих... Говорила мне мама, что водится мне с ненормальными всю жизнь, а я ей не верила.

— Ну, во-первых, мне нужно помыться, а во-вторых, да, я — псих. Пошли. Стоп. Это какая сторона?

Даша достала компас.

— Южная.

— Я знаю. Проверял твой прибор, — и подмигнул. — Пошли.

Ветер гнал в лицо мелкие капли воды. Плащ хорошо защищал от влаги, но только тело. Дашины джинсы начали промокать. Подойдя к краю импровизированного выхода из здания, Слава высунул голову и громко свистнул.

— Лететь метров пятнадцать. Ты, главное, не бойся, возьми меня за руку и закрой глаза, — аккуратно положил нос каяка на пол и протянул руки Даше. Она быстро отстранилась, выпустив каяк из рук. “Иришка” стукнулась о пол, выронив вёсла. Сердцебиение Славы участилось.

— Ага, нашёл дурочку. Не пойду я с тобой!

— Я другого ответа и не ожидал, — сказал Слава, отчасти пародируя Дашину интонацию и голос. Затем подошёл со стороны кормы каяка и, уперевшись в неё руками, надавил всем телом. “Иришка” скользнула по мокрому ковру и вылетела в окно.

Как наконечник копья, пронзающий плоть жертвы, каяк вонзился в воду, вошёл на половину и быстро вынырнул назад, мягко плюхаясь на воду.

Стоя у края, Слава хитро покосился на Дашу, развернулся спиной к улице и обворожительно произнёс:

— Теперь мы.

— Нет! — заявила Даша. — Я спущусь по лестнице.

— Прекрати, будет весело! — и снова протянул ей руки.

— Если ты не всплывёшь, “Иришку” я оставлю себе.

— Договорились! — прошептал Слава, расправил руки, словно крылья, сделал глубокий вдох и выгнул спину.

Даша только и успела ахнуть.

Сделав кувырок в воздухе, Слава устремился к воде вниз головой. Ладони сомкнулись. Тело выгнулось. Подол плаща хлестнул воздух. Стрела из плоти и костей разорвала гладь воды и скрылась во тьме.

Боясь высоты, Даша мелкими шажками, прижимаясь к стене, аккуратно подошла к краю и посмотрела вниз. Никого — только каяк болтался на волнах. “Идиот” — молнией ударило у неё в голове. Она зарычала и побежала к лестнице.

На пятьдесят пятом этаже воды было по колено. Спрыгнув с лестницы в воду, Даша начала быстро пробираться к выходу через коридор, но это было не так просто. Когда она оказалась в закрытом помещении в окружении прохладной воды, в её голове начали зарождаться страшные мысли. Даша дошла до середины коридора и представила, как вода начала приходить. Быстро, шумно. Она нервно обернулась и прикинула пройденное расстояние от выхода: “Успею добежать или придётся плыть. Быстрее к лестнице или сразу к разбитому окну. А может, поток воды протащит меня через весь коридор и выплюнет с другой стороны”. Стало страшно.

“Надо было прыгать со Славой” — промелькнула мысль, но она быстро её прогнала.

Еще пару шагов — коридор стал только длиннее. Окно отдалилось, превратившись в маленькую точку на горизонте. Перед глазами всё поплыло. Она облокотилась на стену и запустила руку во внутренний карман. Глядя на компас, глаза блеснули уверенностью. Губы

сжались, и последовал уверенный шаг.

— Я обещала! Я не буду бояться!

— Кого? — раздался голос в конце коридора. — Я живой! Не бойся! — кричал Слава. —

Иди сюда!

Даша искренне улыбнулась и уверенным шагом устремилась вперёд. Она была рада услышать знакомый голос в бесконечном коридоре.

Держась за борт каяка, Слава выплыл вместе с ним на этаж. Вода была спокойной, движений не затрудняла.

Ноги свободно бултыхались в воде, но в какой-то момент кроссовок черкнул о ровную поверхность. Слава встал. Прижав “Иришку” к стене, тонкие длинные пальцы взялись за верёвки и принялись распутывать узлы. Закончив, он ослабил стяжки и раздвинул обе юбки, открыв посадочные места. Подходила Даша.

— Носки не намочила?

— Как видишь...

— Прошу на борт, — блеснув глазами, Слава протянул Даше руку.

— Я сама!

— Как скажете, — Слава спокойно встал и скрестил руки на груди.

— Куда мне садиться?

— Вперед.

Рябь на воде пошатывала каяк и нежно его тёрла о женское колено. Взявшись обеими руками за комингс, Даша неловко закинула правую ногу и попыталась её запустить внутрь, продев сквозь посадочное отверстие. Каяк мотнуло. Даша испугалась и потеряла равновесие, но сильные мужские руки вовремя подхватили её, не дав плюхнуться в воду.

— Нет, не так! — твёрдо сказал Слава. — Представь, что садишься на лошадь. Ну, или на велосипед. Вначале перекинь правую ногу через каяк. Обеими руками возмись за края отверстия. Теперь прижмись спиной к лебёдке.

Даша в точности повторяла все действия, несмотря на то, что тёплое дыхание перегара било ей в нос. Противно, но терпимо. Голова закружилась, но не от паров алкоголя: Славина грудь прижималась к её спине, передавая рельеф упругих мышц. Слова поддержки, понимания и сострадания лились тёплым потоком из Славиных уст, уводя сознание Даши в совсем иной мир. В мир, где завтрашний день точно наступит. Солнце всплывёт на горизонте и рассеет тьму на морском дне. На душе стало спокойно. Уверенность растеклась по всему телу, наливая мышцы силой.

Оседлав каяк, она внимательно посмотрела на Славу. Перед ней больше не стоял вонючий, пьяный мужик. Перед ней стоял мужчина, готовый прийти на помощь. Подать руку. Поддержать.

— Теперь возмись руками за борта и вынимай ноги из воды. Да, всё верно. Молодец. — Дашины руки дрожали, ноги замерли над каяком. — Ноги сомкни и продень в отверстие. Ну и всё, теперь слегка оттолкнись руками и усаживайся на место.

Даша прицелилась, оттолкнулась руками и погрузилась внутрь, усевшись на мягкую сидуху. Слава затянул верёвку юбки на поясе Даши и завязал “бантик”.

— Поможет сохранить твои ноги в сухости, — и подмигнул.

Подойдя к своему месту, Слава засунул внутрь руку по плечо и начал что-то искать. Со словами “Идите к папочке”, на свет появилась пара ласт. Обычные, синего цвета. Быстро надев их поверх мокрых кроссовок, он повторил движения Даши и уселся на своё место.

Двухлопастные вёсла покинули крепежи и разместились в двух парах рук. Всё было готово.

Оттолкнувшись веслом от стены, Слава начал грести. Медленно и плавно, вонзая лопасть в воду, как ложку в банку с чуть подтаявшим мороженым. Пара взмахов, и каяк уже начал набирать скорость.

Мечтая побыстрее покинуть замкнутое пространство, Даша начала неловко махать веслом, бить им по воде (в прямом смысле) и вообще чуть не выронила, болезненно выгнув кисть руки. Каяк зашатало, брызги воды полетели во все стороны, в том числе и на Славино лицо.

— Стоп, стоп! — положив ладонь на плечо Даши, Слава попытался её остановить. — Ты что, не умеешь грести?

— Почему? Умею! — заявила Даша, но её внутренний голос говорил обратное. — Я забыла.

— Посмотри на меня. Возьми весло вот так, как я, — и над головой занёс весло, поставив руки, как бодибилдер на соревнованиях. — Молодец. Теперь правую руку приподнимай, а левую опускай и нежно, с любовью, входи в воду лопастью. Почувствовала сопротивление воды?

— Да!

— Умница. Теперь рывок, и вынимай весло. Работай кистью!

Даша схватывала на лету. Не прошло и двух минут, а каяк уже уверенно разрезал мелкие волны, разгоняясь только за счёт женских рук. Тёплый ветер нежно ласкал кожу лица, шумела вода. Страхи отступили. На смену пришло чувство эйфории. Предстоящее путешествие возбуждало.

Даша обернулась и радостно улыбнулась, увидев, как страшный коридор исчезает, превращаясь в маленькую точку на фоне гигантского зеркала. Стекло здание кидало тёплые лучи солнца на лица путешественников, провожая их в дальний путь.

— Пльвём на юг, — достав компас, сказала Даша, — будем ориентироваться на двухсотый азимут.

— Как скажете, капитан! Я подстроюсь под твой ритм, и мы поплывём на Юг. На море хочешь?

Оба разразились смехом.

Даша достала верёвочку из кармана, привязала её к колечку на корпусе компаса и повесила на шею. Развернула карту, а голубые глаза забегали по бумаге. Скрупулёзно впиваясь в каждую точку, отмеченную карандашом, женская голова рисовала векторы движения и искала короткие пути. Но этого было мало. Нужно найти не просто быструю тропку. Необходимо в короткое время найти нужные вещи и успеть вернуться обратно. Она решила, что заплывать в центр района бессмысленно: если машины и прибило к домам, то только в начале и по бокам.

Дома служили фильтром, собирая в своих пустых квартирах вещи, несущиеся потоком воды. Машина, пронзившая окно, не редкость. Первое время, это было частым явлением, но с каждым годом их становится всё меньше и меньше. В этом году так вообще на смену приплыли машины с номерами других регионов, а наши, местные, все эмигрировали.

Были машины даже с дальнего востока, с владельцами. Неживыми, конечно, но зато с полным багажником всего необходимого для дальней дороги. Поговаривают, что видели машину с иностранными номерами, американскими. Но это только слухи. Хотя, возможно, где-то там далеко, скребётся себе по асфальту Авеню-Независимости ржавая лада с

Держит меня за ногу и пытается глубже утянуть. Животный страх и пузыри воздуха окутали меня. Пробую хоть за что-то зацепиться. Не получается, только воду баламучу. А он, зараза, лапами машет у меня перед лицом и тащит на дно. Мне повезло, что я разделся, когда Лёху утащило. Снял куртку, ботинки. Надеюсь, что Лёха всплывёт, а я к нему нырну и вытащу. Ну вот, для другого пригодилось. Значит, схватил я, гада, за голенище и сдёрнул ласту. Потом вторую. Держу его ноги и понимаю — победит тот, у кого воздух! А лёгкие мои начинают сильно гореть. Я как бешенный давай махать ногами и, бац, попал! Сбил маску с его лица. Он меня и отпустил.

— Да быть не может! — воскликнули люди. — Где же он баллоны заправляет? Выдумщик!

— Клянусь! Я вам правду говорю! — содрогался рассказчик.

— Получается, ты, как карась, попался на крючок?

— Получается так.

— А с Лёхой что?

— Не знаю. С тех пор, больше его не видел. Я в лодку быстро забрался, вытащил нож из рюкзака и просидел с ним до ночи! Теперь вот — только с собой и ношу.

Сплетни быстро разбежались по небоскрёбам, но через какое-то время слух стал правдой. Так появились “Рыбаки” и целый свод правил, как не взять за щеку крючок и остаться с добычей. Но мало кто прислушивался, а тем более, мало кто их читал. Люди продолжали регулярно пропадать.

Для жителей города волна была не только смертельной трёхсотметровой стеной, сметающей всё на своём пути с интервалом в двадцать восемь дней. Через волну люди пытаются даже общаться: кидают в воду бутылки с координатами и надеются выловить что-то подобное, способное создать иллюзию живого мира. Понять, осталась ли жизнь за МКАДом. Может, где-то люди продолжают жить на суше, не подозревая о существовании целого города, переживающего стихийное бедствие раз в месяц? Всё может быть, но ответная СМС-ка не приплывала. А может, и приплывала, но её пока никто не нашёл.

К сожалению, волна не только любит давать. Она любит и забирать. Уставший путник, не рассчитавший силы или ушедший с маршрута, обречён. О нём даже не вспомнят. Сгинет в буйствующей пучине и превратится в “волновика”, размазанного о бетонную плиту здания. Если повезёт, залетит в квартиру и станет пищей для местных рыб, кружащих стаями вокруг домов, заросших толстым слоем тины.

Пара окуней, выплывающих из пустых глазниц черепа, покажутся вам забавными, по сравнению с гигантским сомом, пытающимся сожрать вас живьём. Если, не дай бог, вы его видите, то, скорее всего, вы по пояс у него в пасти. Не пытайтесь орать или что-то ему говорить. Не сопротивляйтесь. Выпустите весь воздух из легких и вдохните воды через нос. Так быстрее. В отличие от вас, у сома есть смысл жизни в этом мире, и ему еще понадобятся силы.

Уже как целый час нос тёмно-зелёного каяка стремительно разрывал мелкие волны, а пластиковые вёсла нежно вонзались в гладь воды, подобно ложке в солидоле. Небо ясное. Горизонт чист. Попутный ветерок слабо подгонял “Иришку”, от чего наши путники могли смело считать ветер — другом.

Но такой дружбе не суждено долго просуществовать. Пройдёт три дня, и добрый друг обратиться в злейшего врага, несущегося по городу ураганом. Это беспокоило, но и хорошо поддерживало в тонусе. Нужно было грести и не отвлекаться. Смотреть вперёд, и не оборачиваться, потому, что смерть всегда приходит с севера. Но, даже ощущая холодный взгляд на затылке, Даше со Славой сейчас хотелось только одного: быстрее повернуться к костлявой деве лицом и, улыбаясь, вернуться домой с чувством выполненного долга.

Было ли нашим друзьям страшно? Да! Но не смерти они боялись. Куда страшнее было вернуться с пустыми руками и оставить людей на произвол судьбы. Отдать мать тьме, забрав свет. А ребёнка придать грязи, не дав омыться в горячей воде. В наше время говорят: где ходит тьма и грязь, там смерть танцует, кружась в вальсе. Каждый может стать её партнёром.

Даша старалась не думать о плохом. Жадно тянула хорошие мысли отовсюду: от тёплых лучей солнца, от блеска воды, от проплывающих мимо лодок. Конечно, люди смотрели с недоумением на парочку, и показывали им руками — мол, вы плывёте не туда, — но Даша улыбалась в ответ и, выпустив весло из рук, пыталась объяснить, что их путь лежит на юг.

Караваны лодок, с хабаром на обмен, устремлялись в город будущего, дабы сохранить жизнь. Переждать стихию. А тут всё наоборот. Самоубийцы — думал народ, и молча крутил пальцем у виска.

— Не трать ты на них время, — недовольно пробурчал Слава, прогнав с себя очередную дрему. Его голова раскалывалась, а сознание периодически проваливалось в холодный сон, — греби и не обращай внимание.

— А что в этом плохого? — кинула Даша.

— Я пытаюсь поспать, а ты начинаешь каяк раскачивать, махая всем руками! Я тебя по-человечески прошу — греби и не выпускай весло из рук, ненароком еще утопишь.

Даша попробовала сжать черенок сильнее, но мышцы пальцев, особенно большого, уже начинали неметь. Плечи налились грузом. Воздух стал тяжелей. Она вдруг ощутила усталость и раздражение.

— Может, ты мне поможешь? — перестав грести, спросила она с осязаемым напором.

Слава открыл глаза и посмотрел исподлобья на женский затылок. Чмокнул губами и гордо заявил:

— Одно только то, что я тут сижу, посреди этого болотоморя, уже говорит о том, что я тебе помогаю. Согласна?

Правда хлестнула как плеть. Весло Даши погрузилось в воду и резким рывком плеснуло воды в лицо Славе.

— Ой! Я нечаянно! — громко заявила Даша и расплылась в наглой улыбке, зная, что Слава её не увидит. Затем опустила глаза и разглядела в отражении на воде насупившееся мужское лицо.

Настроение Даши стало чуточку лучше. Она гордо расправила плечи и продолжила

грести.

Слава понимал, что ведёт себя не по-мужски. Но оправдывал себя тем, что не он был инициатором. Не он ударил себя по яйцам. Не он был соблазнительной красавицей, рассеявшей его хмельной сон. Старик с девчонкой его нагло разбудили и заставили согласиться на эту авантюру с бензином. Да еще и эти свечи для Антиквара. Он их ищет год — найти не может. “Хрен что у нас получится” — подумал он, и быстро передумал. Отогнал пессимизм и накинул плащ оптимизма, способный выгнать любую дурь из головы. Разум прояснился. Пронзительный взгляд Даши всплыл перед глазами. Единственного, кого можно было винить в том, что он оказался здесь и сейчас — был он сам.

Мужские руки крепко сжали весло.

Даша ощутила ускорение и довольно улыбнулась. Но через, минуту каяк снова поплыл в прежнем темпе. Зарычав от злости, она хотело уже крикнуть на Славу, но неожиданно нежное похлопывание по женскому плечу затушило назревающий пожар.

— Вот, возьми, — Слава протянул руку и предложил Даше пару кожаных перчаток без пальцев, — с мозолями будет трудно грести.

— Спасибо! — сказала Даша и надела перчатки. Кожа на ладонях уже успела покраснеть.

— Смотри, что у меня еще есть! — Слава пристегнул весло, ослабил резинку на защитной юбке затянутой на поясе, и запустил под неё руку, пытаясь что-то нащупать на дне каяка.

— Что там у тебя? Мини склад?

— Да нет. Рюкзак. Сейчас, погоди, почти нащупал... Ага! Нашёл!

В руке Славы блеснул мелкий пакетик.

— Это что? — удивлённо спросила она. — Собачья еда?

— Лучше! Кошачья! — палец Слава указывал на изображение рыжей киски на упаковке.

— Фу-у-у, ты собрался это есть?

Слава надорвал упаковку и с довольным лицом, словно дарит дорогой подарок, протянул упаковку Даше.

Приторный запах консервированного мяса, в соку из варёных костей, ударил ей в нос. Спазм в горле не заставил себя долго ждать. Быстро отвернувшись, она попытался скрыть нотки сомнения, промелькнувшие на её лице. Было мерзко, противно. Но в тоже время пахло едой, а Дашин желудок последний раз довольствовался пищей часа четыре назад. Физическая нагрузка усилила аппетит, появилось чувство голода. Точнее, вернулось привычное чувство голода, утоляемое редким приёмом пищи и покоем.

— Спасибо тебе! — послышался женский голос, полный упрёка, — Помимо того, что я устала, теперь я еще и голодна.

— Так вот, ешь.

— Спасибо, не хочу!

— Ты сама себе противоречишь. Определись уже, или я всё съем.

— Ешь!

Слава запрокинул голову и быстро поднёс пакетик к губам. Густое желе потекло в глотку, срываясь с краёв упаковки.

— Ты срок годности смотрел?

— Они вечные! — чмокая, заявил Слава, — Даже если и просроченные, то всё равно вкусные, — запустил руку в воду и омыл лицо. Сплюнув, выкинул пакетик за борт.

— Раньше девушкам в лодке стихи читали, цветы дарили, а теперь кошачий корм подают под видом деликатеса. Куда плывёт мир...

Слава хотел взяться за весло, но каяк вдруг дёрнуло. Даша быстро вонзила лопасть в воду и начала грести от себя, пытаясь уйти в сторону.

— Ты что творишь? — возмутился Слава, схватившись за борта.

— Вон, смотри. Что ему надо?

Слава выглянул из-за Даши. Деревянная зелёная лодка, зашарпанная и вымазанная грязью, под управлением лысого мужика, резко накренилась и пошла им на встречу. Да не просто на встречу, а на таран. Не прояви Даша инициативу — столкновения не избежать.

Лодка встала перпендикулярно “Иришке” перекрыв путь. меховой воротник военной куртки скрывал лицо хулигана на половину, но выпученные глаза выражали неподдельное удивление, глядя на ребят. Мужчина закинул вёсла в лодку и встал.

В глаза сразу бросилось могучее загорелое лицо, принадлежащее человеку лет за шестьдесят. Он был гладко выбрит. Опрятно одет. Чёрные брюки, кофта с высоким воротником — всё на нём сидело как литое. Если бы не хаос, окружающий всё вокруг, можно было подумать, что мужчина мчится на праздник. С девочками и выпивкой. Но, увы. А хотя, может быть и так. Кто его знает.

— Дед! — недовольным тоном воскликнул Слава. — Ты что делаешь!? Совсем сума сошёл?

Мужчина нахмурился. Сдвинул седые брови и сказал, как раскалённый молот:

— Что?! Тебя в детстве не учили, как надо со старшими разговаривать?

— Начинается... — протянул Слава, закинув голову назад.

— Что ты там буробишь? — спина старика выпрямилась, плечи распрямились, а грудь надулась, от чего он стал выглядеть в два раза больше. — Не прячься за женскими плечами, говори, глядя мне в глаза!

Слава два раза махнул веслом по воде и поставил каяк параллельно лодке, но подплывать не стал. Права рука незаметно потянулась к ножнам, прикреплённым к внутренней стенке каяка.

— Я говорю... — начал Слава.

— Громче говори, я плохо слышу!

— Я говорю... Я спрашиваю, ты ослеп? Чуть нас не опрокинул!

— Я! Ослеп? Да слепой мимо проплыл бы, а я наоборот, как увидел вас, сразу решил помочь!

— Зачем? — спросила Даша.

Старик нахмурился сильнее. Складки на голове съезжились, лицо стало напоминать высушенную землю, испещрённую глубокими трещинами.

— Как это зачем? — губы старика скривились, — Спасти вас хочу! Вы хоть знаете, что через три дня волна ударит?

— Так мы её и ждём, — пошутил Слава.

— Зачем это? Это ж верная смерть. Все плывут в башни, а вы куда?

— Мы — экстремали, — вскинув весло над головой, Слава начал изображать активную греблю.

— Кто? — бровь мужчины медленно и возмущённо вскарабкалась на лоб.

— Хотим оседлать волну и прокатиться на ней верхом, до самого Крыма!

Даша опустила голову, скрыв под козырьком кепки улыбку. Старик не обратил

внимания на шутку Славы. Ему давно было не до шуток. Видеть обречённых молодых людей для него было болью. Болью, которую он нёс в себе каждый день, испытывая муки от потери близких. Смирение и время не лечило. Помогало дело. Откуда ему было знать, куда они направляются. Да это и не важно. Есть только одна истина — идёт смерть, и спастись от неё можно только сейчас, и только направляясь на север. Иного не дано. И если получится хоть кому-то помочь, дать пищу, кров, — возможно на душе станет чуточку легче. Боль утихнет и можно будет спокойно заснуть.

— Ребята, хватит дурака валять, — серьёзным тоном заговорил мужчина, — ну не нашли ничего на обмен, зачем рисковать? Думаете, еще есть время для поисков? Не успеете! Двигайте в “око”, и не важно, что там нет ничего — зато жизнь сохраните!

Глаза Славы вопросительно окинули мужчину с ног до головы.

— Да зачем в “око”, — передумав, отмахнулся старик, — поплыли со мной! У меня вон, какой улов!

Ладони старика указали на дно лодки. Слава с Дашей вытянули шеи и, покосившись, скромно заглянули через борт. Ничего особенного на первый взгляд: вздувшийся, как утопленник, армейский рюкзак, упаковка воды состоящая из дюжины бутылок, и несколько мокрых журналов. Но от внимательного взгляда не могла скрыться одна, немало важная, деталь. Всё эти вещи лежали на советском матрасе, а под ним располагался еще один.

Никто не мог сказать “почему”, но именно такие матрацы очень высоко ценились Антикваром. За один можно было получить три дня проживания на хорошем этаже.

Редкий экземпляр. Советский. Но даже когда такой находили, не каждый решался таскать такую махину с собой. А сколько сил можно было потратить, вытаскивая его из воды, не говоря уже о подъёме со дна. Проще было поискать что полегче, и не заморачиваться. А тут сразу два. Но на канистру с бензином всё равно не тянуло.

— Поплыли! — взмолился мужчина. — Хватит на всех! Разместимся вместе и переждём.

— Спасибо вам за предложение, — искренне сказала Даша, — но мы спешим!

Слава вытянул весло, упёрся им в лодку и надавил всем телом, уведя каяк в бок. Даша подрулила, и они проплыли рядом, оставив старика позади. Мужчина смотрел на них с недоумением и злостью.

— Ну и валите на своей хреновой байдарке к Нептуну в объятья! — крикнул он им в спину.

— Это не байдарка! — обернувшись со скрипом костей, Слава попытался поспорить, — Это...

— Да мне плевать, что это! Я сегодня рюмочку выпью и выплюсь, а вы продолжайте своё кругосветное плавание!

Слава уже был готов позавидовать мужчине, но быстро вспомнил, что все запасы осушили и про себя посмеялся.

Разогнав каяк, Даша позволила себе погрузиться в раздумья. Старик упомянул “око”, а ей всегда было любопытно, что там, кто там. Каков строй, порядок. Изначально оказавшись в башне спасения, — так все называют “Башню Федерации”, - Даша других вариантов для себя не видела. Боялась? Нет. Просто сравнивать было не с чем, да и особо не хотелось рисковать. Всё что нужно всегда было под рукой: свет, вода, возможность зарядить батарейки для фонаря. Но любопытство правит миром, и мысли Даши давно были охвачены желанием попробовать что-то новое, сравнить уровень жизни, и если получится, сделать

свой маленький вклад. Как сейчас, плывя в неизвестность.

“Почему бы и нет”, - подумала Даша и спросила:

— А ты был в “око”?

— Если ты имеешь в виду небоскрёб, напротив башни спасения, то да, был.

— И как там?

— Старик сказал всё верно — там нет ничего. Туда приплывают отбросы и конченные лентяи с пустыми руками. Селятся на последних этажах и ждут. Ни воды, ни еды, ни света. Если, не дай бог, что-то ценное сверкнёт в твоих руках — утром не проснёшься.

— А кто за порядком следит?

— Там нет управляющего, а значит — нет и порядка. Хотя, я вру. Когда я туда попал, управляющий был. Но утром его тело нашли бездыханным, с куском ржавого металла торчащего из груди. И так каждый раз. Там нет оружия, нет патронов. Некому блюсти порядок. Люди не боятся ничего. Хаос, грязь и тьма — всё, что там есть.

— И зачем ты туда поплыл?

— Я много куда плаваю, — загадочно ответил Слава.

— Мне жалко этих людей!

— А что их жалеть? — возмутился Слава, — Они настолько ленивы, что даже не могут набрать вещей для обмена, плавающих у них под носом! Вот ты! Что ты привезла в этот раз?

— А что меня сравнивать? Я молодая. У меня есть силы...

— Ты думаешь, там одни старики, брошенные на произвол судьбы? Ошибаешься! Вон, старик, который нас подрезал, набрал же где-то вещей, возможно даже нырнул за ними. А возможно и убил кого-то. Но в “око” он явно не стремится, а в башню спасения попадёт!

— Ну, это ты придумываешь.

— Ага, конечно. Скорее всего, подплыл к людям и как... — Слава неожиданно схватил Дашу за плечо и громко крикнул ей в ухо. — Хрясь!

Даша вздрогнула от испуга, практически выронив весло.

— Ты что делаешь? Напугал меня!

— Прости, я не думал, что ты такая трусиха, — и засмеялся. — Знаешь, на что больше всего жалуются люди в “око”?

— Просвети меня.

— На то, что волна им не дала! Я не понимаю этого нытья: “Волна не дала!”. Почему она вообще должна что-то давать? Тебе природа дала инструменты — голову и руки. Скажи за это спасибо и приступай к работе. Люди, целенаправленно туда плывут, и не за покоем и сладким сном, а за возможностью ухватиться руками за власть, но воспользоваться главным инструментом — головой, забывают. Сесть на попу и ждать маны небесной — это всё, что извилины могут сгенерировать в их пустой башке. Так не бывает, никогда такого не было и такому не быть. Временная иллюзия обратится вечным сном.

— Рано или поздно, найдётся грамотный человек. Сплотит людей вокруг себя и оседет там, наведя порядок. Народ потянется. Жизнь наладится. Хоть какая конкуренция будет Антиквару.

— По правде говоря, там уже есть такой человек. И даже порядок навёл, ну во всяком случае, он так хочет это преподнести. В тот день, когда наводили “порядок”, подозрительно много сомов приплыло к зданию, и встречались там не малые особи.

— Рыбу приманили для отлова к предстоящему пиру, в честь создания нового правительства?

— Нет. Точнее сказать — это рыба приплыла пировать, а на закуску у неё были несогласные с новым правительством.

Даша не знала, что сказать. Она не хотела верить своим ушам. Они жили в такое сложное время, когда смерть поджидает на каждом шагу. И вместо того, чтобы сплотиться в единое общество, объединиться в единый центр, где можно будет получить воду, продукты, медикаменты и просто, переждать волну, не опасаясь за жизнь, люди продолжают хвататься за власть, убивая всех неугодных.

— Теперь, тебе Антиквар уже не кажется таким злым узурпатором? — едко спросил Слава.

Между двух зол приходилось выбирать меньшее.

Даша перевела мысли, но отчасти была согласна со словами Славы. Но только отчасти.

В очередной раз, достав компас, Даша сверилась с картой и убедилась, что они плывут в верном направлении.

За спиной послышался храп.

От злости и обиды, Даша замычала сквозь сжатые губы как двигатель моторной лодки, намотавший на свои лопасти водоросли. Но ничего не поделаешь. Конечно, можно было врезать веслом в похмельную морду, но что это даст? “Ладно, чёрт с ним! Ему еще нырять” — оправдывалась Даша сама перед собой продолжая грести. Но уже не так быстро и не с таким энтузиазмом, как это было в само начале.

“Иришка” продолжала уверенно плыть вперёд, поджимая под себя волны. Вёсла ласкали воду. Под каяком начали мелькать тени некогда жилых домов. Верный знак. Женские глаза быстро вгрызались в горизонт, в надежде по скорее увидеть заветный ориентир. По небу плыли редкие облака, и ничто не должно было помешать его увидеть.

Даша прищурилась.

Вначале ничего не было видно, но когда очередное облако испарилось, лучи солнца озарили воду и отразились от какого-то предмета. Женское лицо расплылось в улыбке. Руки налились силой и уверенность. Вот оно!

Монументальная, пятиконечная звезда в венке из колосьев, возвышалась над водой, раскидывая золотые лучи. Пластины жёлтого стекла, пережившие не один удар волны, и даже не потерявшие свой блеск, всё так же продолжали ярко отражать солнечные лучи, слепя глаза всем осмелившимся взглянуть на столь прекрасное архитектурное произведение искусства. Подплыв ближе, можно было заметить отсутствие части золотого колоса, но от этого звезда не стала менее величественной. Верой и правдой, она продолжала служить главным ориентиром для тысячи людей, отправившихся на поиски даров, принесённые волной.

— Ура! — громко воскликнула Даша, разбудив Славу. — полпути проплыли!

— Что там? — послышалось недовольное бурчание.

— Здание МГУ!

— А-а-а, звезда.

— Она самая, — каяк заметно ускорился, — Никогда бы не подумала, что буду так счастлива её увидеть. Особенно в это время. Ты слышал, люди говорят, что на ней можно переждать волну.

— Кто говорит?

— Люди, кто еще?

— Говорить можно всё что угодно. Бред. Тебя ветром с неё сдует. Или размажет водой

об металлические прутья ограждения, если ты решишь забраться на самый верх.

— Мне кажется, до самого верха вода не добьёт. Ты залезал на неё?

— Нет, конечно! Зачем?

— Я тут впервые после первого удара волны, — по-настоящему волнительно произнесла Даша. — Когда гуляли на Воробьёвых горах, со всей семьёй, всегда мечтала побывать в этом здании, залезть на самый верх и взглянуть на Москву с высоты птичьего полёта. Проходя рядом, меня всегда возбуждала атмосфера, которой был пропитан каждый клочок земли, каждая скамейка и лужайка. Не скрывая, я завидовала людям, пересекавшим порог и заходившим внутрь института. Представляешь, сколько великих умов вышло отсюда?

— Успокойся! — рубанул Слава, — Больше от сюда никто не выйдет.

— Да что с тобой? — Даша повернула голову и косо заглянула в мужские глаза.

— Из-за таких — “великих умов”, мы и сидим тут с тобой, посередине болотоморя. Где были эти умы, когда произошла трагедия? Где они сейчас? Кто-нибудь собирается исправлять этот хаос? Я тебе сам отвечу: они и сидели у руля трагедии, а потом сгинули, не в состоянии позаботиться о себе! Вот и все твои величественные умы, — и положив весло, развёл руки.

В очередной раз, Даша согласилась, но отчасти. По-прежнему её взгляд был прикован к звезде, а душа к надежде, скрытой под толщей воды.

— Смотри, — воскликнула Даша, указывая пальцем в сторону института, — вход в музей показался. Давай заедем на обратном пути? Если время останется, а? Я очень хочу попасть внутрь!

Слава что-то невнятно кинул себе под нос и потряс головой, но что он мог поделать. Он и сам мучился от любопытства — что там внутри.

— Заедем. Обязательно заедем...

Сквозь гнилую оконную раму, установленную на тридцать первом этаже, разъярённая пара глаз внимательно наблюдала в бинокль за двумя путниками проплывающих мимо. Поначалу лицо наблюдателя исказилось кривой улыбкой, но когда лодка начала удаляться, гладкие щеки нервно задрожали, а губы вытянулись тугой трубкой. Глаза прищурились, брови сдвинулись. Злость не просто закипала внутри, она бурлила, и желчью выплёскивалась наружу. Бинокль задрожал. “Почти!” — быстро проплыла в голове мысль, как необычная лодка, устремившаяся к горизонту. Наблюдавший отчётливо прочитал на лице девчонки, сидевшей впереди лодки, неподдельное любопытство. Даже успел обрадоваться, когда она вскинула руку в его сторону, и был абсолютно уверен, что мышка попадёт в ловушку, но просчитался. Лодка проплыла мимо и повернулась кормой.

Музей землеведения, что находится в здании МГУ, вырос над водой и всегда являлся центром притяжения для путников, собиравших вещи для обмена в юго-западном районе Москвы. Усталость, страх, любопытство — чувства свойственные любому человеку и именно эти чувства, загоняют человека в ловушку.

Второй день ожидания подходил к концу, а никто так и не попался. Время поджимало. Риск остаться с пустыми руками разбухал как брюхо сома, переваривающего целиком человека. Пора было действовать радикально.

— Если мы сейчас их не поймает, — разъярённый женский голос эхом пробежался по круглой комнате и медленно затих, — то останемся с пустыми руками! А я не хочу снова плыть в “око”! Слышишь меня?

Женщина опустила бинокль, и кинул взгляд на мужчину, стоящего в стороне. Облокотившись о стену, он прижимал телефонную трубку к уху и делал вид, что с кем-то разговаривает. Сам телефон висел рядом на стене: чёрный ящик с белым диском для набора номера. Устаревший дизайн, никаких сенсорных дисплеев и никакого интернета — обычное старьё из прошлого! Но если прозвучит голос в трубке — ваше сознание сойдёт с ума, обезумев от сокрушительного восторга. К сожалению, на другом конце провода тишина нарушалась молчанием, потому что тот самый провод, торчавший из трубки, был оборван, а его конец болтался между мужских ног.

— Костя! — крикнула женщина. — Какого хрена ты делаешь?

Мужчина устало поднял глаза, окинул взглядом покрытый грязью и тиной потолок и подумал, что если промолчать, скорее всего, о нём забудут. Усталость и напряжение как запущенные глисты — пронизывали всё его тело, и от этого неприятного, а порой и болезненного ощущения, нельзя было избавиться. Нельзя почесать. Нельзя вылечить. Только терпеть.

В “око” ему тоже не хотелось плыть. Грязь, вонь, слёзы и крики. На ближайшие три дня предстояло именно такое кино, смотреть которое, уже просто нет сил. Вроде ничего сложного — собирай дары Волны, накопи нужные вещи и сдай всё Антиквару. Живи в тепле и тишине. Но нет. Зачем? Пусть другие этим занимаются, а мы на них нагреем ручки. Вот и нагрели. Народ нынче поумнел. Ходят тройками, по несколько лодок. Грабить, как раньше, уже не получалось. Нужно было изощряться, придумывать новые схемы. Сразу вспоминаются сытые дни до Волны: что не день, так новая душещипательная история, льющаяся дрожащим голосом в наивные уши стариков. Нет-нет, да попадётся кто на удочку.

Денежку переведёт. Так и жили — тяжелее последней модели телефона ничего не поднимали. Звони да разводи. А что сейчас? Приходится придумывать всё в последний момент и срочно делать. Когда уже поджигает так, что они вынуждены идти на крайние меры. И в этом заключалась вся их сущность: в запасе чуть меньше трёх дней — время есть, успеем.

Женщина еще раз, но уже с явным напором, окликнула мужчину и пнула ногой литровую бутылку из-под воды в его сторону. Пустую. Пластик пролетел рядом с мужским носом и рухнул на остатки вымоченной мебели, гниющей в углу. Нервы мужчины не выдержали.

— А что, не видно? — резко кинул он, положив трубку на плечо. — Разговариваю!

Сжав челюсти, женщина медленно начала резать воздух словами:

— Быстро погрузил вещи в лодку, и гребки за ними, пока далеко не уплыли!

— Вик, у нас впереди еще пару дней, — спокойно заметил Костя, продувая отверстия в динамике трубки, — зачем нам куда-то дергаться, потерпи! Кто-нибудь да приплывёт.

Левая сторона женского лица сильно дёрнулась. Тонкая ладонь с силой сжала бинокль и уже была готова его швырнуть со всей силой, но пожалела. Нет, не мужчину, — бинокль.

Хлюпая ботинками по полу, она стремительно приблизилась к Косте, выхватила трубку из его тонких пальцев, и с силой обрушила её на телефон. Чёрный ящик не выдержал и упал на пол. Глухой удар раскатился булькнувшим грохотом по комнате. На мгновение, Костя пожалел, что сболтнул лишнее. Надо было молча кивнуть головой и сделать то, что она просит, а точнее — приказывает!

Сухая улыбка растянула женское лицо, оголив жёлтые зубы. Испугавшись, Костя осознал, что сейчас произойдёт и попытался отступить, но спина уже касалась мокрого бетона. Быстрым движением, Вика лоб в лоб ударила его, прижав мужской затылок к стене. Хищные зрачки расширились, ловя каждое подёргивание мышц на щетинистом лице.

— Мы больше не будем никого ждать! — медленно, проговаривая каждое слово, начала Вика, — Я не собираюсь рисковать и надеется на чудо, зная, что там, — она вскинула руку и указала пальцем на окно, — от нас уплывает ценный товар!

— Какой? Что ты там разглядела?

— Лодка!

— Лодка? — вырвался крик, но Костя быстро поперхнулся, ведь на него смотрели ястребиные глаза.

— Да, Костя, лодка! — женщина отстранилась, выпустив мужскую голову из тисков. — Да не просто лодка, а катамаран!

— Что? Катамаран? Да кому он нахер сдался?

— Он Зелёным нужен! Меркурий нам даст за него хорошее вознаграждение. Он любит подобные вещи. Представь, что Мы, именно Мы, притащили такой ценный... нет, это слово не подходит, — такой редкий товар! Штучный! Я давно таких не встречала, а ты? Вот! Последний раз, лет пять назад видела, когда ездили на речку, — женские глаза заблестели, на языке появилась уверенность и страсть. — Ты только представь себе, он даст нам не просто три дня! Месяц! А то и больше! Не будет ни криков, ни ругани, ни стонов умирающих! Можно спать спокойно, и не бояться за свою жизнь.

— Они далеко уплыли, мы их не догоним, — со скептическим настроением высказался Костя, но снова пожалел, что не подумал, прежде чем открыть рот.

Тонкие женские пальцы впелись в мужскую шею и сдавили её мёртвой хваткой. Кадык

вжало в гортань. Раздался хрип. Костины глаза покраснели.

— Нет, догоним! — уверенно заявила женщина, — Баба та, с веслом, явно устала! Словно коромысло с полными вёдрами тянет из воды, а мужик... он то спит, то кое-как гребёт. Не заметила я за ним особого энтузиазма. Да и видно, что ему хреново. Выглядит как ты сейчас! — она ослабила хватку и выпустила мужскую шею, — Давай, грузи всё в лодку и погнажи, — от возбуждения она так громко хлопнула в ладоши, что эхо отразилось в лужах мелкими волнами.

— Хорошо, — хрипя, и с явной неохотой согласился Костя, потирая покрасневшую шею.

— Действуем как всегда — импровизируем! — и мысом ботинка врезала по консервной банке, торчавшей из груды мусора.

Лодка покоилась на полу второго яруса просторного холла. Маленькая лестница соединяла два уровня и скрывалась под водой. Уровень воды постепенно опускался, осушая этаж за этажом. Еще пару часов, и можно будет попасть на тридцатый этаж, а потом и на двадцать девятый. Но у парочки назрел другой план, и нужно было срочно покинуть музей, иначе лодку придётся выкидывать в окно, так как в лестничный проём она не поместится. А уж как она приземлится в воду — одному раку известно.

Костя приготовил вёсла. Разложил на дне лодки два одеяла, закинул на них худой рюкзак и пару бутылок воды. Постучав ладонью по поясу, он ощутил очертания ножа и кивнул сам себе головой. Всё. Больше у них ничего не было. Да им и не надо было. Вся жизнь они жили за чужой счёт и не собирались изменять старой традиции. Ведь проще забирать хитростью, чем зарабатывать правдой.

Заправив брюки в резиновые сапоги, Костя спустился по ступеням, и, встав в воду по колено (сапоги не помогли), стащил лодку. Уровень воды как раз доходил до подоконника, и покинуть здание не составляло труда.

Подойдя к лестнице, Вика застегнула молнию на куртке и собрала волосы в хвост. Нерасторопность Кости её начинала злить. Раскалённые глаза впились в мужскую физиономию, не обременённую интеллектом, и попытались прожечь дырку во лбу.

Костя не сразу ощутил тяжесть чужого взгляда. Он только-только затащил лодку в воду и уже собирался подойти вместе с ней к подоконнику, но увидев женское отражение на воде, замер. Тишина пугала его. Он собрался с мыслями, быстро прокрутил всё в голове. Испуганное сознание медленно рисовало черты недовольного женского лица, а вместе с ним и осознание того, что он забыл сделать.

Подогнав деревянную корму к ступеням, он протянул Вике руку и помог элегантно усесться в лодку.

Захлопали резиновые сапоги. Мужские ноги тяжело пробирались сквозь толщу воды, таща за собой злобный груз. Немного помучившись с проездом через окно, лодка выплыла наружу. Тёплые лучи солнца пробежались по женской коже и неприятно коснулись глаз, привыкших к темноте. Вика прищурилась, опустила голову, но продолжила внимательно следить за Костей исподлобья.

— Ну что ты там возишься? — спросила она.

Костя пробовал закидывать ногу в лодку, но ни как не могу перевалиться через борт.

— Дай мне руку, — попросил Костя.

Вика схватила его за шкуру и затащила в лодку, перекинув через борт. Костя уселся на “банку” и взялся за вёсла.

— У нас разница минут десять, греби в обычном темпе и мы их догоним.

— Но я устал! Толком даже не отдохнул, только и таскал лодку с этажа на этаж...

— Тогда греби быстрее, потом отдохнёшь, на дне! — и засмеялась.

— Сука ты, Вика!

— Ну ладно тебе, не обижайся! — она прильнула к нему, и нежно-нежно на ухо прошептала, — Когда Меркурий нас поселит в отдельную комнату, я разрешу тебе делать со мной всё, что тебе взбредёт в голову, — и жадно впилась губами, чуть покусывая, в покрасневшую мужскую шею.

Откуда столько сил появилось у Кости, он не понимал. Вёсла вонзались в воду с лёгкостью заточенного ножа входившего в брюхо карпа, и с такой же лёгкостью испарывали воду и устремляли лодку к цели.

***

Надоедливая усталость больно кусала за Дашины мышцы рук и спины как акула, вгрызавшаяся в тушу мёртвого кита. Каждое движение отдавалось холодным импульсом в мозг, прося хоть на минуту остановиться, передохнуть. Тело стало липким. Под лопаткой зудело. Кепка на голове долго впитывала пот, но всё же прохудилась и дала течь. Соляные капли начали срываться со лба, обжигать глаза и по гладкой коже затекать в рот. Захотелось пить. И курить.

Помимо физической боли, Даша начала испытывать и моральную боль. Мужской храп злил, раздражал и просто бесил. Женские руки работали без остановки, когда мужские мирно покоились, сложенными на груди. Он обещал помогать — пусть может!

— Эй! — крикнула Даша, — может поможешь?

В ответ храп. Сладкий храп.

Даша ударила веслом о воду, желая умыть кривое мужское лицо холодным душем, но эффект получился неожиданным. Затормозив, каяк резко взял в бок. Голова Славы запрокинулась назад, продолжая издавать храп, но уже громче.

— О, Господи! — обречённо выдохнула Даша. — Только не сейчас.

“Надо отдохнуть, иначе мои мышцы сторгят, и никакого бензина нам не ведать, — начала размышлять Даша, успокаивая себя, — Подумаешь, отдохну пять минут, ничего страшного не произойдёт. Что может произойти? Только то, что я отдохну? Так в этом нет ничего страшного!”

Прикрепив весло, руки Даши сами потянулись в стороны, скидывая усталость и боль за борт. Спина медленно выпрямилась. Мелкое покалывание пробежалось по телу, вызвав лёгкое головокружение. Возникшие из неоткуда мухи перед глазами быстро разлетелись, унеся с собой сомнительные мысли и возникшую злость. Стало гораздо легче. Пальцы рук разжались, но ощущения круглого черенка никуда не делось. Если бы не перчатки, ладони давно бы уже кричали рваными мозолями, и кроме воздуха сжать ничего не могли бы. Спасибо Славе за заботу. Хоть тут помог.

Немного переведя дух, Даша достала бутылку воды и сделала глоток. Прохладная вода смочила сухое горло, вызвав приступ кашля. Неожиданно. Да так, что бутылка выскользнула из рук и упала в воду. Хлебнув воды, пару раз булькнула и ушла на дно.

“Бл-и-и-и-и-н! — подумала Даша, махнула рукой, и хотела уже расстроиться, как вдруг кое-что вспомнила. Руки забегали по плащу. — Тут нет. И тут нет. Да куда же я положила! А, вот, целая и невредимая!”

Язык смочил губы.

Дрожащие пальцы вынули сигарету из кармана и поднесли ко рту. Вытащив подарок Антиквара, Даша откинула блестящую крышку и сразу ощутила дорогой запах бензина, проникший вначале в лёгкие, а затем в мозг. Наркотик нашего времени — пары бензина. Трудно достать, дорогой и отлично сносит голову — в прямом и переносном смысле. Он нужен всем. Он нужен всегда.

Удивительно было то, что Даша вообще могла носить с собой столь ценную вещь. Вот она, в её руке — маленькая, стальная, способная зажечь не только кусок бумаги, но и воображение! Готовая подарить тепло, душевное спокойствие. Собрать людей вокруг себя. Единомышленников. И в одну секунду обернуть всё с ног на голову — рассорить всех, убить, вселить страх и превратить в холодный пепел. Да-да, именно так и бывало. Есть места, где лучше вообще не доставать сигареты, а тем более зажигалку. Даша в радиусе семь километров находилось одна. Её окружала только вода. Во всяком случае, она так считала, и поэтому спокойно крутануло стальное колёсико зажигалки.

Шипение огня опьяняло. Даша не поверило в происходящее, и захлопнула крышку.

Всё вокруг стихло. Только холодная сталь лежала в ладони и звала. Больше Даша ничего не слышала: ни шума болотоморя, ни шума вёсел, и даже перестала слышать назойливый храп Славы.

Резко откинула крышку, чиркнула и поднесла сине-жёлтое пламя к сигарете.

— Извините, пожалуйста! Извините, что вас отвлекаю!

Женский голос раздался так неожиданно, что можно было сойти с ума. Представьте, что вы живете один. Приехали после работы домой, купили чипсов, газировки и сели смотреть телевизор. Щелкая пульт, вы натываетесь на старый добрый фильм, быстро поглотивший вас с головой. Вы в сюжете. Вы с главным героем! Ваш мозг может спрогнозировать события, основываясь на ваших знаниях, в том числе на знаниях того, что находится возле вас: телефон, стул, окно и происходящее на улице. Мозг рисует картинку в воображении, кидает вектор движения от сюжета к сюжету. Мозг даже может нарисовать, как кто-то влетает к вам в окно. Потому что вы это допускаете. Но вот если чья-то ладонь ляжет вам на плечо? Вы будете готовы к этому? Нет. Ваш мозг сломается.

Даша была готова услышать голос, но не женский. В принципе она была готова ко всему, но не сейчас.

От испуга Дашу всю передёрнуло, а с губ сорвалась фраза: “Мама!” Руки удержали зажигалку, но сигарета упала в воду, быстро намокла и превратилась в кашу. Обернувшись, она увидела подплывающую лодку, за вёслами которой сидела молодая девушка.

— Вы извините меня, что я вас напугала, честное слово — я не хотела, — искренне извинялась незнакомка, прижимая руку к груди. — Заблудилась я. Увидела вас и давай изо всех сил грести. Боялась, что не догоню. А что это с вашим мужчиной? — чуть повысив тон, спросила девушка, — он живой?

Раздался храп.

— А, понятно. Спит!

— Да! — до конца не придя в себя, да и расстроенная из-за потери сигареты, сказала Даша, но в лодку незнакомки взгляд закинуть успела: рюкзак, вода и одеяло, видимо скрывающее всякий хлам. — Вы куда плывете?

— В Федерацию.

— А откуда? — Внешне Даша подозрения не проявляла, но внутри всё анализировала.

Девушка помялась, оглянулась по сторонам, но точно ответить не смогла. Зато быстро

перевела тему и даже смогла удивить Дашу:

— Я смотрю, вы сигарету обронили, это из-за меня?

— Нет, я сама виновата. Слишком уж увлеклась. Задумалась. Знаете... всё как-то неожиданно произошло.

— Я всё понимаю — это была моя вина. Я хочу всё исправить! Вы же сможете указать, куда мне плыть? Смотрю, у вас и компас есть, — девушка расстегнула молнию на куртке и запустила руку внутрь, — а прикурить дадите?

Просьба прозвучала так мягко, по-дружески. Даша вопросительно прищурилась, до конца не понимая вопроса. Нет, вопрос она поняла, но это было слишком неожиданно. Незнакомка сверкнула глазами, указав на зажигалку, и достала пачку сигарет. Папироса нарисовалась между тонких пальцев девушки и быстро очутилась во влажных губах.

— Угощайтесь! — воскликнула она и протянула руку. Даша не смогла дотянуться. — Сейчас, сейчас!

Девушка схватилась за вёсла и поравнялась с каяком.

— Вот держите, можете взять парочку, — и снова протянула руку.

Даша еще раз всё осмотрела. Ничего подозрительного. Обычная девушка, обычная лодка. Так бывает — девушка заблудилась, да еще и в такое время. Нужно помочь, иначе не успеет и сгинет в потоке волны, или на закуску рыбам отправится. Что, мало таких? Да сплошь и рядом. А если бы тогда Даше не помогли, где бы она сейчас была? Вот именно — нигде!

Ладонь в кожаной перчатке медленно коснулась пачки, вытянула сигарету.

— Прикурите? — знакомка подалась вперёд, перевалив телом за борт.

Закинув сигарету в рот, Даша чиркнула колёсико и поднесла зажигалку.

Слабый ветерок замотал пламя. Даша быстро подставила вторую руку, а девушка вскинула обе ладони перед собой, спрятав от ветра дорогуший огонь.

“Какая нежная кожа у неё на руках, — в голове у Даши засуетились мысли, — ладони розовые, даже на большом пальце кожа не загорела, хотя грести ей пришлось не мало, судя по всему. А сколько еще придётся! Такие руки точно не выдержат — покроются мозолями, а у неё нет даже перчаток. Странно.”

Зажигалка опустилась. Сигарета не задымила.

— Что везёте на обмен? — пламя продолжало гореть, остановив время.

Доброжелательная девушка хищно прищурилась, лицо медленно растягивалось в кривой улыбке. Жёлтые зубы блеснули в свете огня. Чёрные глаза стрельнули безнадежностью, накрыв Дашу ледяным пледом. Попалась...

— ТЕБЯ! — раздался пронзительный крик.

Хватило секунды на то, чтобы ладони знакомки впились мёртвой хваткой в Дашины руки. На запястьях словно щелкнули тугие наручники. Боль разнеслась по телу. Крик наполнил лёгкие, но там же и затих, подарив порцию адреналина. Даша не растерялась, и что есть силы, потянула на себя, вытаскивая знакомку за борт. Лежавшее на дне лодки одеяло зашевелилось и взмыло в воздух. Худой мужчина, прятанный всё это время под ним, быстро подлетел к знакомке, обхватил её за талию и втянул обратно в лодку.

Дашины руки выскользнули из клешней. Инерция откинула тело назад, сильно накренив каяк. Краем глаза она успела увидеть, как Слава скрючился на бок, и, перевесившись через борт, упал в воду. Юбка была не завязана.

Вот теперь Даше по-настоящему захотелось кричать. Она открыла рот и попыталась

набрать воздух, но по рукам снова скользнула боль, сдавив лёгкие.

— СЛАВА! — только и успело вырваться наружу.

— Держу! — крикнула женщина, — Тяни её к нам!

Смеясь и нервно раздувая ноздри, мужчина выхватил нож и протянул свободную руку к Даше.

— Пха! Вик, ты видела, как он завалился! Подожди! Ты держи её, а я погляжу, вдруг всплывёт! — и приготовил нож для удара. — Только покажись, моё лезвие быстро лизнёт твой мозг!

Кроме пузырей, на воде больше ничего не показалось.

— Отпусти меня! — взвыла Даша, — Что вам надо!?

— Что за вопрос? — усмехнулся мужчина, — Нам нужно всё! А это что у тебя?

Подтянув каяк к лодке, негодяй протянул руку к Дашиной шее. Обхватив компас грязными пальцами, он резко дёрнул вниз, оборвав нить.

— Не трогай его! Он мой!

— Он больше тебе не пригодится!

— И тебе тоже! — адреналин еще теплился в жилах Даши, выталкивая смелость наружу, — Ты хоть умеешь им пользоваться? Тупая ты башка!

Блестящее лезвие потянулось к женскому глазу.

Услышав оскорбления в адрес любимого человека, Вика зарычала, освободила руку и врезала Даше пощёчину.

— Не смей его так называть, Драная сучка!

Глаза Даши покраснели, наполнившись слезами. Страх и обида сковали мозг. Чувство потерянности больно схватило за руки и тяжким грузом приковало их ко дну каяка. По телу бегал озноб пустоты.

— Давай, кончай её! — возбуждение переплелось с животной страстью. Женский язык начал мусолить губы не зная усталости.

Ухмыльнувшись, мужчина кивнул головой в знак согласия, а его ладонь с ножом начала медленно танцевать в воздухе, ведомая незамысловатой мелодией. Вика еще раз, со всей силой, дёрнула на себя Дашу, наклонив её тело к лодке. Возле покрасневшего от пощёчины уха, чмокнули мужские губы и медленно проговорили:

— Я заберу всё: твои волосы, вещи, зажигалку. Твою красоту, — и провёл ножом по её щеке, нежно, не оставив пореза, — Но самое главное — мы заберём этот чудесный Катамаран!

За спиной подонка раздался сильный всплеск воды.

— Это — каяк! — крикнул Слава.

Слово “каяк” было последним, что услышал мужчина. Он попытался дёрнуться, но тело и голова больше не слушались. Холод сковал душу. Свет потух, но сознание продолжало жить.

Обезумев, Вика истошно завопила, увидев торчащий кусок металл изо рта Кости.

Длинный нож Славы раздробил шейный позвонок незнакомца, разрубил пополам язык, нижнюю губу и выбил передние зубы. Кровь изо рта хлынула во все стороны, окропив лицо Даши.

Под собственным весом, тело Кости обмякло, облокотилось на край лодки и, перевалившись через борт, плюхнулось в воду, обрызгав Вику кровавой водой. В последний момент Слава успел выдернуть нож.

Женщина продолжала истошно вопить, зовя Костю. Слава схватился за край лодки и, дёрнув ногами, смог легко подтянуться и завалиться внутрь. Ласты мешали встать. Перемещаясь на коленях, Слава двинулся в сторону женщины, поглядывая на Дашу.

Окровавленный нож испачкал шею незнакомки, а разъярённый взгляд заставил её заткнуться.

— Нет! — крикнула Даша, — Не надо! Мы не такие!

— А какие? — спросил Слава.

Даша молчала. Глаза бегали из стороны в сторону. В какой-то момент она замерла, открыла рот и испуганно прижала ладонь к шее.

— Компас...

— Что — компас?

— Он его забрал...

Слава кинул взгляд в то место, куда плюхнулся труп. Пусто. Одежда быстро пропиталась водой и утянула тело на дно.

***

Раскинув руки в стороны, Костя куда-то уплывал, даже не подозревая об этом. Его мозг продолжал рисовать замечательные картинки, оттягивая мучительный момент смерти. Вот, он с Викой нагло заявляется к Меркурию в апартаменты. Дарит каяк (да, теперь он точно знает это название) и получает взамен чистую комнату на ближайшие три дня. Только он и Вика. И как она обещала — он может делать с ней всё что угодно. Кровать с белым бельём жадно принимает их горячие тела, охваченные в страстном поцелуе. Голые и мокрые, они сливаются в единый поток энергии. Любовь прёт отовсюду. Да так прёт, что ломается кровать. Подобного он не испытывал никогда. Чувство эйфории наполняет тело, но ненадолго. Неожиданный удар обрывает картинку, и пустота всё растворяет...

Напряжение, повисшее в воздухе, было настолько сильным и глубоким, что даже лодка с каяком начали шарахаться друг от друга, покачиваясь на волнах. Монотонные всплески воды, раздававшийся отовсюду, могли убаюкать кого угодно, но в противовес умиротворительному шуму, пришёл пронзительный женский крик, способный прервать даже самый чуткий сон.

— Слава, мы без компаса пропадём, понимаешь? Нужно достать его любой ценой! — Даша начала елозить на своём месте, пытаясь быстро стянуть плащ. — Я помогу тебе!

— Не смей! Сиди! — продолжая прижимать нож к женской шее, Слава заглянул в покрасневшие глаза Даши, — Без компаса не справишься?

— Нет! На обратном пути туман скроет всё вокруг, на что я буду ориентироваться? Антиквар маяк на крыше так и не установил! Мы теряем время... я сама достану! — Даша скинула плащ и начала развязывать узел на защитной юбке своего места.

Её решительность поразила Славу. Она была готова нырнуть, понимая, что у неё ничего не получится. Плыть метров пятьдесят — не каждый сможет, не все всплывут. Видимо эта зелёная коробочка имеет большее значение для неё, чем просто компас. Хотя, если подумать и принять во внимание то, что без него есть вероятность затеряться среди бескрайних просторов, компас нужно было возвращать.

— Успокойся, — подумав, сказал Слава. — Следи лучше за ней! У неё глаза хитрые, как у кошки. Сейчас дурочкой прикинулась. Обманет и глазом не моргнёт. Начнёт говорить — не слушай! Хочешь, вон, веслом огрей её по голове, и пусть себе на дно плывёт. Там полакомится свежим мясом, желающие всегда найдутся. А я пока поныряю.

— Спасибо! — искренне сказала Даша, откинув волосы с лица.

Красный отпечаток ладони на её щеке сразу кинулся в глаза. Даже не смотря на загар, всё равно было видно женскую пятерню, со всей силой приложившуюся к челюсти и уху. Но при этом, Даша не выглядела подавленной. Наоборот, её глаза горели. Она рвалась в бой. Трезво оценивала ситуацию и понимала, что если они не найдут компас — пропадут. Жизнь и смысл жизни горели раскалённым докрасна металлическим стержнем в её сердце. Именно этот стержень и тянул их вперёд. Деваться некуда — компас так компас. Любой ценой, но Слава должен был его вернуть.

Кинув убийственный взгляд на незнакомку, Слава убедил себя, что никакой угрозы, на данный момент и лично ему, она не представляет.

Забившись в нос лодки, женщина свернулась калачиком и замерла камнем. Обхватив ноги руками, она прижала лоб к коленям и сотрясалась от каждого вдоха. Слезы, сопли и слюни стекали по её лицу, а взлохмаченные волосы клоками налипли на потный лоб и скрыли глаза. Сейчас она напоминала размалёванную девку, ковыляющую из отеля под проливным дождём, где последние два часа, а возможно и целую ночь, провела в окружении нескольких мужиков.

Слава испытал отвращение. Не жалость. Он бы с удовольствием полоснул её по шее ножом и скинул в воду. В мире стало бы на одного подонка меньше, а значит, честный человек не повстречает на своём пути живое препятствие с ножом и доберётся до своей цели. Если конечно, дорогу ему не перегородит другой подонок. Но Дашин голос сумел пробудить в нём совесть... И это ему не понравилось.

Незнакомка больше не ассоциировалась с разъярённо пантерой, способная прыгнуть с места, в одну секунду долететь до Славы и вставить нож в спину, всё это время прятавшийся в её ботинке. Женское сознание само спряталась от внешнего мира, опустившись на дно под тяжестью страхов. Обезумевшая от горя, она только и могла сидеть на одном месте, в бесконечном ожидании: когда кошмар сам развеется над водой. Мечь не входила в её планы. В её планы уже ничего не входило.

Слава махнул на неё рукой, вставил нож в пластиковые ножны, закреплённые на щиколотке. Скинул мокрый плащ. Быстро приблизился к борту лодки и наклонился к каяку. Пронзил руки через юбку на своём месте, начал шарить по дну, выискивая что-то с закрытыми глазами. Мужские скулы и губы передавали чувство усталости, злости и нотки неуверенности. Было понятно, что он уже начал обдумывать свои действия по спасению компаса, но что-то в этих действиях его явно не устраивало.

Вытащив водолазную маску и черные перчатки, с прозрачной перепонкой между пальцев, Слава быстро их натянул и снова запустил руку внутрь каяка. Через секунду он достал фонарь. С виду обычный чёрный с длинной ручкой под три батарейки. На конце висела петля, в которую быстро скользнула ладонь.

— Если не вернусь через пятнадцать минут...

— То что? — возбуждённо перебила Даша.

— Жди дольше! И будь поаккуратнее с ней... — взгляд упал на незнакомку.

Сделав три глубоких вдоха, с короткими паузами, он подмигнул Даше и перевалился через борт лодки, плюхнувшись в воду как водолаз.

Прозрачная вода быстро растворяла алый след, оставленный телом Кости, но всё же, еле заметный шлейф кровавой мути дал направление Славе. Глаз фонаря вспорол воду, осветив тёмные участки на дне. Под тридцатиметровым слоем воды показались крыши жилых домов, заваленные различным хламом. То, что людей оттуда смыло волной не означало, что жилище стало пустым. Жизнь там по-прежнему шла своим чередом. Каждый божий день, каждая квартира ждала гостей на ужин. А также на завтрак, на обед и на полдник.

Резиновые ласты плавно изогнулись волной, унося хозяина в бездну. Даже спустя три года, было сложно поверить в происходящее. Целый мегаполис покоился под толщей воды, заслуживая только редкие посещения человеком. Подплывая к домам, ассоциативная память заставляла погружаться во времена, когда в каждой квартире жила семья. Люди вели свой быт, строили планы, заглядывали далеко в будущее, и никто даже не осмеливался подумать о столь неожиданной паузе, остановившей жизни миллионов, а может и миллиардов человек. В этом городе вообще нельзя было останавливаться. Движение — жизнь. По этому девизу жили все, и под этот девиз были погребены.

Движение было слишком сильным и стремительным. Времени отведено было мало. Паника поставила точку.

Обычный день: пацанята гоняют мяч во дворе, кто-то хлопочет на кухне. Густой дым от сигареты, выпущенный старичком, устремляется в открытое окно. По телевизору обычные новости, но в какой-то момент телеведущая начинает вести себя странно. Её глаза прыгают из стороны в сторону, пробегая по листку бумаги, который она приняла из рук коллеги с тяжёлым взглядом. Лицо непрофессионально исказилось — так не ведут себя на телевидение, — но в какой-то момент она всё же взяла себя в руки, сжала губы, убрала в сторону листок и, уставившись стеклянными глазами в объектив камеры, сказала: “Нашему региону грозит небольшое подтопление, — её голос дрожал. — Синоптики заверяют, что

ничего страшного: обильные осадки могут вызвать поток воды, достигающий метра в высоту”.

Ого, ничего страшного — высота под метр — у большинства людей машина в высоту около метра. Все уже знают, как выглядят населённые пункты после наводнений. Плавали, знаем. А то, что по телевизору начали обещать помощь от государства — народ даже и не рассчитывал. О том, что такие новости прокатились по всей стране, люди еще не знали. Редкие звонки раздались от родни с просьбой: приехать, перекантоваться, и всё. Но и они быстро прекратились.

Когда телевизор замолчал, а за ним радио и интернет — люди заволновались. А что предпринять? Куда бежать? Вот именно — куда глаза глядят. Нужно бежать, так как движение — жизнь. Кто на дачу, кто к родне в соседний город, кто куда.

Волна пришла неожиданно, в свете луны. Дороги дымили в перманентных пробках. Спасти было невозможно. Смело всех, и не метровой волной, а трёхсотметровой. Как снежный ком, она взяла начало в Северном Ледовитом океане и устремилась на юг. Что дальше было — никто не знает. Связи нет. Сообщения нет. Все только цикл новой жизни знают — двадцать восемь дней. За это время луна делает оборот вокруг земли и возвращается в точку перигея, где образуется очередная волна и происходит новый удар.

Понимая, что в запасе чуть больше двух дней, Слава работал ногами активно. Над крышей дома еле-еле виднелся мутноватый след, но уже ниже резко обрывался. Осмотрев крышу, он ничего не нашёл, кроме сломанного стула и гнилой двери от машины, облепленной мелкими улитками. Тело опустилось ниже, а за ним придётся нырнуть глубже. Отплыв в сторону, взгляд сквозь маску уставился на чёрные окна, похожие на пустые глазницы черепа, таившие в себе угрозу и влекущее таинство. Глаза медленно опускались, считая этажи, но дойдя до третьего, Слава остановился — ближе ко дну вода становилась мутновато-зелёной с зернистым вкраплением, и что-то разглядеть невооружённым взглядом было невозможно. Ударив светом фонаря в муть, стали видны очертания козырька подъезда, пару голых деревьев, стоявших напротив, и торчащий из окна первого этажа мусорный контейнер: большой и стальной. Пятно света пробежалось по соседним окнам, отразив смятые кузова машин. Пустые — искать там что-то было бесполезно. Тело грабителя по-прежнему не было видно, но Слава был точно уверен — оно где-то здесь. Прячется.

“Куда же ты подевался! — подумал про себя Слава. — В гости к кому решил зайти? Придётся в каждое окно заглянуть!”

Дернув ногами, Слава подплыл к дому и поравнялся с окном девятого этажа. Темень. Направив фонарь, он ничего не увидел, кроме стаи мелких рыбёшек. Испугавшись яркого света, карасики резко дёрнулись и расплылись в стороны: кто спрятался в гнилом шкафу, кто мелькнул на кухню, а кто-то под диван, застрявший в дверном проёме. Совсем недавно люди обустроивали эту квартиру, купили мебель, поклеили качественные обои, совсем немного отклеившиеся от стен, а теперь всей этой “красотой” довольствовался подводный народ.

Быстро осветив потолок, Слава с облегчением, про себя, выдохнул. Опасности не было, как и пузырьков воздуха, которые могли оставить после себя рыболовы. Углекислый газ, выделяемый человеком, скапливался на потолке и напоминал ртуть, перетекающую из одного конца комнаты в другой. Поднимись пузыри на поверхность — охотник будет опознан.

Оглядев две комнаты и ничего не найдя, Слава поплыл ниже. Осмотрев пять этажей, он раздосадовано мотнул головой и поглядел под ноги. Там начиналась муть, а в мути может

жить кто угодно.

По-прежнему не было видно ни тела, ни даже капелек крови, которые могли сорваться с языка и указать Славе путь. Как сквозь землю провалился! В лёгких появилось ощущение мелкого покалывания. По краям маски начал собираться конденсат. Надо торопиться. Хочешь, не хочешь, а в мать нырни.

Перевернувшись вниз головой, Слава выставил перед собой фонарь и устремился на дно. Мутная вода приняла его с распростёртыми объётами, заглотив целиком.

Ощущалась сила воды. Несясь по городским дорогам, огибая дома и заборы, течение взбаламучивало осевшую грязь, песок и мелкий мусор, тем самым создавая эффект мутного слоя воды, отлично подходящего для проживания хищников.

В окно третьего этажа пришлось заплывать, так как, даже освещая перед собой фонарём, видно было только мелкий пепел и водоросли, развивающиеся в потоке воды как женские длинные волосы. Разогнав местных жителей, Слава прошёлся по комнате, и снова ничего не нашёл. Появилось непреодолимое желание пнуть холодильник и перевернуть кресло. Можно было попробовать поднять камень и разбить зеркало, но что это даст? Ничего. Только драгоценный кислород потратить. Круглые часы на стене показывали: несколько. Циферблат зарос грязью и тиной.

Оттолкнувшись от пола, Слава подплыл к окну. Зелёная вода перед глазами вдруг стала коричневой, и через короткое мгновение снова вернула свой первоначальный цвет. Хороший знак. Не добрый, но хороший. Луч света выскользнул из окна третьего этажа и нацелился на окно второго этажа. Слава медленно опускался, внимательно оглядываясь по сторонам. В лицо бил мелкий мусор, обрывки газет, песок. В ушах стоял свист. Сердцебиение порядком участилось, а значит и расход кислорода. Внутренняя медитация уже не помогала, так как инстинкт самосохранения встал у руля.

Схватившись за оконную раму, Слава подтянулся, направил фонарь внутрь. Клякса света показала сквозь облако коричневой пыли вытянутые руки мертвеца, и уже можно возрадоваться этому факту, но было кое-что еще. Огромный глаз сома блеснул в ответ. Гигантская голова дёргалась из стороны в сторону, поднимая песок с пола. Слава ощутил возникшее давление воды, похожее на ветерок, обдувающий ваше тело, и заплыл внутрь комнаты.

Трёхсоткилограммовая туша, разместившаяся в большой комнате маленькой двушки, заглотила Костю по плечи, оставив снаружи голову и руки. И на том спасибо. Слава надеялся только на одно, чтобы компас был при Косте, и его надежды сбылись. Окоченевшие пальцы ярко сжимали зелёную коробку, от которой зависела судьба двух человек.

Ласты нежно изогнулись. Славина ладонь потянулась вперёд, в надежде схватить Костю за запястье, зафиксировать руку. Но всё оказалось не так просто. Два толстых длинных уса, торчавшие из головы рыбины, словно пожарные шланги под давлением, елозили по стенам и потолку, отгоняя незваных гостей от вкусного обеда. А возможно и ужина. Скользкий хобот ударил Славу в грудь и потащил к стене. Несколько пузырьков сорвались с мужских губ, но ничего страшного. Слава вовремя замахал ногами, избежав встречи с бетоном. Он отплыл в сторону и снова замахал ногами, нацелившись на мёртвые руки Кости. Новый удар пришёлся по рёбрам и был куда болезненнее. Слава крутанулся вокруг своей оси и отлетел к окну. Сознание ударилось о черепную коробку и поплыло, как Слава к подоконнику. На секунду он выпал из реальности, но острое жжение в груди оказалось хорошим молотком,

вколотившим разум обратно.

Голова сома продолжала биться из стороны в сторону, создавая сильные волны. Зелёное тело пряталось в коридоре, а где заканчивался хвост — видно не было. “Надо попробовать через соседнюю комнату, — придумал Слава, — зайду с тыла”.

Подплыв к соседнему окну, Слава заглянул внутрь. Кухня. Дверной проём вёл в коридор — то, что надо!

Волна давления пробежала по ногам и ударила в спину. Слава резко посмотрел под себя, обомлел. Рука потянулась к ножу, но уже было поздно. Второй сом, чуть меньшего размера, вырвался из мусорного контейнера и кинулся на ныряльщика, раскрыв рот. Рыбина втянула Славу по пояс и сомкнула жирные скользкие губы. Живот больно сдавило. Из лёгких вырвались пузыри воздуха вместе с криком.

Осознание случившегося пришло после того, как рыбина прекратила мотать головой. Мысли собрались воедино. Слава лихорадочно начал водить руками, пытаясь зацепиться хоть за что-то.

Материал, из которого были сделаны Славины перчатки, был ему не известен, но он позволял с лёгкостью хвататься за любые поверхности и крепко держаться. Скользкие усы не стали исключением. Схватившись под основание, Слава смог, образно говоря, оседлать сома, крепко держась за вожжи. Очередное родео не заставило себя долго ждать. Голова сома снова заходила из стороны в сторону, ударяясь о стену дома. Славе досталось, но он крепко держался. Плечо саднило.

Давление губ на поясе ослабло. Вот он, момент. Слава выпустил ус, но запихнуть руку в глубокую пасть не успел. Голова сома снова дёрнулась, вывернув спину пловца с хрустом. Достать нож не получилось.

Ничего не помогало. Рыбина уже не отпустит, если только чудо не произойдёт. К сожалению, времени на чудо не было. Жжение ощущалось не только в лёгких, но и во всем теле.

“Буду держаться — утону, но возможно не буду сожранным. Сгнию на жирных губах, продолжая держаться мёртвой хваткой за усы, — размышлял Слава. Ну как сказать — размышлял, скорее его мозг нервно рожал, выдавливая нейроны головного мозга адреналином. — Можно попробовать выдавить ему глаза, но тогда он еще сильнее изогнёт тело и точно размажет меня об стену. Разомкну пальцы — проглотит. Проглотит! Да и пусть!”

Слава выпустил усы. Выпрямив пальцы, вставил их между губ рыбины на уровне пояса.

Сом заметно замер. Время вокруг остановилось. Потоки воды медленно болтали как Славу, так и рыбину, из стороны в сторону. Скользкое тело выстрелило как пружина, заглотив сто литров воды и Славу целиком.

Оказавшись внутри, Слава начал действовать. Язык сома придавил его голову и тело к верхнему нёбу, но руки двигались свободно. С трудом вытянув ноги из глотки, правая рука смогла дотянуться до ножен. Ладонь обвила рукоять ножа, и это прикосновение было самым ожидаемым событием в Славиной жизни. Еще никогда он не испытывал такой эйфории от прикосновения к неодушевлённому предмету. Фонарь продолжал освещать внутренности рыбий пасти — ничего особенного: розоватая вода и яркий блеск металла, но рыба его не увидела. Она его почувствовала.

Слава замахнулся и ударил. Нож врезался в мягкую слизистую, но насквозь не пробил. Последовал еще удар, затем еще и еще один. От боли рыба закрутилась, но открыть пасть и

выплюнуть острый шип даже и не помышляла. Она была голодна.

Перед очками поплыли алые сгустки слизи. Каждый удар ножа сжигал кислород. “Ну, давай же! — кричал Слава про себя”. Возможности широко замахнуться не было. Задрав руку вверх, насколько позволяло анатомия сома, рукоять ножа упёрлась в слизистую и, собрав все силы, последовал мощнейший удар. Лезвие пронзило плоть. Слава начал пилить.

Сталь вспарывала плоть, перемещаясь от одного края раны к другому. Ход движения увеличивался. Перед глазами всё покраснело. Рыба была жива, и ей было больно. Гладкое тело изогнулось так сильно, что Славина спина неестественно выгнулась, ударяя в голову болью. Ладонь с ножом протиснулась в рану и разжала пальцы. Спасительный клинок устремился на дно.

“Твою мать! — сверкнуло в голове, когда боль прошла. — Что же теперь делать!? Чтоб ты лопнула, морская змеюка, как кондон дырявый о подоконник! Точно! Дырка!”

Левая рука протиснулась вдоль груди и схватилась за верхний край раны. Правая за нижний. Слава надавил. Ладони разъехались уперевшись в края раны. Так даже легче — есть упор.

Руки давили изо всех сил.

Плоть сома не выдержала и лопнула как джинсы на жопе, ровно по шву.

Сквозь перчатки ощущались неприятные пощипывания. Стаи оголодавших рыб почувствовали свежую кровь и, повылазив из всех щелей, кинулись в кровавое облако, жадно вгрызаясь в обнажённое мясо. Некоторые заплыли внутрь.

Безумие продолжалось не долго. Сома окутала предсмертная судорога. Он еще пару раз дёрнулся и замер, медленно опадая на дно контейнера. Слава сумел сгруппироваться, просунул сквозь порез ногу, затем вторую и уперевшись руками, разорвал сома до половины и вытолкнул себя наружу.

Время обжигало, как и практически полное отсутствие кислорода в лёгких. Слава быстро заплыл в окно кухни. В один рывок оказался в коридоре. Приметил четырёхметровое тело сома и поплыл вдоль него, по направлению к голове. Толстые усы больше не представляли опасность.

Рыбина заметила приближение гадкого, обжигающего глаза света, но ничего, кроме как мотать головой, не могла. Усы нервно задрожали, но рыба не беспокоилась так, как раньше. Добыча была полностью поглощена, и отнять её никто не сможет.

Не увидев торчащих из пасти сома рук Кости, Слава разозлился по-настоящему. Пройдя сквозь слизь, воду и кожную дырку, он уже ничего не боялся. Адреналин стрелял мелкими порциями. Злость обуревала им. Подплыв к здоровой плоской голове, Слава замахнулся рукой и вставил свой фонарь рыбе в глаз.

Повредил он глаз или нет — ему было всё равно. Главное было то, что зелёная пасть начала хоть и хаотично, но открываться и закрываться. Зависнув над головой, Слава схватился за толстую губу обеими руками и подтянулся. Заглянул внутрь глотки хищника он увидел жуткую картину: сом так сильно сдавил тело Кости, что его глаза вылезли из орбит, а две половинки языка плавали рядом (видимо челюсти подонка сомкнулись так сильно, что откусили язык). Кожа успела посинеть, руки болтались выставленные вперёд. Еще чуть-чуть и сом заглотит тело целиком, прямиком в желудок. Слава запустил руку в пасть сома. Ухватился за кисть Кости и попытался вытащить компас. Оказалась не так просто. Мёртвые пальцы зажали зелёную коробочку как тиски.

Нож он потерял — искать времени уже не было. Нужно подняться на поверхность,

сделать вдох. А вдруг рыбина уплывёт, где потом её искать...

Даже на раздумья времени уже не было. Он потянул коробочку еще раз. Потом еще. Не помогло. Заплыл по пояс в раскрытую пасть и схватился двумя руками за компас. Рыбина обхватила губами Славу, но ему уже было всё равно. Он полностью сконцентрировался на маленькой коробочке. Разжимая палец за пальцем, Слава освободил компас, крепко его сжал и ударил в розовый язык рыбы фонарём. Пасть раскрылась, и Слава выскочил наружу.

Ноги быстро понесли его к поверхности. Он размахивал фонарём, указывая Даше, где его искать, если он не успеет. Шансов, что за ним кто-то нырнёт — мало, но лучше всплывать с надеждой, чем безнадежно опуститься на дно.

Даша увидела луч света. Заулыбалась. Взглянула на часы: восемь минут.

Незнакомка с надеждой смотрела на свет под водой. "Может они вместе всплывут. Вдруг живой! — вера умирает последней".

Вначале показалась ладонь с компасом, а затем Славина голова. Он широко раскрыл рот и издал рёв органа, принесённого прямиком из ада. Лёгкие наполнились воздухом, кислород побежал по телу. Слава еще раз сделал вдох, но уже короче. Сплюнул воду и уже носом забрал воздух. И еще раз. И еще. Дыхание выровнялось.

— Ты что так долго? — преисполненная любопытством, спросила Даша, даже не подумав подать руки.

Слава кинул на неё испепеляющий взгляд сквозь запотевшую маску.

Басовитое биение сердца в ушах, похожее на бой барабана, утихло. Слава стянул маску на лоб и глазами пробежался перед собой. Светило солнце, дул слабый ветерок. Кожа лица чуть подрагивала из-за щекочущих капель воды. Отдышавшись, он подплыл к каяку, протянул руку. Просияв от счастья, Даша забрала из его ладони компас, но до конца поверить в происходящее не могла. Она была рада видеть не только дорогую ей вещь, но и была счастлива увидеть Славу живым: дышавшим полной грудью с нормальным цветом кожи.

В большинстве своём, люди с трудом выдерживали больше двух минут под водой, а тут сразу восемь и всплыл, да еще и живой. Ей как-то пришлось быть свидетелем “трёхминутного” погружения, и как тогда уверяли зеваки: “Для того парня, три минуты — это пустяк”. Но оказалось не пустяк. Когда тысячи воздушных пузырей вскипятили гладь воды, люди заволновались, потянули за верёвку привязанную к поясу ныряльщика, а она, зараза, не тянется! Застрял! Охота закончилась вылавливанием охотника уже через минуту после погружения.

Так часто случалось в первый год: заплываешь в комнату, окидываешь углы взглядом — пусто. Коридор — пусто. Надо исследовать соседнюю квартиру, но блеск из-под дивана цепляет твой взгляд, и не важно, что там! Блестит — обмену подлежит!

Перед глазами мусор и песок. Ладонь вытянутой руки стирается, её не видно, но блеск отчётливый. Человек подплывал и бил светом в тьму, надеясь разглядеть находку. А из-под дивана на него утопленник смотрит. Глазницы пустые, зубы наружу, кожа давно съедена или стёрта водой. Может хозяин квартиры не успел спастись, а может и алчный гость забылся, не важно. Корни страха уже в твоей голове.

Тебе жутко, холодно, и всё что ты сейчас хочешь — оказаться в лодке, среди живых людей. В крике ужаса весь воздух вырывается из твоих лёгких. Махать руками бесполезно. Куда плыть уже не помнишь. Верёвка тянет тебя за пояс, а ты в подоконнике застрял и продолжаешь махать руками, до тех пор, пока вода не заполняет целиком твои лёгкие.

Это сейчас народ привыкший пошёл; отпихнёт в сторону тело и дальше поплывёт, а тогда нет. Запаниковал — смерть. Повезёт — вытащат. Дух переведёшь и снова ныряй. Таких еще пару встреч и считай, уже стал мужчиной. Да и мало кто нырял, все предпочитали с поверхности подбирать. В основном — хлам и мусор, но и он даёт возможность существовать. А когда-то было иначе? Теперь даже лучше стало, честнее: умеешь нырять, дыхание задерживать — получи! Не умеешь — учись! Не хочешь? Ну, тогда собирай дары “волы” и надейся, что халява насадится на твою палку или удариться об борт лодки.

Даша была не из таких. Она всегда бросалась в омут с головой и понимала, какие нужны навыки для выживания. Всегда подстраивалась, тренировалась. Но восемь минут для неё были нечто вроде “Эвереста погружения”. Такой малый отрезок времени, а легко может свести с ума.

Последние восемь минут Даша, конечно, не сходила с ума, но переживала за Славу сильно. Минутная стрелка била по нервам, каждый раз, когда начинала свой новый круг. Одна минута — слабо виден свет фонаря. Две минуты — ничего страшного. Три минуты — подожду. Четыре минуты — гидрокостюм не просто так носит? Пять минут — пузыри воздуха — всё будет хорошо! Шесть минут — всё плохо! Семь минут — придётся одной

плыть обратно! Восемь минут — утонул! И когда, в начале девятой минуты, свет фонаря мелькнул как долгожданный маяк сквозь густой туман, Дашу затрясло. Затрясло от радости и возбуждения. А теперь трясло вдвойне — стрелка потерянного компаса указывала направление и дарила надежду: домой они точно вернуться.

Подплыв к своему месту в каяке, Слава запустил внутрь руку и достал нож. Последний. Осознание столь печального факта тревожило и раздражало. Он быстро подплыл к лодке, забрался внутрь. Незнакомка на него не смотрела. Она продолжала молча сидеть изредка вздрагивая. Для неё больше ничего не имело смысла. Она стала бесполезной, никому не нужной. Убийца всплыл один, окончательно разорвав нить надежды тянущейся к Косте. Всего одним ударом ножа он отправил две души в пустоту. В пустоту безразличия.

Безразличие не покинуло женское лицо, даже когда Слава схватил её рюкзак и начал в нём копошиться.

— Ты что делаешь? — оторвав взгляд от стрелки компаса, спросила Даша с явным упрёком.

Уставившись на дно рюкзака, Слава нервно пробурчал:

— Ищу...

— Чтобы ты там не искал, это не наши вещи!

— Я знаю — не наши... Но мне нужны колющие, режущие, мясо-снимающие... аксессуары. Без них мы не протянем, а ей сегодня они больше не нужны. Нет... Нужны, конечно, но есть вероятность, что они будут торчать из наших спин. Хочешь?

— Нет...

— Ага! — растянувшись в довольной улыбке, Слава достал бинокль. Покрутил его перед глазами, глянул через него на горизонт и, закончив, швырнул Даше. Чего он точно добивался, она не поняла, но свободной рукой легко его поймала. Гордо расправив плечи, попыталась также легко и непринуждённо поймать мужской взгляд, но тот был снова обращён к куску брезента. Став невольным мародёром, Даша испытала совестное покалывание, ведь бинокль ей не принадлежал, а его хозяин сидел в этот момент рядом. Гадкое ощущение, словно грабишь среди бела дня.

— Слава, я прошу тебя, не надо забирать чужие вещи! Зачем нам бинокль?

— Пригодится!

— Мне, точно, нет! — и протянула руку к лодке, желая положить бинокль обратно.

— У меня вопрос, — начал Слава. — Мы поплывём дальше, а с ней, что будем делать? — и взглядом указал на знакомку.

Даша ответила не сразу. Покрутила глазами. Помычала:

— Отпустим, что еще!?

— Отпустим со всем этим добром?

— Да!

— Представь: она приплывает к Антиквару. Дарит наш бинокль, а он ей комнату, свет, тепло. Она уютно располагается, греет не только свою пятую точку, но и свои ушки. Узнает много нового из первых уст: где, кто, с кем, когда. И вот, со всем этим багажом знаний, спустя два дня, уходит в свободное плавание. Это в лучшем случае. В худшем — отправляется в “око”, и взамен на жалкие крошки подробно пересказывает услышанное. Но эту гипотезу я привёл для тебя. Мне достаточно и того, что пока мы плаваем, рискуем жизнью и мокнем на жаре как подмышка, она тем временем нежится в сухости и тепле за чужой счёт! Не находишь в этом что-то неправильное? Или считаешь, что так и должно

быть? Пусть уплывает с вещами?

Веки Даши сузились, оставив крохотные щелки для глаз. Сомнения опустили уголки губ. Рука, державшая бинокль, резко дёрнулась назад. Она сомневалась, но Слава смог её переубедить, хотя это и шло в разрез её принципам. Убрав бинокль, она взглянула на незнакомку без ноток сострадания. Наоборот, она кое-что вспомнила и жадно протянула руку к лодке.

— Сигареты давай.

Не увидев никакой реакции, Даша попросила еще раз, но уже громче, и с напором.

— Сигареты давай!

Дрожащая ладонь утонула на дне куртки и спустя пару секунд вынырнула с пачкой сигарет. Заплаканное, мягкое и пустое лицо повернулось к Даше.

Слава молча наблюдал.

Незнакомка протянула руку.

— Сами виноваты, — кинула Даша, забирая пачку. — И не смотри так на меня, пожалуйста! Не вмешайся он, убили бы вы меня и глазом не моргнули. В своей смерти виноват он сам, больше никто! Мы защищались!

— Довольно! — вмешался Слава. — Не оправдывайся перед ней. Она всё равно ничего не поймёт. Отрезвеет, и может тогда всё осознает, — затем отшвырнул пустой рюкзак в сторону и сжал губы от злости. — Вот дерьмо! Больше ничего нет! Ладно, — поймал взгляд Даши, — мне надо еще нырнуть, я кое-что там оставил.

— Что ты ТАМ оставил?

— Подай мне трос лебёдки.

— Что ты собираешься делать?

Даша отстегнула крюк и попробовала вытянуть трос, но не получилось.

— Сними предохранитель... — Слава пальцем указал на подпружиненный рычаг, блокировавший вал лебёдки.

Металл щелкнул, освобождая механизм.

— Ты мне ответишь? — протягивая металлический крючок, разместившийся на ладони, Даша продолжала сыпать вопросы.

Слава принял крюк и зацепил его за металлическое кольцо, висевшее на поясе.

— Как бы мне не хотелось, и как бы это не звучало, но на первом этаже я нашёл логово сомов и хочу взглянуть поближе.

Даша выпучила глаза.

— Ты с ума сошёл? Хочешь, чтоб они тебя сожрали? — незаметно для себя, Даша стала истерить. — Ты даже не заметишь, как он подплывёт и с лёгкостью тебя проглотит, словно рыболовную снасть!

— Я буду внимательно смотреть по сторонам. Обещаю!

— Прошу тебя, не надо! Поплыли дальше. Найдём девятиэтажки и там хоть обныряйся, но только не надо рисковать из-за всякой ерунды. Да и что в этом логове может быть? Рыба не хранит вещи как люди. Не складывает барахло на полках и не прячет сокровища в сундуках. Ты хоть сам себя слышишь, что ты говоришь?

— Слышу! В сундуках может и не прячет, а вот в брюхе... полон ларец! — Слава опустил голову, пряча губы от Даши, и прошептал: — Я точно что-то почувствовал... — затем уже громче, — Ладно, я ненадолго. Не успеешь соскучиться.

— А с ней, что мне делать?

— Убей...

Возмущения Даши Слава уже не слышал. Закрыв глаза и сконцентрировался на дыхании. В голове пустота. Ощущалось только монотонное покачивание лодки. Затем сел на борт лодки, надел маску и нырнул в воду.

Барабан лебёдки начал раскручиваться.

Даша быстро взглянула на часы и мысленно поставила отметку на минутной шкале, ориентируясь на возможности Славы. Ближайшие восемь минут она могла не волноваться, но что если эти бесконечные восемь минут пройдут, а он не всплывёт? Какой порог, сколько ждать? Совсем недавно она уже переживала мучительный поток мыслей, и вот опять. Снова он её заставляет нервничать и ждать! Да еще и этот трос: тянется и тянется. “Хорошо, — придумала Даша, — если лебёдка замрет, и не будет шевелиться минут пять, начну...” Её размышления прервал женский голос:

— Дай закурить?

Даше стало мерзко и грязно на душе. Она завладела сигаретами как какой-то завоеватель, захвативший деревню и заставивший всех выживших принести дары, иначе — смерть! Ей захотелось вернуть чужое, отпустить незнакомку и больше не вспоминать этот случай, но зажав в ладони бумажную пачку, — увесистую, приятную на ощупь, — Даша передумала. Достала сигарету и протянула незнакомке.

— Вот возьми, и прошу тебя, уплывай!

— Куда я поплыву?

— А мне почём знать? У тебя в запасе пару дней. Плыви в “око”...

— Я не знаю куда плыть, — она начала заикаться, — он... только он знал маршруты. Знал куда плыть, умел ориентироваться на воде. А я не знаю... Я ничего не знаю...

— Мне жаль, что так произошло, но вы сами виноваты!

— Да, ты права... — она взяла сигарету в рот и потянулась к Даше.

Зажигалка, чудом уцелевшая и побывавшая почти на грани исчезновения, снова прижалась к женской ладони.

Затрещал табак. Поднялся запах тлеющей бумаги.

— Спасибо! — услышала Даша сквозь густой поток дыма.

Девушка скинула спутанные волосы с лица, и уже её взгляд не был пустым. Она начала оживать. Распрямляться. Сухие листья бутона опали, а на их месте уже зрел новый бутон, готовый вот-вот распуститься.

— Уплывай, — убирая зажигалку в карман, сказала Даша.

— Куда?

Даша обернулась, и увидел блеск на горизонте.

— Вон, видишь, как звезда блестит? Здание МГУ, вы должны были мимо проплыть. Видела?

— Да, мы вас там и ждали, а вы уплыли... — разоткровенничалась незнакомка. — Всё спланировали, оставалось только мышке попасть в мышеловку, но не судьба.

Барабан лебёдки вдруг резко замер, слегка дёрнув каяк. Трос, как натянутая струна, торчал из воды и ходил из стороны в сторону, напоминая леску удочки во время клёва. Затем замер. Даша ощутила слабый толчок, и трос ослаб, прижавшись к борту. “Рыбка” сорвалась...

Незнакомка сверкнула глазами.

Даша потянула за трос и не ощутила ни напряжения, ни веса. Она могла свободно его

достать из воды, но не стала.

— Всё! Сожрали твоего мужика, — и нервно засмеялась, крепко держа сигарету. — Тебя как зовут? Меня Вика!

— Никто его не сожрал! — Даша говорила уверенно, но лёгкое сомнение дергало скулы.

— Сожрали-сожрали... попался... ты не переживай! Плюнь на него. Всё, он не всплывёт. А нам еще с тобой обратно возвращаться.

— Никуда мы вместе не поплывём... — кинула быстрый взгляд на часы: “три минуты”.

— А что ты будешь делать? — тон Вики был нагловат и чересчур самоуверенным. — Ждать у моря погоды? Послушай меня, я не дождалась и ты не дождёшься. Мужики наши утонули, отдались в объятия русалок, а мы с тобой крепкие бабы, нам нужно выбираться отсюда вместе! Ты и я! Представь, что нас ждёт впереди, — она переместилась к краю лодки и облокотилась о борт, — вместе мы сможем попасть в любую башню. Зачем нам “око”? Зачем нам “башня спасения”? Давай отправимся к Меркурию! Согласна?

— Я тебе уже сказала, что с тобой никуда не поплыву, — посмотрела за борт, надеясь увидеть сквозь гладь воды свет фонаря, но ничего не разглядела. — С ним всё нормально, просто не хватило длины троса, — снова посмотрела на часы: “пять минут”.

Вика затянулась, выхватила сигарету из губ и швырнула её в воду. Перевалилась через борт, поглядывая исподлобья то на Дашу, то на болтающийся трос в воде. Её ладони незаметно погрузились в воду.

Даша не сразу всё поняла.

Раздался всплеск воды, Вика выпрямилась и откинулась назад, держа натянутый трос в руках.

— Отпусти трос! — испуганно крикнула Даша и крепко схватилась за другой его конец, свисающий с лебёдки.

Вика не слушала. Перебирая руками, она медленно тянула стальную верёвку на себя, уперевшись ногами в дно лодки. Каяк наклонился и двинулся на встречу. Не наклонись Даша в противоположную сторону от движения, перевернулась бы на раз-два и смотрела бы сейчас за происходящим из-под воды, болтаясь вниз головой.

Плавательные средства столкнулись. Вика попыталась быстро вскочить, но в лодке, болтающейся на воде, сделать это не так просто. Она выпрямилась, вскинула руки в стороны. Глаза горели, извергая лавы зла и ненависти. Нужно было действовать, немедленно. Вцепиться в лицо когтями и утопить эту наглую сучку!

Схватившись ладонями за воздух, Вика поймала центр тяжести и шагнула в сторону Даши. Но момент был упущен.

Даша испугалась, но очухалась быстро. Происходящее случилось так неожиданно, что сразу и не поверишь. Особо сейчас Дашу раздражало другое — кинутое Славой “Убей” обрело смысл и засело в голове как звон колокола, продолжающий долго и громко звенеть. Ей действительно захотелось убить. Убить эту притворную тварь, пытающуюся убить Дашу второй раз за день.

Свободной рукой Даша отстегнула весло, сильно его сжала и, перехватив второй рукой, со всей силой ударила. Пластиковая лопасть оказалось крепкой: встретившись с Викиной головой даже не треснула. Издавала глухой удар, кинула вибрацию по всей длине черенка, приятно задрожала и замерла, успокоившись в женских ладонях.

Вика упала на дно лодки. Послышался стон сквозь мычание, неразборчивая речь.

Адреналин разливался по Дашиным жилам, заставляя её тяжело дышать. Пелена гнева

оттаивала на глазах, но руки продолжали сжимать весло, готовое в любой момент нанести еще удар, а может и серию ударов.

— Я сказала, — сквозь зубы проговорила Даша, — уплывай...

Трос резко дёрнулся. Натянулся. Даша с облегчением выдохнула и улыбнулась. Руки заметно задрожали, быстро наливаясь тяжестью покоя. Глаза покосились на часы: “восемь минут”. Она облокотила весло о каяк и закинула голову назад, устремив взгляд в небо. Теперь можно было подумать о чём-то хорошем. Можно попробовать выкурить сигарету... м-м-м...

Держась пальцами за борт, Вика попыталась сесть, но смогла лишь завалиться на бок. Схватила руками за голову и снова замычала.

— Ты меня чуть не убила! Дура! — и громко взвизгнула, дотронувшись до выросшей шишки на виске.

— Ты меня дважды порывалась убить!

— Я тебя даже пальцем не тронула! Схватила за руку и всё, остальное ты уже сама себе надумала, сумасшедшая!

— Уплывай!

— Хорошо, хорошо, я уплыву, но мы еще встретимся! Останешься одна — вспомни меня. Я буду ждать тебя в здании МГУ. Не стесняйся, заходи.

Мурашки пробежались по телу Даши. Она чувствовала, что завела себе нового недруга — врага. Еще никогда в её жизни не было такого, и вот опять. Мерзопакостное ощущение, похожее на писк комара возле уха — но просто отмахнуться рукой не получится. Вика ей не угрожала, так, что-то пыталась косвенно изобразить, но выглядело очень жутко. Мало неприятностей окружало Дашу, теперь еще и это. Страшные желание заскреблились под коркой, и уже “волна” не казалась таким ужасным событием, наоборот, она могла решить новую проблему Даши, легко и непринуждённо: перевернуть лодку и утащить эту стерву на дно.

Даша резко мотнула головой, желая разогнать подобные мысли как надоедливых голубей во дворе. Она не такая, и никогда не станет такой как Вика.

Вика еще раз, тяжело и молча взглянула на Дашу, надеясь в ответ получить хоть какие-то слова, неважно какие — хорошие или плохие, главное — внимание, которого она пыталась добиться. Но всё, что она получила — тишина. Даша продолжала молча смотреть на звезду, блестящую на горизонте. Такую красивую и величественную.

Лодка развернулась и уплыла. Жуткое одиночество окутало Дашу, но ненадолго. Голова Славы показалась недалеко от каяка, вызывая в женской голове ощущение эйфории.

Слава жадно втянул воздух и медленно выдохнул.

— Закручивай лебёдку! — крикнул он, чуть отдышавшись.

Глаза Даши растерянно забегали по сторонам. Заметив ручку, свисающую с торца барабана, она быстро за неё схватилась и начала крутить. Шло тяжело. Слава быстро вернулся в каяк, стянул маску, перчатки и перехватил ручку.

— Что там? — потирая ладони, спросила Даша. Её глаза возбуждённо прыгали, смотря то на Славу, то на тянущийся трос из воды.

— Сейчас увидишь...

Слава свесился за борт. Мужская ладонь скользнула в воду, что-то схватила. Видно было, как его тело напряглось, а бледное лицо начало приобретать розоватый оттенок. Он резко дёрнулся и рывком вытащил мужской кейс чёрного цвета, на ручке которого был

пристёгнут крюк. Ничего не обычного, частое явление после ухода “волны”. Бывали дни, когда поверхность воды напоминала разноцветную скатерть, устеленную чемоданами различных цветов и форм, но со временем на них перестали обращать внимание. Как правило, содержимое было вымочено до нитки и уже не представляло ценности. Так и сейчас: из чемодана сочилась вода, а значит — содержимое давно превратилось в хлебный мякиш. Зачем Слава рисковал ради него, Даша понять не могла. А этот запах! Как только чемодан оказался в каяке, в нос сразу ударил отвратительный запах кислятины, трупного разложения и желудочной кислоты.

— Фу-у-у, — Даша зажала нос, — откуда ты его вытащил?

— Тебе лучше не знать...

Обследовав логово сомов, Слава, конечно же, ничего не нашёл, кроме костей и мусора. Да он и не особо рассчитывал, что местные жители будут складировать ценные вещи. Он нырял совсем за другим. За тем, что почувствовал ногами, находясь, практически, в желудке рыбыны. Что-то твёрдое и увесистое. Вернувшись к поверженной рыбе, Слава вспорол ей брюхо и обнаружил там чемодан, а так же останки его владельца. Костлявая ладонь продолжала крепко сжимать ручку кейса, намекая на ценное содержимое с которым не хотели так просто расстаться. Интересно, бедолагу заглотили живьём, или он прежде успел утонуть, облегчив свои муки?

Сразу открыть кейс не получилось. Защёлки окислились, проржавели — короче, металл сросся намертво, но мистер нож может решить все проблемы. Проковырившись минуту с замками, Слава откинул крышку.

— Ну-у-у-у, — протянула Даша, свернув губы трубочкой и по-прежнему зажимая нос пальцами, — удиви меня!

— Гребни!

— Что?!

— Гребни, у нас времени остаётся мало. Солнце практически приблизилось к горизонту.

Обидевшись, Даша отвернулась. Достала карту и сверилась с компасом, затем взяла весло и, как ей было “приказано”, начала грести.

В воду посыпался мусор: мелкие ошмётки вымоченной бумаги, шариковые ручки, линейка и диктофон. Слава попробовал его включить — не включился. Судя по всему, чемодан принадлежал мужчине-инженеру. На одной из бумажек можно было разглядеть чертеж какой-то панели, а в углу виднелся ГОСТ. Было бы полезным сохранить хоть какие-то чертежи, попробовать хоть что-то передать в нужные руки и надеяться на воскрешение цивилизации (как громко бы это не звучало), но желе из бумаги просочилось сквозь Славины пальцы и шмякнулось в воду. От отчаяния, он уже хотел выкинуть чемодан, но вдруг заметил кусок прозрачного пластика, выглядывающего между двух книг. Книги Слава оставил; их можно высушить и сжечь. А вот то, что лежало между ними, оказалось герметичной пластиковой папкой, хранившей в себе конверт. Сухой и неповрежденный.

— Ого! — воскликнул Слава, доставая конверт.

— Что там?

— Письмо...

— Письмо? Кому?

— Я откуда знаю!

Слава покрутил конверт: отчётливо читался адрес отправителя и адрес получателя. И тот, и другой находились недалеко друг от друга — соседние районы. Странно конечно; в

цифровой век кто-то еще писал письма. Романтика. Хотя возможно — это вынужденная мера.

— Читай!

Слава хотел возразить Даше, но задумался. Вспомнил, какой ценой ему достался конверт и молча согласился.

Внутри лежал сложенный пополам белый листок бумаги. Слава его достал, развернул. Текст был написан превосходным почерком, и прочитать его не составляло труда.

Ветер больше не помогал путешественникам своим лёгких дуновением в спину, а большой красный диск замер в нескольких сантиметрах над водой (судя по расчётам), стирая редкие облака своим ореолом и назойливо щекоча глаза.

Разогнав каяк, Даша позволила себе вытянуть руку вперёд, прищурится и начать что-то высматривать между указательным и большим пальцем.

— Еще минут двадцать и мы на месте, — заявила она, посадив солнце на указательный палец, а большой разместив на горизонте, — до заката часов пять.

Определять время таким методом по-прежнему было можно, но с некоторыми поправками.

— Да. Я знаю, у меня есть часы, — саркастично подметил Слава.

— До сих пор продолжаю удивляться тому, как всё поменялось: как долго солнце уходит за горизонт, как ярко луна освещает наш город. К тому, что световой день стал длиннее, мне кажется, вообще нельзя привыкнуть.

— Люди ко всему привыкают, но вначале нужно привыкнуть к новому образу жизни, и только затем — смириться с новым режимом.

— Да сколько можно, три года уже прошло!

— Столько, сколько нужно, — и продолжил шёпотом зачитывать текст письма себе под нос.

— А громче, чтоб не только тебе одному было слышно, можешь прочитать? Или это теперь ваш личный секрет?

— Чей “ваш”?

— Ну, твой и автора письма, — и растянулась в улыбке, которую мог созерцать только ветер.

Видеть этого Даша не могла, но всё это время, читая одну строчку за другой, Слава вращал лист бумаги вокруг своей оси.

— Автор письма — интересная личность, — хмыкнув, сказал Слава, — не знаю, как иначе его обозвать. Текст начинается от центра листка и закручивается спиралью по часовой стрелке, проходя в миллиметре от предыдущей строки.

— Тогда это уже не строки, — заметила Даша.

— Не придирайся... мне читать или нет?

— Читай!

“Любимая, привет! Запускаю нашу спираль! Я уже и забыл, как это — писать письмо. Но особо меня удивляет тот факт, что в двадцать первом веке, когда на каждом углу стоит антенна или вышка сотовой связи, мы не можем связаться! Я не могу услышать твой голос, просто потому, что в нашем здании не предусмотрен городской телефон. Кто бы мог подумать, что о такой малозначимой вещи, в наше то время, я буду жалеть. 2. На следующей неделе обязательно попрошу монтажников провести нам кабель, а то коллеги поговаривают, что сотовая связь появится не скоро. Надеюсь, курьер успеет доставить тебе моё письмо сегодня-завтра, так как домой я не смогу вернуться в ближайшие дни. Я и мои люди — единственные, кто в состоянии обеспечить здание электричеством, а сейчас — это очень важно. К нам привезли каких-то “шишек” и вояк со своей роднёй. 3. Поговаривают, что из самого кремля. Развернули целый штаб на этаже: ноутбуки, gsm

приёмники, установили антенны. Пытаются связаться с регионами, но ничего не получается — спутники не доступны, и нам ничего не говорят. Уже как десять часов к ряду в ушах только шум и помехи, а I. перед глазами стелется сигаретный дым. Всё прокурили.

Собери всё самое необходимое. Отпросись на работе, заведи детей, и приезжайте ко мне. В квартире не безопасно, судя по всему, но чем это обусловлено — пока сказать не могу. O. Но у меня есть опасения.

Курьер передаст тебе кейс, содержимое уберешь в сейф. Внутри сейфа найдешь портативные солнечные панели. Лежат в коробочках, по размеру как сотовый телефон. Забери их все, так как я сейчас в магазин попасть не смогу, да и когда там буду — неизвестно.

Пока еще рано делать громкие заявления, но O. за прошедшие два дня, судя по ощущениям, да и просто глядя в окно, можно заметить изменения в сутках. Нет, это не часы сломались, а действительно — световой день стал длиннее на сорок минут, а вместе с ним и ночь, но на двадцать минут. В начале осени! Парадокс! И это — только начало. Среднесуточный прирост энергии с панелей вырос, чему мы рады, конечно, но я опасаясь последствий. Что происходит и к чему всё это приведет, никто не знает. 9. Вояки молчат, только изредка кидают фразы типа: Нарьян-Мар — ушёл, Воркута — ушла. Куда они “ушли” мы не понимаем. Приезжай, тут безопасно и спокойно. Пропуска заказал”.

— Как жалко, — произнесла Даша, выбравшись из потока мыслей.

— Чего тебе жалко?

— Людей. Семью! В руках ты держишь несбывшуюся надежду на воссоединение семьи...

— Больше оптимизма! Возможно... Нет... Я уверен, что они встретились! Этого, мь конечно, никогда не узнаем, но будем верить!

— А что за цифры ты называл?

— Не знаю, они вот тут написаны, — Слава крутил пальцем по тексту, останавливаясь на цифрах, — два, три, один, ноль, ноль, девять. Мне интересно другое: забрали они эти, солнечные панели?

— Какой адрес получателя?

— На, посмотри, — Слава протянул конверт Даше.

Прочитав название улицы на конверте, Даша быстро прильнула к карте. Найти местоположение дома не составит труда — адрес говорил сам за себя: Крылатские Холмы.

— Район Крылатское! Часа четыре плыть.

— Не успеем до ночи...

— Не успеем. Да и смысла нет рисковать... ради чего?

— Ладно, — кинул Слава, — может пригодиться, — забрал у Даши конверт, положил в него письмо и спрятал в рюкзак.

Даша продолжала грести, а Слава, тем временем, погружался в пустоту, пытаюсь очистить свой разум перед очередным погружением. Мысли успокаивались. Интервалы между ударами сердца увеличивались. Он не только это чувствовал, но и отчётливо слышал. Вода диктовала свой ритм, ударяясь о борт “Иришки”. Каждая маленькая волна, гонимая ветерком, была пульсом на электрокардиографии Славиной медитации. Пульс был стабилен, а значит и вода не должна подкинуть сюрпризов.

— Ура-а-а! — воскликнула Даша. — Приплыли! Как же у меня устали руки, сейчас отвалятся!

Слава открыл глаза и увидел перед собой торчавшие из воды обглоданные скелеты домов. Дед не обманул: район действительно находился на возвышенности, что подтверждало обилие обмелевших крыш и пары верхних этажей панельных девятиэтажек. Среди них так же попадались, словно изъеденные кариесом клыки, тринадцатипятиэтажки, величественно возвышающиеся над остальными домами.

— Пётр не обманул! Здесь действительно находился целый район, парящий над водой! Улица Островитянова, и судя по карте, мы здесь!

— Помолчи...

Даша резко обернулась и увидела напряжённое мужское лицо, смотрящее сквозь дома. Слава попытался прислушаться, что-то разглядеть. Посмотрел внимательно за борт, сквозь воду. Закрыв глаза и принялся.

— В центр района не углубляйся, — его тон был как кусок бетона — твёрдый и грубый, — начнём с окраины. Давай к той высотке.

Даша не стала вступать в полемику, спорить или еще чего. Послушно взялась за вёсла и, умоляя свои мышцы прекратить ныть, устремила каяк к ближайшей высотке.

Вода была очень прозрачной. Через неё можно было увидеть не просто дно, присмотревшись, можно было разглядеть асфальт, вереницы бордюров и даже детские площадки, на которых по-прежнему стояли горки и качели; внутри Даши проснулся ребёнок, захотевший покататься хоть на чем-нибудь. Сильного течения здесь не было, поэтому песок, мусор и водоросли покоились на дне, делая его прозрачным, как капля бензина, источающая пары.

Каяк приблизился к зданию с торца. Вода жадно слизала со стен все слои капитального ремонта, оставив нетронутой мелкую плитку. Оконные рамы отсутствовали. Были видны мёртвые квартиры, забитые разбитой мебелью и ржавой бытовой техникой, а в одной даже была рекламная вывеска, с изображением строящегося микро-района у реки.

Проплыв вокруг дома, Слава с Дашей, на дне, ничего не заметили: машин не было.

— Поплыли дальше, — Слава вскинул руку и указал на крайнюю девятиэтажку, тянущуюся вперёд на девять подъездов.

В глаза бросались различные машины, валяющиеся на крышах домов. Превращённые в груды металла, они не представляли никакой ценности, а уж искать что-то в них, было абсолютной тратой времени: их содержимое было доступно любому зеваке, заплывшего в этот район. Глаза искали что-то скрытое, недоступное обычному обывателю — клад, покоящийся под ногами. Слава пристально вглядывался в дно, боясь упустить что-то ценное.

Проплыв от первого подъезда до последнего, они ничего не нашли.

— Может, внутри попробуем поискать? — в отчаяние спросила Даша, прижав каяк к стене и положив весло на подоконник.

— Ты рано сдаёшься, у нас еще целый район впереди.

— Я не сдаюсь! Вдруг мы оставили что-то ценное внутри? Я прям вижу, как канистра с бензином лежит себе спокойно на диване и смотрит нам в спину, затем достаёт сигарету и, ухмыляясь на всё своё октановое число, закуривает!

— Не выдумывай! — серьёзно произнёс Слава, но на щетинистом лице все же промелькнула улыбка. — А хотя, может ты и права! Смотри!

Схватившись за подоконник, Слава подтянулся и возбуждённо заглянул внутрь квартиры.

— Что? Что там? — не менее возбуждённо воскликнула Даша и тоже начала

подтягиваться, желая увидеть находку.

— Ничего... Показалось! — и, засмеявшись, устался на Дашу.

Девушка фыркнула, сняла весло и уже приготовилась грести, но каяк сам устремился вперёд.

— Поплыли дальше, к соседним домам, — сказал Слава, продолжая смеяться, — я чувствую, там мы, что-нибудь, да найдём!

Проплыв метров сорок, “Иришка” приблизилась к стене очередной девятиэтажки, но уже не такой длинной. Они отплыли чуть в сторону, чтобы тень от каяка не мешала поискам и не скрывала затаившиеся “сокровища” на дне улицы Островитянова.

Доплыв до середины, Слава, желая быстро затормозить, опустил весло в воду и скомандовал:

— Стоять! Приплыли...

— Твоя очередная шутка? Я ничего не вижу!

— Присмотрись...

Скептический взгляд сменился внимательным. Даша приблизила лицо к воде и ахнула. Из окна первого или второго этажа (сразу не разобрать), торчала часть машины. Слава указал пальцем чуть в сторону, Даша пригляделась и увидела еще одну машину.

— А так сразу и не заметишь!

— Видишь, они выделяются, — начал объяснять Слава, — на общем фоне выглядят неестественно. Вода всеми силами пытается спрятать этот недостаток, размуть его, но наш мозг не обманешь! Это как бородавка на гладкой коже лица, не к месту и сразу бросается в глаза. Давай, прижмёмся к стене.

Слава схватился за остатки оконной рамы квартиры на восьмом этаже, подтянулся, вылез из каяка и уселся на подоконник, свесив ноги наружу. На нём по-прежнему были надеты ласты, перчатки, на запястье висел фонарь, а из ножен, закрепленных на голени правой ноги, торчала рукоять ножа. Даша присмотрелась к ножам: ребристый пластик чёрного цвета с двумя широкими эластичными ремнями, крепко обвивающие крест-накрест мышцы ноги. Искусная вещь, которую не встретишь на прилавках рыболовных магазинов. А вот нож — он не вписывался в образ, потому что был обычным кухонным ножом, скорее всего, найденным в одной из таких квартир.

— Ты готов? — спросила Даша.

— Да! Но прежде...

Поджав ноги к груди, Слава развернулся и спрыгнул с подоконника, оказавшись внутри квартиры. Включил фонарь. Внимательно осмотрел пол и заглянул в коридор. Он искал любые следы, которые мог оставить человек, неважно где: на полу, на стенах или в дверных проёмах, расчищая проход.

Вроде всё чисто. На полу стелился нетронутый песок, местами украшенный узором предсмертной агонии различных рыбёшек, дёргающихся в поисках воды.

Блуждать по заброшенным квартирам Славе не доставляло истинного удовольствия, — вынужденная мера, пренебрегать которой было глупо. “Береженого Бог бережет!” — эти слова по истине обрели для него смысл, с тех пор, как в один прекрасный день он увидел на полу следы от ботинок уходящие к лестничной клетке. Ленивый “рыбак” затащил надувную лодку в квартиру на восьмом этаже, сдул её, осмотрел все комнаты и спустился по лестнице, скрывшись под водой. Слава и подводный охотник оказались в том доме не случайно. “Волна” сумела дотянуться до местного супермаркета, вымыть из него упаковки с питьевой

водой, консервы, шпроты и алкоголь. Ближайшие здания сработали как сети, осадив в себе большую часть добра. Слава всегда поражался тому, как в мире, где отсутствует какая-либо связь, народ быстро разносит благую весть по всему городу! На следующий день только у ленивого не стояла жирная точка того района на карте.

В тот день Слава стал охотником и двинулся по следу. Вначале по отпечаткам на полу, затем по воздушным пузырям растекающимся, как ртуть, по потолку. След был четкий, и найти подлеца труда не составит. На третьем этаже Слава заплыл в квартиру. “Рыбак” парил у окна, держась за тонкий трос, одним концом привязанный к ножке завалившегося шкафа, а другим тянущимся к поверхности воды. Ждал, когда жертва схватит его приманку, попытается вытащить наружу ценный товар, но не успеет, так как он будет быстрее. Убьёт глупца, попавшего на крючок, и завладеет всем, что тот успел насобирать.

Появившаяся рядом лодка кинула тень на дно. Остановилась, плавно подёргиваясь на волнах. “Рыбак” замер, готовый в любой момент выстрелить как гарпун. Слава был лаконичен: подплыл со спины и одним ударом перерезал кислородный шланг, тянувшийся от баллона, затем схватил мужика за ногу и оттащил в коридор. Всё вокруг наполнилось пузырями воздуха. Поднялась серая пыль. “Рыбак” потерянно махал руками, дёргал ногами, попытался даже куда-то уплыть, но беспомощно бился то в стену, то в потолок.

Чем всё закончилось, Слава не знал. Он уплыл, потому что ему было всё равно. Умрёт — плевать. Выживет — плевать. Как ни как, преступника он наказал, но и другим людям не нужно забывать про опасности, поджидающие их на каждом углу. Возможно, ему и не надо было вмешиваться в новообразовавшиеся природные процессы охоты и выживания, но наблюдать за той жестокостью и цинизмом, с которым происходят современные преступления, он не мог.

Слава вспомнил этот эпизод своей жизни, когда двинулся в узкий коридор квартиры, оставляя на полу первые следы. Уши пронзил гул завывающего ветра, беспрепятственно бегающего по этажам. Под ногами хлюпал разбухший паркет, хрустели стёкла. В свете фонаря блестели влажные стены. Воздух был тяжёлым от сырости: воняло мокрым бетоном, гнилью и водорослями. Одним словом — городское болото!

Даша внимательно за ним наблюдала, тихо посмеиваясь над его глупой походкой в ластах. Широко расставив колени, он напоминал пингвина, семенящего по снегу. Такой неуклюжий и безобидный, но только на первый взгляд.

Осмотрев коридор, Слава еще раз убедился, что тут никого не было. Собирался вернуться, но его взгляд зацепился за дверь в ванную комнату. Она была, и она была заперта. Любопытство протянуло руку к ручке, но та давно заклинила, механизм окислился и превратился в металлический мёд. Слава слабо потянул на себя — заперто. Потянув сильнее, ручка поддалась, но вместо того, чтобы открыть дверь, она с чавканьем из неё вышла.

Широко улыбаясь, Слава поднял руку, демонстрируя Даше изваяние, слепленное из металла и стружки.

Дверь открылась, перекосилась и слетела с петель, чуть не придавив Славу.

Освободив проход, Слава заглянул внутрь. Обычная ванная комната: плитка, раковина, грязь и кости. Повсюду валялись человеческие кости, а затылок черепа выглядывал из отверстия вентиляции. Судя по всему, хозяин квартиры принимал ванную и был застигнут врасплох. Вода начала прибывать, и могло показаться, что где-то начал протекать слив, лопнула труба или, снова затопили эти чёртовы соседи! Но такие мысли посещают в первую секунду, во время второй — ледяная вода заполняет всю ванную комнату, упирает тебя в

потолок, а ты, охваченный паникой, даже не замечаешь, что всё это время дышишь водой.

Слава быстро пробежался глазами и заметил висевшую над раковиной маленькую полку с дверцей. Она выглядела помятой, разбухшей, но целой. Внешнее покрытие давно отвалилось, обнажив фактуру ДСП панели, из которых делается вся современная мебель.

Раздвигая ластами лежащие на полу кости, Слава шагнул к полке, протянул руку и взялся за ручку. Похожая ситуация повторялась раз за разом. Маленькая дверца хрустнула и отвалилась. Полка дёрнулась, сорвалась с крючков и обрушилась на раковину, расколов её пополам. Комок керамики и древесины с грохотом упал на пол, напугав Дашу.

— Что случилось? — испуганным голосом крикнула она. — С тобой всё в порядке?

— Да! Я живой! — крикнул Слава в ответ, ковыряясь в новой куче мусора.

Ему удалось найти запечатанный тюбик зубной пасты и складное зеркальце. Вернувшись к Даше, он протянул ей подарки.

— Что за намёки? — возмущившись, Даша исказила лицо, словно её ударило током и, поднеся руку к носу, попыталась определить: есть запах изо рта или нет.

— Да какие тут намёки? — оправдывался Слава, — Нашёл в ящике. Держи! Пригодится! Даша забрала вещи и убрала в нишу каяка.

Слава снова уселся на подоконник, осмотрел всё вокруг, на предмет выбивающихся вещей из общей картины, и, ничего не найдя, произнёс:

— Подай мне трос...

Уже обученная, Даша скинула предохранитель с барабана и протянула трос Славе.

— Когда я нырну, — начал Слава, пристёгивая крюк к поясу, — отгони каяк на пару метров от стены и удерживай его. Я должен отчётливо видеть его тень на дне. Если сможешь, дерни трос с силой...

— Зачем?

— Затем! Слушай внимательно. Если не сможешь, попробуй подать знак, любой, но пока я под водой, к дому не подплывай, ни при каких условиях. Поняла?!

— Да... Поняла-поняла! Но к чему такие предосторожности?

— Не нравится мне всё это... Ладно, подай маску. Пожалуйста!

Пробежавшись руками по снаряжению и, убедившись, что всё на месте, Слава намочил маску и натянул её на лицо. Закрыв глаза, задумался. Сделал три глубоких вдоха, а на последнем выдохе замер. Спустя десять секунд снова сделал глубокий вдох и, оттолкнувшись руками от подоконника, спрыгнул в воду. Капли воды окропили Дашино лицо, неотрывно наблюдавшее за ритуалом.

Включать фонарь Слава не стал, — всё и так было видно. Зад машины торчал из окна большой комнаты на втором этаже — это был серебристый седан. Слава быстро подплыл к машине, осмотрелся: крышка багажника, да и вся задняя часть, были целы, в отличие от передней части машины, напоминавшей сплюсненную морду бульдога. Попробовал открыть — закрыто. Повезло — попалась иномарка, и Слава уже давно наловчился открывать багажник иначе. Подплыл к водительской двери, дёрнул за ручку — снова заперто, оно и не удивительно — крышу автомобиля и переднее крыло замяло так, что они вместе с дверью стали единым целым.

Попробовал открыть заднюю дверь — открылась. Внутри пришлось включить фонарь. Луч света разогнал крохотных мальков, напугал большую рыбину, покоившуюся в детском кресле на заднем диване, и подсветил лежащие на полу кости. Мурашки пробежали по телу, но не от холода, а от жути. Повидал Слава многое, и всё равно, представив на мгновение, как

машина наполняется не только водой, но и криком ужаса — на душе становилось невыносимо и приходило осознание того, что машина стала подводным склепом для целой семьи.

На водительском сиденье обнаружили кости грудной клетки, зацепившиеся за ремень безопасности: глава семейства по прежнему оставался у руля, вот только тот самый руль, судя по его расположению — стал головой. Слава посветил в ноги водителю, надеясь увидеть там рычажок багажника, но лишь бутон распустившегося металла с двигателем по центру появились в свете фонаря.

От злости Слава сжал губы, но ему нельзя было поддаваться эмоциям. Он успокоился. Подумал. И посмотрел на задний диван. Точно по центру виднелись очертания, спрятанного внутри спинки дивана, подлокотника для пассажиров. Слава провёл по нему рукой и нащупал ручку. Потянул. Подлокотник откинулся, но за ним оказалась пластиковая дверца. Отварив её беспрепятственно и без лишнего геморроя, Слава захотел выдохнуть с облегчением, но вспомнил, где находится.

Рука с фонарём занырнула внутрь багажника. Клякса света медленно двинулась по нутру, освещая то разбросанную одежду, то рваные сумки, то переноску для животного, судя по всему, с животным внутри, а точнее с тем, что от него осталось. Тут не было ничего ценного либо полезного. Такие машины, и их владельцев, обзывали — “опоздуны”.

Эти люди никого не слушали и не верили слухам, а до последнего надеялись на лучшее. Даже когда все соседи разъехались, они по-прежнему дожидались чуда. Но когда “чудо” показалось на горизонте — приходилось хватать то, что лежало под рукой, нырять в машину и, как всегда, продолжать надеяться на лучшее.

Слава покинул машину и начал всплывать, окутывая себя пузырями воздуха.

— Ну, как улов? — сразу же спросила Даша, как только голова Славы показалась возле каяка.

— Никак...

- “Опоздуны?”

— Они самые...

— Был кто внутри?

— Были. Вся семья. Человека три или четыре.

— Жалко людей! Надеюсь, “волна” не заставила их долго мучиться.

— Поплыли дальше, к следующему подъезду.

Даша начала грести, а Слава, зацепившись за каяк, помогал ей, работая ластами.

— Стоп! — воскликнул Слава, вынув голову из воды. — Тут будет посложнее...

— Почему?

— Зад машины застрял в квартире, — затем снова погрузил голову под воду и, спустя пару секунд, вытащил, — придётся заплывать через соседнюю комнату. Надеюсь, трос не запутается.

— А если запутается?

Слава проигнорировал вопрос: он глубоко дышал, наполняя тело кислородом. Спустя минуту отплыл от каяка и, повернувшись лицом к дому, скрылся под водой.

Чёрная морда автомобиля выглядывала из окна большой комнаты на четвёртом этаже. На ней не было ни фар, ни бампера, ни крыльев — металлический остов, смотревший куда-то в сторону. Только мятый капот дёргался под ударами встречного течения то вверх, то вниз.

Слава включил фонарь и заплыл в квартиру через соседнее окно. Проплыл комнату насквозь, предварительно осмотрев все углы, и оказался в коридоре. Глухая тьма накинута на человека, но быстро проиграла это сражение, растворившись в потоке света двести люмен. Проход в соседнюю комнату был завален. Встав по диагонали, толи дверь, толи какая-то часть мебели упиралась в дверной проём, оставив мелкую щель. Слава подплыл и заглянул в комнату. Никем не тронутый, совершенно целый зад автомобиля блеснул в свете фонаря. Прекрасный сохранился, даже покрывки были на месте. Слава обрадовался и принялся устранять препятствие.

Преграда не сопротивлялась: сложилась пополам, как только мужские руки надавили на центр. Слава заплыл в комнату и сразу попробовал открыть дверь багажника — заперто, ничего удивительного. Водительскую дверь не открыть — упиралась в оконный проём. Попробовал дёрнуть за ручку пассажирской двери — снова заперто. Права сторона автомобиля была вмята в стену, — туда можно даже не лезть.

Нужно срочно найти решение. Думать. Думать.

Слава попробовал надавить на стекло пассажирской двери — ничего, оно держалось прочно, без люфта. Ладонь выхватила нож. Лезвие врезалось в каёмку, между стеклом и верхней частью двери. Слава надавил — нож углубился, и используя его как рычаг, начал шатать вверх-вниз. Кислород сгорал с каждым рывком. Какие-то мгновения и стекло поддалось, чуть-чуть опустившись вниз. Надавлив сильнее, лезвие углубилось, показавшись внутри автомобиля. Слава перехватил рукоять и надавил со всей силой вверх, упираясь ногами в пол. Электропривод давно уже не работал, но стекло начало плавно опускаться.

Длины ножа больше не хватало, а в появившуюся щель могла поместиться лишь кисть руки — этого было мало. Нужно еще опустить, совсем чуть-чуть, чтоб могла пролезть рука и дёрнуть ручку двери изнутри.

Глаза забегали по комнате, пытаясь отыскать любой длинный предмет. Слава осветил в угол и увидел тянущиеся с потолка две трубы. Возле пола они уходили в прикрепленную под окном батарею.

Подплыв, Слава схватился за ближайшую трубу, дёрнул. Поддалась. Дёрнул еще, но уже сильнее. Снова поддалась, увеличив люфт. Схватившись за трубу обеими руками, Слава уперся ногами в стену и, что есть силы, начал тянуть на себя. Лёгкие зашипело, пузырьки воздуха рвались наружу.

Ржавый металл по-прежнему оставался крепок, но время, вода и обезумевший мужик, стоявший на стене, взяли своё. В буквальном смысле: кусок трубы, в длину около метра, разместился в мужских руках.

Слава вернулся к двери и вставил трубу между стеклом и дверной рамой. Снова упираясь ногами в пол, задрал конец трубы вверх и надавали с такой силой, что не только металл в руке начала гнуться, но и дверь.

Результат превзошёл все ожидания: стекло покрылось мелкой паутинкой и рассыпалось.

Слава запустил руку внутрь, дёрнул ручку и открыл дверь. Быстро заплыл. На удивление, в машине было чисто: отсутствовали кости, а значит и рыбе тут делать нечего. Кинул взгляд на водительское место и увидел рычаг багажника. Дотянулся рукой и дёрнул, услышав заветный щелчок.

Лицо Славы растянулось в жадной улыбке до самых ушей. Перед глазами красовались две пластиковые красные канистры, пластиковый ящик с бутылками воды, различные пакеты и домашние вещи. Владельцы готовились к долгой дороге, но почему-то никуда не

поехали. “Ну, и хорошо!” — подумал Слава, но представил, что могло случиться с людьми, и немного приуныл.

Поднеся к канистрам фонарь, можно было увидеть скопившийся воздух у самого верха. Они были полные, — от этой новости на душе становилось тепло. Радость и чувство выполненного долга разожгли внутри Славы остатки алкоголя, и он даже чуть-чуть прихмелел.

Снял с пояса трос, продел крюк сквозь ручки канистр и сделал петлю. Вытащил их наружу и двинулся к выходу. Вернувшись в соседнюю комнату, взгляд Славы что-то привлекло. Может, показалось на радостях? Периферийное зрение дёрнулось, но мозг был занят другим.

Он подошёл к окну и, подняв глаза, увидел, как каяк прижимался к стене. Странно...

Положил канистры и уже собирался вылезти в окно, но увидел быстро опускающийся маленький предмет. Протянув руку, схватил его и сразу же потянулся за ножом.

Сжимая в одной руке нож, а в другой Дашин компас, Слава понял, что привлекло его внимание: по потолку плыли пузыри воздуха. Как он мог упустить этот момент? Дурак, совсем потерял страх!

Всплывать было глупо... Лихорадочные мысли расплзались по извилинам, рисуя план. Нужно проплыть дом насквозь, всплыть с противоположной стороны и уже действовать по ситуации. Возможно, всё обойдётся и ничего страшного не произошло, но “Бережёного Бог бережёт!”

Оставив канистры в углу, Слава проплыл коридор, нашёл выход из квартиры, ведущий на лестничную клетку (входной двери не было), и заплыл в соседнюю квартиру, с окнами, выходящими на противоположную сторону. Всё это время он нервно поглядывал на потолок, надеясь больше не увидеть растекающийся воздух, но, скопления были везде. Скорее всего — ловушка, но уже поздно — будем решать проблемы по мере их поступления.

Впереди виднелись окна. Свет наполнял кухню и трогал часть коридора, но до него еще нужно доплыть. Холодная тьма хватала за ноги, за руки, целовала в лицо, щедро одаривая кожу мурашками. Ладонь с ножом плыли впереди подобно носу акулы, готового ударить любого.

“Нужно убрать компас и взять фонарь! — нервные мысли били из края в край, — Нет! Уже поздно! Останавливаться нельзя!”

Тьма только сгущалась, сдавливая всё вокруг, а пузыри на потолке продолжали дёргать за нервы и путать мысли. Еще чуть-чуть и коридор закончится. Свет уже тронул руку с ножом. Тело покалывало, требуя кислорода.

Проплывая мимо ванной комнаты, Слава ощутил дуновение воды по лицу. Быстро замер и попытался резко вернуть руку с ножом, но не успел. Из тьмы вырвалась пятипалая клешня и мёртвой хваткой вгрызлась в Славину шею. Компас выскользнул из ладони, опустившись на пол.

Освободившейся рукой, Слава схватил вражеское запястье, занёс руку с ножом и попытался упереться ногами в пустоту, теперь зная, что там кто-то есть.

Тьма перед Славиними глазами разверзлась, выпуская в его лицо нож, ярко блеснувший в ломаном свете солнца. Лезвие пробило пластмассовую маску и устремилось в зрачок глаза.

Щупловатый мужчина, лет тридцати, в голубоватом гидрокостюме нервно расхаживал по комнате, раздражая своим видом всех окружающих. Его дорогие именитые кроссовки (ранее найденные в одной из квартир), со вкусом выжимали неприятные звуки, схожие с дроблением костей, из разбросанного на полу мусора. Парень был чем-то недоволен, раздражён и зол. Мутноватый взгляд кидался то на пол, то на потолок, то на улицу через окно квартиры на восьмом этаже (где он сейчас и находился). Прищурившись, он не сразу сумел оторвать взгляд от воды, созерцая прекрасное и одновременно пугающее отражение огненного луча солнца прикоснувшегося к горизонту.

Чёртово время. Его было мало, оно поджимало, заставляло нервничать, и как следствие — допускались ошибки. В запасе пару жалких дней, а дальше надо будет впопыхах собирать манатки и валить отсюда! Да вот проблемка — собирать было нечего, а с пустыми руками уходить — равносильно смерти.

— Рыжий! — недовольным тоном обратился щуплый к мужику, вальяжно развалившегося (положив ногу на ногу) на белом пластиковом стуле. — Сколько еще нам тут торчать?

Тот медленно поглаживал свою блестящую рыжую бороду и на данный момент не собирался обращать внимание на эмоциональные всплески своих “коллег”. Он даже не повернул головы, — продолжил поглядывать в окно сквозь дорогие солнечные очки.

Выдержав паузу, рыжебородый всё таки решил ответить:

— Мы тут не торчим, а занимаемся делом!

— Сидеть на стуле — это твоё дело? У нас уже было всё на руках, а ты взял и отправил Вована с нашим добром в башню! Разрешил ему там всё потратить, и ради чего? — щуплый встал перед Рыжим, заполнив его стёкла очков своим недовольным лицом. — Ты забыл мудрую пословицу: лучше синица в руках, чем журавль в небе!

— Ты что-то осмелел, Ус! — ладони рыжебородого так сильно вцепились в ручки стула, что побелели. — И речь твоя плавает, как рыбёха без хвоста! Ты пьяный?

— Нет! — соврал Ус, и невольно начал закручивать свои усы в крючок.

— А мне кажется, что ты пьян, скотина! — злость разливалась по мышцам Рыжего, раздувая надетый на него чёрный гидрокостюм.

— Я не пил! — снова соврал Ус.

Он действительно был под мухой и все его попытки оправдаться выглядели нелепо.

Пару часов назад, осматривая очередную квартиру, Ус наткнулся на холодильник. Другой прошёл бы мимо, но не он. Открыв дверцу, его обдало глазывжигающим ароматом гнили и подкинуло к ногам две алюминиевые банки. Что внутри — неизвестно, надпись давно стёрлась. Ранее он уже передал в “общак” все свои находки и больше не собирался делиться, так как считал, что и так принёс слишком много, а когда на его глазах всё отдали Вовану, для выполнения сомнительной миссии, он сразу для себя решил — хватит, теперь только в карман! Поэтому вопрос с банками был быстро решён.

Дёрнув колечко, раздался металлический щелчок, а затем шипение. Ноздри Уса пристали к появившемуся отверстию в банке и осторожно сделали вдох.

Пиво.

Не раздумывая ни секунды, и боготворя создателей алюминиевой тары, он осушил

содержимое до последней капли, выкинул пустые банки в окно и, утолив свой внутренний голод, отправился дальше, пополнять “общак” полезным барахлом. Помимо хмельной головы, умиротворения и весёлого настроения, он получил и несвойственную ему смелость.

— Нет! — воскликнул рыжебородый, цепляясь глазами за лицо Уса. — Ты пил! И пил наше — общее!

- “Общее” ты слил! В унитаз или куда-то еще — выбирай сам! А я выпил своё, понимаешь! Своё! Ты даже меня не спросил: согласен я или нет на идею с Вованом!

— Ты — идиот! Поэтому тебя никто не спрашивал, — и резко вскочил со стула. — Ты забываешь своё место! Напомни мне — когда я последний раз сливал всё, допустим, в унитаз?

Ус молчал. Сжал губы и молчал. Рыжий продолжал чувствовать себя доминантом стаи:

— А теперь ты напомни мне — сколько раз твои знания нас спасали? — ухмыляясь, спросил рыжебородый и, не дожидаясь ответа, ответил сам: — Правильно! Ноль! — и начал трясти своей ладонью возле лица Уса, где присмотревшись, можно было увидеть тот самый ноль, сложенный из указательного и большого пальца. — А благодаря мне, и моему образованию, мы, — он обвёл глазами всю комнату, — выживаем третий год! Вовану мы не отдавали вещи — мы инвестировали в него! А что дают инвестиции? Правильно! Прибыли!

— И где же твоя прибыль? — обиженным тоном пробубнил Ус.

— А ты хочешь всё и сразу? Прости, так не бывает! Но мы могли вложить больше, если бы кто-то, — рыжебородый начал тыкать своим указательным пальцем Уса в лоб, — перестал крысить, и начал вести себя как честный, порядочный человек. Возможно, вложения уже бы дали прибыль, и вместо разбирательств между собой — мы пожимали бы плоды!

Алкоголь постепенно выветривался из головы Уса, а вместе с ним и смелость.

— У нас времени осталось...

— Я знаю, сколько у нас осталось времени! Отойди, не нервируй меня.

Ус посторонился, а Рыжий обратно вернулся в свой неудобный стул.

— Мальчики, прекратите ругаться! — прозвучал женский голос, как тягучий сладкий мёд. — Наши дивиденды приплыли.

Прежде чем вскочить со стула и перевалиться через окно, Рыжий еще раз пробежался глазами по стройному женскому телу, изгибы которого подчёркивал облегающий гидрокостюм. Богиня стояла возле окна, прижимаясь к стене плечом и смотря куда-то вдаль. Её мокрые волосы, цвета белка глаза при желтухе, струились по спине и доходили до самого пояса. Руки, сложенные на груди, — вернее под грудью — лишней раз подчёркивали ту самую грудь, выглядывающую из распахнутой кожаной куртки. Нет, грудь не оголена — на ней гидрокостюм! Рыжий для себя заметил, каким серьёзным стало её лицо: тонкие брови сдвинулись, нижнюю губу она закусил, а ноздри широко растопырила. Она горела от возбуждения.

— Что ты там увидела? — подходя, спросил Рыжий.

— Я точно не уверена, но вон, сам погляди, — Богиня вскинула руку и указала пальцем на горизонт, где возвышалась многоэтажка.

Рыжий высунул голову из окна, прищурился. Снял очки. Снова прищурился.

— Мы бинокль так и не нашли? — окинув всех взглядом, Рыжий понял, что задал риторический вопрос. — Найдите мне чёртов бинокль! Сколько можно!

Он снова взглянул в конец дома, приставив ладонь ко лбу, как козырёк.

— То ли лодка, то ли что... — блики на воде размывали горизонт, превращая объект наблюдения в серую круглую точку.

— Вот и я не пойму.

— Ладно, пока не ясно. Пусть ближе подплывут!

— А если уплывут? — встав позади Рыжего, проямлил Ус.

— Ну, так беги за ними! Догоняй! — не получив ответа, Рыжий продолжил: — Там пусто, а у нас две тачки под жопой. Вован должен был обрисовать им район, и дом указать.

— Там может быть всё что угодно! — скептически заметила Богиня.

— Если это не он, — то и руки марать не будем! — встав в центр комнаты, Рыжий внимательно на всех посмотрел. — А если он, то попрошу всех подготовиться. Заранее! — и громко хлопнул в ладоши.

— Они уже возле нашего дома, — сказала Богиня, продолжая неотрывно наблюдать, — и это не лодка... но там двое: мужчина и женщина!

— Смотри аккуратнее, могут заметить.

— Не переживай, я как всегда — сама аккуратность! — она углубилась в угол, накинув на себя тень. Один глаз продолжал вести наблюдение вдоль всего дома.

Рыжий подошёл к стене и взял пластиковую канистру, стоящую на полу. По ощущения, там было чуть меньше половины и это злило его. Жалкие остатки. Если дело не выгорит... Он быстро пресёк все плохие мысли, поставил канистру на место и медленно подошёл к Богине.

— Ну что там?

— Они над первой машиной, но не ныряют: мужчина залез в квартиру, зачем-то...

— Может, решил по ступеням спуститься?

— Может... А может и нет.

Простояв в ожидании еще минуту, Богиня протянула.

— М-м-м...

— Ну что там, не тай!

— Он свесил ноги с подоконника, а девушка ему что-то протягивает. Глубоко дышит — готовится.

— Неужели это действительно он!

— Скоро узнаем.

Рыжий посмотрел на мужчину, дремлющего в приспущенной надувной лодке вдоль стены, окликнул:

— Воздух!

Мужчина приоткрыл тяжёлые веки, поморщился, нашёл взглядом источник раздражения. Басовито пробубнил:

— Чего?

— Он точно не сможет сразу открыть багажник?

— Точно! Я же говорил: замок я испортил — открыть можно только изнутри. Что делать со второй машиной — одним окуням известно. Багажник заперт, все двери заперты. Ковыряться с замками или стёклами — воздуха не хватит, а он сейчас на вес золота! Проход к машине я перегородил дверцей, может еще вернёмся к ней. Но, может этот ихтиандр хренов и сможет найти к тачке подход.

— Вот и проверим...

— Он нырнул, — заявила Богиня.

— Засекай время!

Женщина одёрнула рукав куртки и включила таймер на часах. Глядя на Рыжего, кивнула головой, и решила поделиться воспоминаниями.

— Я встречала таких, когда отдыха в Таиланде. Местный парень мог нырнуть на десять минут, с учётом активной ловли. Если просто опуститься на дно и замереть — все пятнадцать. Но его готовили с детства, даже прокололи барабанные перепонки, чтобы не испытывал боли во время погружения.

— Я не думаю, что наш парень — Таиландец, — Рыжий саркастично улыбнулся. — Уверен, он простой деревенский пацан, выросший возле пруда и способный задержать дыхание, ну, дай бог, на три минуты.

— Две минуты уже прошли...

— Ставлю литр горючки на пять минут! — крикнул Воздух.

— А я на шесть! — выкрикнул молодой парень в сером гидрокостюме, всё это время ковыряющийся в микроволновке (на вид целой).

— Останусь при своих трёх, — запустив руку в бороду, Рыжий покосился на ноги Богини.

Ус тоже не остался в стороне, — предложил четыре минуты, а Богиня решила переплюнуть всех — она заявила девять минут.

Четыре пары глаз с азартом уставились на женщину, ловя каждое движение её губ.

Прошло три минуты — Рыжий хмыкнул и отошёл в сторону, погружившись в раздумья.

Четыре минуты — Ус с недоверием уставился на Богиню, и уже собирался переспросить её — “точно она следит за временем”, но та неожиданно кинула на него ухмыляющийся взгляд и шёпотом, растягивая каждую букву, проговорила:

— Пять минут!

Воздух, лёжа в лодке, даже не шевельнулся — ему было плевать.

— Шесть минут! Жека, ты проиграл!

— Да пошли вы! У меня всё равно нихера нет! Хотя нет, пять секунд... — он выломал крышку микроволновки, запустил внутрь руку, и достал магнетрон. — ... медь нужна кому, сейчас очень ценный товар! — и засмеялся.

Комната наполнилась общим заливым смехом.

— Это уже интересно, — Рыжий встал позади Богини, вдохнул аромат её волос и, прижавшись к стене, уставился левым глазом, практически параллельно окну, на каяк, покачивающийся на волнах. — Сколько на часах?

— Восемь минут... Твою мать! Всплыл... Не мог он еще минуту побултыхаться?!

Все снова засмеялись, поняв, что никто не угадал.

Растянувшись в довольной улыбке, Рыжий отошел от стены и снова погрузился в раздумья, только теперь в более глубокие, даже позволил себе заглянуть в будущее. Такого он давно не видел. Какие открываются возможности...

— Заткнитесь! — медовый голос девушки сменился кислым вином, — они плывут к нам, нашли вторую машину!

— Ус, — воскликнул Рыжий, — быстро надевай свою “десятку” и “грузовик” и дуй к машине!

— Я? — недовольным тоном протянул Ус, — я уже тебе говорил: у меня воздуха хватит только на обратный путь!

Ус подошёл к углу, где лежало пол дюжины баллонов. Вытащил один из них, посмотрел

на манометр и ткнул в него пальцем.

— Я об этом твержу пол дня: у нас заканчивается воздух, еще пару погружений и всё — тью-тью! Как домой возвращаться будем?

— А нехера было пить! Меньше сжёт бы кислорода! Иди уже, а о возвращении не беспокойся — по очереди пойдём!

— Отставить сраться! — крихтя, Воздух начал поднимать своё накачанное тело на ноги. Лодка шаркала, гудела и пронзительно пищала каждый раз, когда он двигал по ней своей жопой. — У меня еще есть запас в “двенашке”. Но это совсем край!

Ус сложил руки на груди и с ненависть уставился на здоровяка.

— Да ты не ссы, — проговорил Воздух, положив ему свою широкую ладонь на плечо, — пойду я!

Неожиданно, Богиня отскочила от стены как мячик, кинулась к Воздуху и повисла у него на шее.

— Зачем? — спросила она, заглядывая ему в глаза как влюблённая шестнадцатилетняя девчонка.

— Хочется! — улыбаясь и сверкая глазами, ответил он, — А вот чего мне на самом деле не хочется, так это чтоб он переводил наш кислород своей пьяной рожей! — и кивнул в сторону Уса. — Пойдём, поможешь мне.

Подойдя к баллонам, Богиня помогла Воздуху надеть “двенашку”, подала круглую маску, затянула ремни, еще раз всё проверила и хлопнула его по плечу.

Встав в дверном проёме комнаты, мужчина посмотрел на Рыжего, и спросил:

— Босс, как действовать?

Рыжий запустил пальцы в бороду, почесал подбородок. Раздвинул губы и ногтем мизинца начал ковыряться в зубах глядя исподлобья на потолок, где вместо некогда красивого натяжного потолка болтались серый пластиковые лохмотья. Решение давалось непросто...

— У всеми любимой нашей Татьяны свои думы на счёт этого парня, но в ближайшие три дня я не собираюсь посещать “око”, а тем более там задерживаться, и не дай бог — провести хотя бы сутки в этой помойке. Хотелось бы его к нам в команду взять, но боюсь наша мотивация его не обрадует. Короче так: найдёт что полезное — пусть там и останется, навсегда. Не найдёт ничего — тащи его к нам, а мы пока что-нибудь придумаем, — и, посмотрев на Богиню, спросил уже у неё, — Да?

Богиня подошла к стене и аккуратно выглянула из окна. Взглядом поймала лицо взволнованной девушки, сидящей в каяке: та неотрывно смотрела на воду, сильно сжимала весло и сразу становилось понятно, особенно женскому сердцу, — она переживала за мужчину.

— Да! — Богиня что-то придумала, — Придумаем!

— Лады, я всё понял. Крош, — обратился Воздух к женщине, — подай ласты, всё равно там стоишь.

— Держи, и будь аккуратнее, мы не знаем, что он за фрукт!

— Пха-а-а! После меня станет овощем! — протянул руку к поясу, достал нож. Подбросил его и ловко поймал за рукоять, да так, что лезвие теперь смотрело вниз, вдоль запястья.

Женщина страстно поцеловала мужчину в губы.

Воздух вышел из квартиры, надел ласты и, спускаясь вниз по лестнице, растворился в

воде.

Богиня собрала волосы в пучок, окинула взглядом всех присутствующих в комнате и строго произнесла:

— Нужно схватить девчонку!

— Хорошо, — спокойно сказал Рыжий, — хватайте!

Не раздумывая, Ус быстро подошёл к стене, взял подводное ружьё и вставил в него гарпун, взведя поршень. Уже собирался кинуться к окну, но Богиня его резко остановила.

— Куда, дурак! Дай девушкам поговорить, кости мужикам перетереть!

Ус опустил ружьё, попытался скрыть охватившую его злость, но не смог — его лицо говорило само за себя.

— Будь начеку! — Богиня попыталась скинуть градус напряжения, — попробую приманить её поближе.

Подойдя к окну, она застегнула куртку, пряча гидрокостюм, и, краем глаза увидев девушку, неожиданно прошипела сквозь зубы:

— Вот сучка богатая!

Уставившись на Богиню, Рыжий развёл руками, призывая её к ответу.

— Сидит с сигаретой! — женщина эмоционально топнула ногой, брызнув каплями воды на стену, — Убила бы сейчас за сигарету! Так, нужно срочно её сюда затащить! Уверена — у неё есть еще!

Затем Богиня вылезла в окно на половину и начала кричать девушке сидящей в каяке:

— Привет! Ты потерялась?

Та испуганно вскинула голову и начала искать глазами окно, из которого к ней обратились. Увидела женщину, машущую ей рукой, подозрительно оглянулась по сторонам, спрятала зажигалку в карман и протянула руку к тросу, уходящему под воду.

— Я тут! — еще раз обратилась к ней Богиня, — Ты слышишь меня?

— Да! Слышу! Привет! — и убрала сигарету в пачку.

— Что ловишь?

— Ничего! — громко ответила девушка.

— Хочешь гигантского сома поймать на живца? Я видела, как твой мужик с крючок в жопе ныряет! — раздался пронзительный смех.

Девушка улыбнулась, выдохнув из себя смех, но без дыма. Богиня продолжила, пытаясь казаться потерянной, сломленной, ищущей любую помощь:

— Помоги мне, пожалуйста! Я продырявила свою лодку и не могу отсюда выбраться, а как ты понимаешь — в запасе у меня пару дней! Я в долгу не останусь: у меня есть бензин. Немного, но нам хватит!

Девушка молчала. Взяла весло и посмотрела на трос.

— Поможешь? — снова крикнула женщина из окна.

— Я не смогу тебе помочь! У меня нет ничего, чем можно починить твою лодку. А каяк у меня двухместный.

— Ты бросишь меня?

— Нет! Сейчас... — её глаза забегали, а сама она задумалась, ...мужик мой вернётся, и мы поможем тебе!

Поняв, что разговор зашёл в тупик, Богиня взглянула Усу в глаза и молча кивнула.

Мужчина словно сорвался с цепи: грубым движением отстранил женщину от окна, сам вылез в него на половину и, наставив ружьё на девушку в каяке, заорал:

— Эй ты, жаба морская! Быстро подплыла к окну, иначе этот блестящий гарпун будет торчать из твоего затылка!

Каяк дёрнулся и подплыл к дому, прижавшись к стене.

— Я куда тебе сказал подплыть? Сюда плыви! Быстро!

Девушка полезла в карман своего плаща, достала какой-то предмет и скинула его в воду, но сделать это незаметно у неё не получилось.

— Ты начинаешь меня бесить! — Ус покраснел от злости. Алкоголь и адреналин смешались в единую смесь, превратив его в безумца, извергающего яд из фраз и слюней.

— Еще раз поднесёшь руку к своим обноскам — я выстрелю! Сюда плыви!

Остриё гарпуна устрашающе поблёскивало на солнце, нацелившись в прекрасное личико девушки. Деваться было некуда. Куда не глянь — вода. Куда не прыгни — вода. Промажет? Нет! Она была как на ладони — на вытянутой ладони обезумевшего мужика, тянущего к ней свою руку. Пять метров по прямой — маршрут смерти, без надежды на возврат?

Надежда.

Надежда.

Надежда...

Когда она подплыла, Ус и Жека грубо схватились за протянутые к ним руки, а Богиня вцепилась в её волосы, скинув кепку в воду. С силой выдернули из каяка. Грубо затащили в комнату по стене, швырнули на пол. Начали смеяться, увидев её заляпанное лицо грязью. Обступили.

Девушка не стала кричать, звать на помощь или плакать, она спокойно спросила:

— Что вам надо? — посмотрела на окруживших её людей, — У меня ничего нет.

Богиня присела возле девушки на колени и ударила её кулаком в скулу.

— Врунья! — затем встала с колена, замахнулась ногой и мысом кроссовка пнула её в живот.

От боли, девушка поджала руки к животу, завалилась на пол. Протяжный стон вырвался сквозь зубы. Она перевернулась на спину боясь выпустить обидчиков из виду, и, если кто-то попытается её зарезать или еще чего, — вовремя среагировать. Достойного отпора она не даст, но и жизнь свою легко им не подарит.

Вокруг девушки закружилась карусель адского хохота, предрекавшая только муки. Люди, как волки, обнажили свои клыки, начали скалиться, брызгая слюной.

Богиня попыталась ударить девчонку еще раз, но та ловко схватила её за ногу, вцепившись в гидрокостюм. Глаза женщины вспыхнули, смех сменился злым криком.

— А ты непростая! — нога с силой вырвалась из хрупких рук, и снова вернулась, но уже в юное лицо. — Свяжите ей руки, чтоб не распускала лишний раз!

Мужчины быстро заломили несчастной руки за спину и шнурком кроссовка связали запястья.

Богиня встала над ней, изящно изогнувшись, примагнитив к себе глаза Рыжего, и начала ощупывать её плащ, старательно, боясь что-то упустить.

— Ага! — достала из кармана пачку сигарет и зажигалку, — Ты наверно забыла про них? Ну, видишь как хорошо — я напомнила. Если я закурю — ты не будешь против?

Закурив, Богиня пробежалась по всем строгим взглядом, добавила:

— Воздуху про это ни слова! Иначе я всех вас кастрирую! — и выпустила порцию дыма Усу в лицо.

— От тебя вонять будет, как от пепельницы, он сам догадается! — съязвил Ус, чуть посторонившись.

— Воздух! — воскликнул Жека, вглядываясь в коридор, — Воздух вернулся!

— Вот чёрт... — Богиня сделала еще одну тягу и кинула сигарету в угол.

— Один? — спросил Рыжий.

Светя фонарём, Жека ответил:

— Один, но с добычей, ребята! С добычей!

В конце коридора, в дверном проёме, стоял мужчина в круглой маске. В руках он держал две красные канистры.

— Жека, — обратился к нему Рыжий, — помоги Воздуху принести улов.

Парень исчез в коридоре, а Рыжий, накинув маску сострадания, посмотрел на корчившуюся от боли девушку. Медленными движениями начал поглаживать бороду. Чавкнул и сказал:

— Ты прости, но сегодня тебе уже никто не поможет. Жестокий мир — жестокая жизнь. Так и живём. Но это не мы такие плохие, понимаешь! Не мы! Я не виноват, что хочу жрать, дышать, ссать и срать! Это физиология. Моя природа. И моя природа шепчет мне на ухо, что я должен...

— Рыжий! — уста Уса жадно дрожали, обрывая Рыжему умные мысли. — Отдай её мне! Мы уйдём в соседнюю комнату, развлечёмся...

— Заткнись ты! — осадил его Рыжий. — Я сколько раз тебе говорил: мы не такие! Если у тебя горит, не можешь держать себя в руках — проваливай в “око”! Там ты быстро поймает местную селёдку на свою вялую мормышку.

Ус опустил голову, но взгляд жгучей ярости и ненависти бил исподлобья.

— На чём я остановился? — Рыжий снова заглянул в глаза девушки, где к его удивлению отсутствовал какой либо страх. Глубоко задумался и, не закончив прошлую мысль, сменил тему. — Сейчас наш большой друг, по прозвищу “Воздух”, подойдёт и расскажет нам, как он поступил с твоим другом. Я смотрю ты очень смелая, ну-ну. Когда Воздух сдавит твои легкие, и ты засвистишь как надутый до треска презик, тогда я снова загляну в твои глаза. Знай — я буду смотреть, и наслаждаться! — он обернулся к коридору, и гордо прокричал, рассчитывая, что его услышат. — Да, приятель, будем?!

Тишина. Был слышен только скрип ветра цепляющегося за стены. Рыжий посмотрел на Уса с недоумением, получил взаимный ответ и снова повернул голову к коридору, пытаясь хоть что-то там разглядеть.

— Где они? — спросила Богиня.

— Хер знает, что они там возятся. Ус, иди, проверь! Наверно канистры очень тяжёлые, а Жека у нас слабоват, — и нервно засмеялся, но никто не разделил его оптимизма.

— Снова я! — он сильно сжимал ружьё, что даже был слышен скрип кожи. Прищурившись, глянул во тьму, где виднелся кусочек света в конце коридора. — Хрен с вами!

Медленно двинулся вперёд, выставив перед собой гарпун.

Грязная, измученная и избитая девушка, валявшаяся на полу, вдруг начала улыбаться. Вначале совсем чуть-чуть, натянув уголки губ, но уже через мгновение, на её лице были видны обнажившиеся зубы, заляпанные собственной кровью. Раздался смех, напугавший Рыжего и Богиню.

— Что ты смеешься? Совсем рехнулась, дура? — Богиня хотела к ней нагнуться,

попытаться заткнуть, но шум возни, пролетевший сквозь коридор, одёрнул её.

Взгляды обратились к дверному проёму, где из тьмы медленно выплыла голова Уса. Его взгляд стал совсем мутным. Глаза пытались зацепиться хоть за какой-нибудь предмет, но не могли: то бегали из стороны в сторону, то описывали круг. Он крутил головой, словно не понимал где находится. Тонкие пальцы схватились за стену, пытаясь удержать тело.

— Ребята... — все, что он смог выдать из себя.

— Ну что там? — взволнованно спросил Рыжий. — Где твоё ружьё?

Только когда Ус шагнул в комнату, все увидели гарпун, торчавший из его спины.

Солнце ласкало воду, наполняя комнату светом, а солнечные зайчики, раскиданные по комнате наконечником гарпуна, торчавшим из груди мужчины, щипали глаза и заставляли с прищуром лицезреть происходящее.

Пошатываясь, Ус подошёл к пластиковому стулу. Опёрся кровавой пятернёй о белую спинку. Затем тяжело водрузился в него, с трудом хватаясь за подлокотник. Гарпун упёрся в заляпанную кровью спинку стула, не давая мужчине сесть ровно. Он хотел заорать от боли, но сил хватило только на стон. Горячая кровь сорвалась с губ, затекла на подбородок и начала капать на пол, растекаясь кляксой в грязи.

Давно Ус не видел столь стремительного заката. Последние три года, солнце играючи касалось горизонта, словно растягивает удовольствие перед сном. А тут так быстро. С каждым вздохом на улице становилось всё темней и темней. Темнее и темнее. Лёгкое наполнялось кровью — дышать становилось трудней. Силы покидали тело. Начало холодать.

Комната наполнилась пронзительным женским криком, распугав всю рыбу вокруг. Богиня кинулась к канистре, стоявшей у стены, открыла крышку и занесла над собой.

— Ты не получишь ничего, тварь! — процедила она сквозь зубы, обращаясь к человеку вышедшему из тьмы вслед за Усом.

В трёхкомнатной квартире, на четвертом этаже, люди последний раз были года три назад. Там жила обычная семья: мама, папа, сын и дочь. Ели, пили, спали и мечтали. Жили дружно: не ругались. Планы строили на каждый день, думали: как дальше жить. По вечерам собирались вокруг телевизора, ужинали, общались и смеялись — всё как всегда. И так каждый день. По кругу жизнь текла и с проторенной дорожки сходить не собиралась.

Но сопротивляться трёхсотметровой волне, несущейся со скоростью тысяча километров в час, бесполезно. Даже ваша судьба, узнав о надвигающемся “веселье”, просто помашет вам ручкой и отправит вас в свободное плаванье по квартире. Кого пузом упрёт в потолок, а кого и целиком в форточку пропихнёт.

Когда крики смолкнут, а ужас отпечатается кривой маской на обезображенных лицах, судьба молча покинет квартиру, но уходя — оставит дверь открытой, чтобы в пустующее жилище снова жизнь влилась.

Коварная “злодейка” объединила двух людей в единый порыв энергии, боли, злости и обиды. Столкнула лбами, и всё ради чего? Ради жизни! Тривиально? К сожалению, да! Хочется всё скинуть на тяжелые времена, но не выходит — они всегда такими были, есть и будут.

Армейский нож вырвался из тьмы. Пронзил мутную воду, пластиковую маску и был готово ужалить в глаз, но не хватило жалких миллиметров. Зрачок Славы сжался от увиденного блеска на острие металла, а мозг испытал колкое ощущение. Неприятное такое чувство, словно увидел иголку перед глазом: острую, длинную и очень тонкую.

Слава невольно моргнул и оцарапал нижнее веко — так близко смотрел нож. Если бы не его реакция, и не упрись он ногами в нечто прячущееся во тьме, — вражеский клинок выступал бы сейчас в роли венчика, взбалтывающего серое вещество, и тем самым превращая свою жертву в овощ.

Страха не было. Слава испугаться не успел, но успел вовремя ударить ногами и всадить свой нож во вражескую руку, державшую его за шею. Клинок врага отпрянул назад во тьму, а через образовавшуюся прорезь в Славиной маске, потекла ручьём вода пропитанная кровью.

Короткая передышка подарила мысли. Левая ладонь нащупала верёвочку на запястье. Перехватив фонарь, Слава кинул пучок света перед собой. Тьма отступила, растворившись как пенопласт в ацетоне, но её дитя — чёрное тело окружённое пузырями воздуха — ринулось вперед, не обращая внимания на ослепительный свет. Разгоняя мути крови, показалась круглая маска, а под ней — кричащие глаза от боли и гнева.

Нацелившись в висок нападающего, нож Славы начал описывать дугу, рассекая воду, как воздух. Движение было точным и быстрым, но мешало сопротивление воды. Организм требовал кислорода, но, не получая его, — наказывал своего владельца жгучими волнами боли. Секунды потеряны — удар предсказуем.

Мужчина подался вперёд. Рука с кровоточившей раной снова жадно впилась в Славиной шею, блокируя удар ножа.

Отблеск вражеского лезвия сверкнул откуда-то снизу. Ладонь Славы выпустила фонарь, успев перехватить смертельный удар.

Потемнело.

Луч света смотрел в пол, не желая обращать внимания на две людские фигуры,

сцепившиеся между собой.

Славина маска быстро наполнялась водой. С каждой секундой мутная пелена увеличивалась, а сгустки крови, просачивающиеся сквозь отверстие от ножа, только всё усугубляли. Глаза лихорадочно задёргались, стремясь нарисовать последнюю картину в голове, но краски портила жгучая вода. Маска стала врагом, и именно сейчас тот случай — когда стянуть её, практически, не возможно.

Славины пальцы разжались, отпуская нож в свободное плавание. Рука пошла вниз, пытаясь быстро обогнуть руку противника, но не успела. Тот догадался: выпустил Славино шею и впился своими пальцами в его запястье.

Силы были не равны. Ощущалось превосходство врага, но были видны и недостатки: враг дышал, а Слава — нет.

Безысходность пронеслось в Славиной голове, почувствовав, как обе его руки затряслись от бессилия и начали разъезжаться в стороны под гнѐтом вражеского напора. Приняв горизонтальное положение, убийца напирал изо всех сил, помогая себе ластами.

Вжавшись в стену, Слава замер. Глаза щипало. Покалывание в лёгких сменилось жжением. Мозг требовал сопротивляться, а адреналин всё время ему поддакивал; да, хорошая парочка, загнавшая его в угол.

Кислород...

Воздух...

Хотя бы один глоток!

Счѐт шѐл на секунды.

Противник замер, понимая, что Слава долго так не протянет — утонет. Отпустит руку — получит нож в сердце, а вторая рука явно никуда не денется; его пальцы держали её, как тиски. Розовые толстые губы начали растягиваться в подобие улыбки, но картину портил торчащий изо рта загубник, и шланг, уходящий за спину. О нём, кстати, помнил и Слава, впервые увидев лицо в круглой маске.

Работая ластами, Слава начал быстро поджимать ноги к животу, изогнул спину и вмазал коленом противника в челюсть. Под водой всё выглядит иначе. Это не было похоже на удар, да и слово “вмазал” звучит слишком громко. Гидрокостюм чиркнул по щетинистому подбородку, не причинив никакого вреда. Задача была другой — сбить с толку. Выиграть пару секунд, введя противника в замешательство.

Получилось.

Убийца решил, что ноги Славы ему не угроза: “Пусть бултыхает ими, тратит свой кислород”. И ошибся.

Последний рывок — последние силы.

Славины ласты начали развиваться, как флаг на Спасской башне во время ветряной погоды, спина изогнулась ещё сильнее, колени упѐрлись в грудь. Со стороны он стал похож на сжатую пружину до предела. Пружина выстрелила, выкинув обе ноги вперѐд, навстречу убийце.

На мгновение всё вокруг замерло.

Все перестали дышать. Глаза мужчины сжались, предвидя точный удар в лицо.

Вместо ожидаемой боли — нежный порыв воды по загорелой коже.

Убийца открыл глаза. Кинул ошарашенный взгляд на синие ласты, замершие возле его ушей. Затем нервно опустил глаза, почувствовав возникшую тяжесть собственной головы. Увидел свой кислородный шланг, держащий на себе, подобно верѐвке для сушки белья,

синюю пятку. Зло покосился на Славу.

Осознание безысходности...

Впервые, за долгое время, чувство страха окутало сознание убийцы, при виде дутой напыщенной улыбки, вызванной, уж точно, не давлением маски на лицо. Он возжелал увидеть глаза соперника за той самой маской, но они уже скрывались за мутновато-алой ширмой.

Запоздалые мысли никогда не спасали, и попытка сделать глубокий вдох в последний момент не увенчалась успехом.

Нога Славы слетела с плеча, выдернув кислородный шланг из загубника водолаза.

Две фигуры, держащиеся за руки в смертельном танце, скрылись среди тысячи пузырей. Даже толща воды не в силах была сдержать крик отчаяния и страха, вырвавшийся из здоровой чёрной фигуры.

Лихорадочная конвульсия пронзила тело убийцы. Выпустив руку Славы, он попытался схватить шланг, но тот играючи извивался, как уж на сковороде: бил всё вокруг, прятался за спину.

Нож убийцы больше не представлял опасности. Освободив руки, Слава снова прижал ноги к груди и, резко выпрямившись, ударил мужчину в грудь, закинув его обратно в ванну. Быстро перехватил фонарь и, нацелив себе маршрут, оттолкнулся от стены.

Заплыв внутрь почувствовал напор воздуха, скользнувший по лицу. Приятный, прохладный — мягкий поток массажа. Ладони устремились к источнику. Пальцы нащупали извивающийся кусок резины и жадно его сжали. Сдавили сильно-сильно, боясь упустить, ведь именно из этого куска резины наружу вырывалась жизнь.

Славины губы примкнули к шлангу. Рот наполнился вкусом резины, надулись щёки. Воздух потёк в организм, раздувая скукоженные лёгкие. Сознание быстро прояснилось, вернулись силы.

Всё это время, руки утопающего хватались то за Славины ноги, то за руки, то пытались грести, стараясь плыть туда, где можно сделать глоток воздуха. Но тщетно. Если под водой ты поддался панике — твоё сознание парализовано. Теперь ты — жертва.

Насытившись кислородом, Слава прижался к спине бедолаги. Нащупал вентиль на баллоне и, без капли сожаления, его закрыл. Воздух лишним не бывает — может пригодится. Тем более, если вырвется наружу — привлечёт внимание.

Шланг замер. Успокоилась вода.

Улыбнувшись, Слава схватил дёргающуюся из стороны в сторону ладонь утопающего и вложил в неё трубку. Не спас, но дал надежду. Жестокую надежду.

Убийца выплюнул загубник и вставил шланг в рот. Попытался сделать вдох — не получилось. Трясущиеся руки потянулись к собственной шее, думая, что там что-то застряло. Что-то, что мешает дышать. Что-то, что нужно срочно вытащить!

Ногти впились в кожу.

Боль.

Всё тело жгло, глаза полезли из орбит. Окутавшие чувства он испытывал не в первый раз, но судя по всему, в последний. Машина мыслей бешено неслась в голове со скоростью “вся жизнь перед глазами”. Прокол. Лопнуло колесо. Машина дважды перевернулась и вылетела с шоссе, упав на крышу в грязное болото бытия.

Через десять секунд шея утопленника напоминала дверь, в которую скреблась собака целый год. Не выдержав удушья, организм взял вверх над головой; заставил раскрыть рот и

сделать вдох. Алая вода наполнила лёгкие. Мужчина трижды дёрнулся и замер.

Всё прекратилось.

Умолкли крики.

Замерла вода.

Слава забрал маску с трупа, надел её, и сильным выдохом из носа стравил воду. Подобрал армейский нож — на вид надёжный, явно лучше старого. Покинул квартиру через окно и устремился к поверхности. А там, позади, во мраке ванной комнаты, остался “космонавт” парящий в невесомости.

Всплывал он вдоль стены, медленно, готовый в любой момент нырнуть в ближайшую квартиру. Смотрел то на поверхность, то оглядывался по сторонам. Ждал нового удара, но не дождался.

Круглая маска вылезла из воды наполовину. Слава осмотрелся, прислушался. Из квартиры над головой слышны были голоса: тихие, речь не разобрать, видимо шли из коридора или даже дальше.

“Лезть в окно — безумие! — размышлял Слава. — Вдруг ждут! Не меня, так друга своего. Как бы осмотреться? Никак... Нет, нужно действовать хитрее! Появиться в самой гуще событий”.

Высунув полностью голову из воды — выдохнул. Приподнял маску и носом сделал глубокий вдох. Снова нырнул, заплыл в квартиру этажом ниже. Проплыл её насквозь, оглядываясь на тени. Оказавшись на лестничной клетке, встал на ступени и медленно стал подниматься.

Слава боялся. Боялся неизвестности. Боялся за Дашу, поняв насколько всё серьёзно. Как-то тёрся о стену не просто так, да и компас, который он поймал, был жирным намёком. Точно! Компас. Он оставил его на полу! Скорее всего, Даша расстроится из-за столь печального факта, но только если ещё жива!

На лестничной площадке восьмого этажа, вода уже успела успокоиться, после того, как приняла в свои объятия человека. Один ушёл, другой вернулся. Сквозь прозрачную гладь была видна фигура человека медленно поднимающегося по ступеням. Вот он остановился. Осмотрелся. Сделал шаг. Ещё один.

На поверхности появилась голова, затем обнажились плечи, с рук срывались капли, пронзающие поверхность воды как сотни игл. Выставив перед собой нож, Слава полностью вышел из воды, поднялся ещё на пару ступеней, хоть в ластах это и не так просто сделать. Каждый шаг он выверял, шёл аккуратно, подобно восхождению на самую опасную гору, где любая ошибка будет фатальной. Он мог дышать, но не дышал — боялся быть услышанным. Растопырив колени, прошёл пару метров и незаметно прижался к стене у входа в квартиру. Прислушался.

В квартире звучали голоса. Люди шутили, смеялись, орали. Спорили и ругались. Намерения их были не понятны. Слава пытался их сосчитать, но они друг друга постоянно перебивали: мужчина, мужчина, женщина, ещё мужчина. Снова раздался залиvistый смех. А потом раздался женский стон. Стонала Даша.

Слава оцепенел. Он, конечно, обрадовался, что она жива, но и сильно разозлился. Внутри вспыхнул огонь. Желание ворваться и всех убить превалировало над остальными. В глазах потемнело от злости, но, скрипя зубами, разум взял своё. Глубоко дыша, пришло успокоение. Слава взял себя в руки и продолжил слушать, придумывая план.

Фантазия играла серыми красками, но, в очередной раз, услышав Дашу, мысли

окрасились яркими цветами. Добавились тона невероятного безумия, которое может спасти всю ситуацию, или всех убить, загубить весь план и оставить тут навсегда, дожидаться “волну”.

Кто не рискует, тот не пьёт вискарь по вечерам...

Вернулся тихо в воду. Быстро гребя ластами, погрузился на четвёртый этаж. Заплыл в ту самую квартиру, где пять минут назад чуть не погиб. В коридоре уже плавала мелкая рыбёха (стервятники слетелись на ужин) и, даже когда Слава включил фонарь, их разогнать не получилось.

Заплыл в ванную комнату и увидел, как стая окуней обглаживает лицо бедняги, а его глазницы, судя по всему, уже давно были пусты. Вместо губ — мясные лоскуты. Во рту, между белыми зубами, виднелся рыбий хвост. В шее зияла дырка. Вот так, в наше время, человек может быстро обратиться едой. Круговорот еды в природы, где люди стали полноценным звеном, со всеми вытекающими.

Извинившись перед несчастным, Слава стянул с него жилетку с баллоном и надел на себя. Подобрал лежащий в коридоре компас. Хотел поменяться ластами, но чужие оказались на пару размеров больше. Взял две канистры и вернулся к квартире, где мучили Дашу.

Держа канистры в руках, неловко, боясь всё испортить, двинулся к коридору. Встал в проходе. Ему, наконец, удалось увидеть говоривших. Не всех. Комнату, где всё происходило, разглядеть полностью было нельзя, только часть, но и в этой части мелькали две мужские фигуры. Слава прищурился. Начал дёргать руками, пытаясь привлечь внимание красными канистрами, подобно заградительному освещению на высотках. И, однозначно, у него всё получилось: луч света вырвался из комнаты, осветив Славин силуэт.

Худощавый мужчина, в чёрном гидрокостюме и серой куртке, встал, растянулся в радостной улыбке, и начал что-то громко говорить, а за ним, в тот же миг, пролетел окурок. Затем развёл руки, явно желая кинуться в тёплые объятия, и двинулся на встречу.

— Воздух! Мы тебя заждались, — донёсся до Славы голос, — смотрю, порыбачил ты знатно!

Сделав шаг назад, Слава вышел из коридора и вжался в стену, пропав из поля зрения. Поставил канистры на пол, взял нож, скрыв лезвие вдоль запястья. Замер.

Сердце рвалось наружу. Стуки барабанили в висках, эхом разносясь внутри маски. Ещё чуть-чуть и всё стекло покроется испариной от напряжения.

Парень вышел спокойным, особо не разглядывая стоявшего перед ним “приятеля”. Всё его внимание было обращено на две ярко-красные канистры, ждущие его возле ног Славы.

— Вот это да, — протянул парень, — сколько тут, литров двадцать? Две недели можно жить спокойно, — и криво усмехнулся, словно никогда и не умел смеяться по настоящему — местный мальчик для битья.

Слава замешкался. Рука сжимала нож, но только и всего. Ударить он не решался.

— Давай тебе помогу, — нагнувшись, произнёс парень, забирая одну из канистр. Ахнул, почувствовав её вес и медленно начал выпрямляться, фыркая себе под нос и пряча за ухо чёрные локоны волос. Его глаза скользили по костюму Славы. Замерли, увидев кисти рук, перчатки. Удивлённо хмыкнув, резко выпрямился. И медленно, не веря своему разуму, спросил:

— Воздух? — его голубые глаза встретились с глазами Славы. Он прищурился. Губы застыли на полуслове, как и время. Капля пота пробежала через всё лицо, растворившись в уголке губ. Парень обо всем догадался. Можно было только представить, что сейчас

твориться в его голове. Дрожащим подбородком он произнёс: — Ты не Возд... — но, договорить не смог. Лезвие армейского ножа, которое он видел не раз и которое он сам подарил своему другу, вошло снизу, в нижнюю челюсть, пробило язык, как нежное рыбье филе, и погрузилось в мозг. От удара челюсти сомкнулись, но кровь успела залить весь подбородок парню. Глаза продолжали цепляться за Славу, но, уже без какого либо смысла, злости и замешательства. Перед ними раскрыла двери пустота.

Ноги паренька подкосились, но Слава успел подхватить его за подмышки, оставив нож в голове. Без какой-либо возни и шума, медленно, таща тело на себе, скрылся с ним, уйдя под воду.

В квартире, этажом ниже, в самой тёмной комнате, в самом тёмном углу, среди обшарпанных стен и груды мусора, Слава отпустил паренька в его последний путь. Обыскивать тело не стал: забрал только нож. Уже свой, собственный нож.

Слава вовремя вернулся. Спрятавшись в соседней квартире, услышал возбуждённую речь. Люди между собой громко спорили, делали сложный выбор. И, видимо, выбор сделали, но с этим кто-то был не согласен. И именно тот самый кто-то, медленно, хлюпая обовью, двинулся к Славе, к выходу на лестничный пролёт.

Хлюпанье становилось громче, ближе, но с расчётом. Человек в коридоре явно не питал иллюзий на благоприятный исход и, видимо, что-то заподозрил (глупо было надеется, что пропажу двух людей не заметят). Такого надо было решать быстро, без промедления.

Слава нервно поглядывал из-за стены на вход в соседнюю квартиру, где находилась Даша. Успел снять маску, ласты. Баллон с жилеткой пристроить по соседству. Взять в руки нож. С противоположной стороны, у стены, стояли две канистры. На них и был расчёт. Фонарь, что был у паренька в руках, Слава разместил в углу, направив свет на вход в квартиру.

Задумавшись, Слава поймал себя на мысли, что сейчас выступает в роли “рыбака” — хитрого убийцы, ловящего на наживку. Чем сейчас он отличался от него? Идеей? Да, может. Но с другой стороны, почему бы подонков не ловить в их собственные сети? Опасно — можно втянуться и потерять ту грань между злодеем и героем. Но кем он был сейчас?

Наконечник гарпуна, показавшийся из прохода, прервал глубокие раздумья.

Слава пригнулся, рассчитывая полностью скрыться в тени. Наружу вышел мужчина: высокий, шуплый, с длинными закрученными усами.

— Эй, парни! Вы где?! Что за бляха шулки у вас такие! Нахер вы там фонарь поставили, не видно ж нихера! — он выставил ладонь перед лицом, закрыв глаза от яркого света фонаря. — Ау!!! — эхом пронеслось по коридорам.

Прищурившись, он всё осмотрел, заметил красные канистры, но не заметил Славу, вставшего во весь рост и практически подкравшегося к его спине вплотную. Мужчина замер. И вдруг резко развернулся, ударив ружьём Славу в бок. Усатый вовремя заметил тень человека, выросшую из ниоткуда на стене, и быстро среагировал.

Левой рукой Слава схватился за ружьё, а правой быстро ударил мужчину в грудь. Нож чиркнул по рёбрам, но в сердце не попал.

То ли шок, то ли адреналин, но дырка в груди на него никак не повлияла. Молча, не произнеся ни звука, усатый выпустил ружьё и, что есть сил, ударил Славу в грудь двумя руками, оттолкнув того на метр. Нырнул обратно в коридор и побежал обратно в комнату, к своим друзьям.

Перехватив ружьё двумя руками, Слава быстро прицелился и выстрелил.

Мужчина не дошёл до комнаты всего пару шагов. Острая боль пронзила его спину, грудь. Дыхание перехватило, а потом и вовсе сбилось. Каждый вдох — боль. Каждый выдох — боль. Навалилась усталость. Ноги затряслись. Он не думал сейчас о случившемся, он просто хотел попасть в комнату, присесть на стул. Передохнуть часок-другой.

Картинка поплыла перед глазами, затылок ощущал тяжёлый взгляд. Мужчине стало страшно. Хотел позвать на помощь, но выдавить сумел лишь:

— Ребята...

— Ну что там? — спросил мужской взволнованный голос. — Где твоё ружьё?

Спрятавшись за усатым, Слава внимательно разглядывал подонков, стоявших возле Даши: не вооружены, напуганы, повергнуты в смятение. Скорее всего, уже не представляли никакой опасности: могли лишь глупость отмочить какую-нибудь, тем самым навредив несчастной на полу. Риск минимален.

— Иди, — прошептал Слава на ухо мужчине, почувствовав его агонию предсмертного бессилия. Тот двинулся вперед, на центр комнаты, где его ждал стул.

Когда он сел, Слава шагнул в комнату, и сразу убедился в том, что был прав! Глупость не заставила себя долго ждать.

Комната наполнилась пронзительным женским криком, распугав вокруг всю рыбу. Женщина, с пучком волос на голове, в красивой куртке и дорогом гидрокостюме, схватила канистру с пола, встала над Дашей, открыла крышку и занесла её над головой.

— Ты не получишь ничего, тварь! — процедила она сквозь зубы, и, уже сойдя на истеричный крик, добавила: — Что ты сделал с Воздухом? Почему у тебя его нож?!

Правда её явно не обрадует. Нужно тянуть время, попробовать сгладить углы у сломанного стола. Нужен диалог.

— Я заберу девушку, и мы уйдём, — спокойно, не двигаясь, и без резких движений, произнёс Слава. Медленно поднял руку с ножом и лезвием указал на Дашу, в другой руке сжимал ружьё, незаряженное. — Я обещаю: в этой комнате никто не пострадает.

— Не пострадает? — с сарказмом выкрикнула женщина, — Не пострадает?! Я так не думаю! — и начала щедро выплёскивать на себя содержимое канистры, обильно заливая девушку у ног.

Послышался запах бензина.

Стоявший рядом с ней рыжебородый мужчина отпрянул и удивлённо произнёс:

— Ты что, рехнулась?

По лицу женщины стекали капли бензина и улетали на пол, но, приглядевшись, Слава понял — это были слёзы. Сжав зубы, она произнесла:

— Еще раз спрашиваю: где Воздух?

“Везде!” — хотел ответить Слава, но промолчал. Ответил по-другому: — Он там, в комнате.

— В какой?

— В ванной комнате. Под водой.

— Он жив? Отвечай!

— Я не знаю, я не врач. Но боюсь, что человек без кислорода минут двадцать не протянет.

Женщина протянула руку, в ладони которой сверкнула зажигалка Антиквара. Пальцем откинула крышку и прикоснулась к колёсику, приготовившись в любой момент им чиркнуть.

“Вот зараза! — скрипнул голос у Славы в голове. — Хороший подарок: дорогой,

ценный, может даже жизнь спасти!”

— Послушайте, — произнёс Слава, положив ружьё у ног, и вложив нож в ножны, — из этой комнаты живыми все не выйдут, если продолжим усугублять ситуацию.

Вытянул перед собой руки, показывая, что он безопасен и не собирается никому причинять вреда. Медленно продолжил:

— Что сделано, то сделано. Мы не первые начали, но я могу закончить. Я — свободный охотник, но не охочусь на людей, как вы. Моя добыча — остатки прошлой жизни. И даже эти крошки, я не вырываю из мёртвых рук.

— За кого ты нас принимаешь? — видимо, собрав яйца в кулак, спросил рыжебородый. — Мы не убийцы! Убивать вас никто не хотел, вы... ты нужен нам живым!

Неожиданно Даша засмеялась.

— Рыжий! — крикнула женщина на рыжебородого. — Что ты с ним треплешься?! Прикончи его!

— Помолчи! — и косо на неё взглянул. Затем свой взгляд скосил на Славу. — Что ты нашёл сегодня? Покажи, и, возможно, мы договоримся и разойдёмся с миром. А в лучшем случае — уйдём отсюда вместе!

Женщина вся тряслась, готовая спалить себя и Дашу заживо. Всё зашло слишком далеко. Жизнь Даши висела на волоске, и риску больше места нет. Придётся показать улов, авось и повезёт — договоримся.

Молча, Слава вышел из комнаты, а вернувшись, с двумя канистрами в руках, увидел гарпун, нацеленный ему в лицо.

Охваченный похмельным бредом, Слава быстро проваливался в тревожный сон.

Везде вода. Куда не глянь — одна вода. С горизонта, на встречу, ветер гонит волны, рвёт гребни на миллионы капель и тут же обращает их в противных мух. Они жужжат, окутывают Славу, пытаются залезть в глаза. Он закрывает веки. Делает глубокий вдох.

Разбег.

Прыжок.

Глаза опять открыты. В полёте смотрит на себя, кидает взгляд на ноги, затем на белый мост, висящий позади.

Хлопок. Взлетели брызги мух, но Славу уже не достать — он под водой.

Тишина и жар стремительно окутывают его лицо, грудь, пытаются сдавить живот. Перед глазами мелькают руки. Его руки, ладони, пальцы. Он фокусирует на них свой взгляд, желая погрузиться в осознанное сновидение — полностью контролировать свой сон. Через секунду сознание проснулось, он больше не был марионеткой своих грёз. Сработало, а как иначе — ведь так учил нас Карлос Кастанеда.

Видимость нулевая — пришлось включить фонарь, но даже его сил не хватает. Там, вдалеке, закручиваясь в спираль, потоки тьмы формировали бесконечный космос. Не раздумывая, он целенаправленно плывёт вперёд. Преисполненный уверенности, знающий, что там, на дне, под одеялом черноты, среди остовов жилых зданий, больниц, аптек и магазинов, его кто-то ждёт. Человек? Животное? Существо? Этого не ведал он еще.

Руки и ноги работают на износ — гребут, но скорость не растёт. Нужно быстрее, иначе воздуха не хватит. Еще. Еще. Гребёт еще быстрее — не помогает. Мышцы не горят, и даже не болят. Возможно, всему виной боязнь неопределённости, но Слава не рассматривает столь неуместный факт. Ему не страшно — его кошмары здесь не живут. Цель — вот, что его ведёт, но суть её пока что не раскрыта.

Мысленно он понимает — уже близок. Фонарь бессмысленно кружит. Вдруг, кто-то или что-то, под ним зашевелилось. Не разобрать; песчаная буря срывается со дна и хлещет Славу по лицу, вгрызается в глаза. Он укрывается руками. Испытывает давление воды.

Через мгновение всё проходит. Ладонь нащупывает фонарь, свисающий с запястья, хватает и начинает вспарывать им тьму. Взмах-взмах, еще один. Он победил. Завеса пала.

Чёрный гигантский спинной плавник успел мелькнуть в потоке света.

Акула? Большая белая? Но откуда?

Раздвинув в стороны свисающие лоскуты воды, он устремился дальше — к цели. Протягивает руки и смотрит только на плавник, боясь заглядывать в глаза животного, узревшего его приход.

Слава приближался, и в тоже время — нет. Может, плавник так быстро удалялся? Последовал рывок, за ним еще одни. Казалось, вот-вот ладонь коснётся чёрной кожи и цель, закинувшая его в столь удалённый водоём, раскроет свою суть; покажет, на что затрачены все силы.

В последний миг он успевает зацепиться. Скрипя зубами, подтягивает тело и хочет оседлать неумолимое создание, но получает удар в челюсть. Затем еще один. Еще. На шее смыкаются десятки щупалец. И давят, давят, давят. Возникший приступ кашля сжигает весь кислород. Он давиться. Глокает воду носом.

И быстро утопает.

Всё тело сгнуло в пожаре мук. Язык повис. Глаза ослепли. Лишь разум, верный друг, тянул сознание наружу.

Вдруг вспышка боли пошла от паха вверх. Вонзилась в мозг, заставив разомкнуть глаза, и, сделав чёртов вдох, он проорал: “Акула!”

Очнувшись, как дитя буквально после родов, Слава с трудом собрал картинку перед носом. Радоваться или огорчаться — поначалу он не мог понять. Но был в одном уверен точно: глубинный монстр сгинул с глаз, сменившись юной девой, и именно она была причиной той дикой боли.

Её губы, глаза и нос засели сразу в голове у Славы. Может, она и не идеальна, но красоты такой давно он не встречал.

Девушка что-то бормотала, затем кричала, снова сменяла гнев на милость, но Славе было уже всё равно, о чём она с ним говорила — он вновь обрёл цель в жизни.

И вот сейчас, заглядывая в покрасневшие от боли, от обиды и усталости глаза Даши, Слава не мог позволить себе снова потерять цель в жизни. Он подчинился требованию рыжебородого, понимая, что так будет хоть какой-то шанс спастись.

Вернувшись с двумя канистрами, увидел в руках мужчины подводное ружьё, взведённое гарпуном и нацеленное ему в лицо. Слава не удивился, не испугался. Он знал, что так и будет.

По центру комнаты, на стуле, сидел щупловатый парень и истекал кровью. Голова смотрела в потолок, безжизненно висели руки. Зайдя первый раз в комнату, Слава заметил, что сидеть на стуле ровно ему мешал гарпун, торчавший из спины. Теперь гарпун был там, где надо.

— Поставь канистры у стены! — приказал рыжебородый, демонстративно вскидывая ружьё.

Слава подчинился: поставил канистры и обратно встал в дверях. Вопросительно перекидывая взгляд с женщины на мужчину, он ждал, когда они снова заведут с ним разговор, прогоняя в голове возможные исходы сегодняшнего дня:

“Резких движений допускать нельзя. Может первым завести с ними любезный разговор — нет, женщина совсем отчаялась, наглость может нас сгубить. Сейчас любой в этой комнате стоит на пороховой бочке. Щелчок, треск, мышинный писк (хотя откуда ему взяться) и мы горим. Устроить торг или попробовать договориться — тоже не подходит: могут не поверить, да это им и не нужно. С угрозами рот лучше вообще не раскрывать. Люди настроены серьёзно, в глазах читается отчаяние, злость и месть. Но это в глазах женщины, что у мужчины на уме — не разобрать — очки мешают, да и опасности он не представлял. Надо выждать. Время потянуть. Рискнуть и снова подчиниться. Понимает ли это Даша? Или планирует сейчас выкинуть какую-нибудь глупость? Подкинет нам сюрприз? Надеюсь, нет! Как жаль, что я так плохо её знаю. Пожалуйста, не поднимайся — я сделаю всё сам!”

Даше было сейчас не до глубоких размышлений, и не до философского определения сложившейся ситуации, но что-то в её красивой голове зрело. Оперевшись одной рукой о пол, она приподнялась, но ноги продолжали беспомощно лежать в грязи. Растрёпанные волосы облепили лоб, губа разбита, нос кровоточит. От подбородка до щеки тянулся грязный след ботинка.

— Рыжий, чего ты ждёшь?! — кричала женщина, демонстративно сверкая зажигалкой в своих пальцах. — Убей эту мразь!

— Да подожди ты! Он нам нужен. И убери ты эту зажигалку, не тряси ей перед моим лицом!

— Он нам нужен?! — смесь злости и сарказма сочилась сквозь женские зубы. — Ты рехнулся? Если ты не выстрелишь — я подожгу...

— Чего вам надо? — влез Слава, не допустив продолжения столь тупикового сюжета. Людей охваченных огнём он не планировал сегодня видеть.

— Ты пойдёшь с нами! — серьёзно заявил бандит. Он держался молодцом. Не боялся. Полностью отдавал себе отчёт в происходящем. У него был план, но женщина ему мешала, отвлекала. Скорее всего, сейчас он мечтал, чтобы она заткнулась.

— Никуда он с нами не пойдёт! — никак она не унималась.

— Заткнись! — не выдержав, сорвался он на неё.

— Ты можешь просто выстрелить в него, — она рыдала, — забрать канистры, и... — слезы смешивались с бензином, затекали в рот — ...попробовать найти Воздуха...

Сжав губы, мужчина замычал, а Слава снова вставил свои пять копеек.

— Отпустите девушку, и я пойду, куда вы захотите...

— А у тебя нет другого выбора! — оборвав мычание, съязвил мужчина.

— Выбор есть всегда, — спокойно заметил Слава.

— Да? И какой?

Сюжет хорош, его оставить — однозначно!

— Я могу ответить тебе: “нет!” Затем убить тебя, её, и спокойно удалиться, забрав девушку, канистры и ружьё.

От услышанной наглости, челюсти рыжего чуть разомкнулись. Перехватил уверенней ружьё. Гарпун нацелил в наглое лицо.

— Но не буду, — добавил Слава, двигая голову в бок, но это было лишним: ружьё стояло на предохранителе, а рычажок переключения валялся где-то в коридоре, ранее отломанный ножом.

Всё, что сейчас Славу волновало — зажигалка. Она висела над Дашей, как лезвие гильотины над головой. Одно неверное движение, взгляд, кинутый не так, и, в один миг, языки пламени оближут всё вокруг. Он ждал момент — сигнал к началу действий.

— Куда мы поплывём? — спросил Слава.

— Ты, тварь, никуда с нами не поплывёшь! — вновь влезла баба в разговор.

— Успокойся! — процедил мужчина, чуть повернув голову в бок, к женщине. — Мы отвезём его к Татьяне. Думаешь, она станет с ним церемониться? Устроит тёплый приём? Накормит, напоит и спать уложит?

— Про “напоит” можно поподробнее? — Слава вздёрнул брови и всем видом изобразил интерес. Неподдельный.

— Он еще и издевается! Стреляй! — и снова завертела зажигалкой.

— Ты можешь прекратить размахивать зажигалкой возле моего лица? Я же тебя просил. Ты нервируешь меня! — и медленно, проговаривая каждую букву, сказал ей: — Убери её и успокойся.

Залитая вся бензином, обозлённая на весь мир, она не желала верить в происходящее, но слова напарника, по-видимому, смогли достучаться до её рассудка. Испепеляющим взглядом он пробежалась по Славе, и, задрав гордо голову, убрала зажигалку в карман куртки. Нагнувшись, схватила Дашу за волосы и уже собиралась вновь что-то крикнуть...

“Пора! — сработал триггер у Славы в голове. — До рыжего метра два — успех

вырубить”.

Он уже готов был сделать первый шаг на встречу, как вдруг услышал пронзительный крик Даши. Замер, не понимая из-за чего. Подумал — вдруг нож у горла, но, кинув на неё взгляд, понял — она совершает глупость, которую, ой как не надо было совершать.

Закричав, Даша неожиданно вскочила, как оживший опоссум, ударила своим затылком негодяйку в нос и отскочила в сторону.

Все растерялись.

Слава сделал шаг вперёд, не опасаясь гарпуна. Рыжий в ответ нажал на спусковой крючок.

Еще нажал — не жмётся.

Не раздумывая швырнул ружьё в сторону наглеца, рассчитывая попортить тому рожу, но он, зараза, увернулся.

Ружьё пролетело мимо, ударилось об стену и, упав на пол, выстрелило. Гарпун пронзил насквозь ближайшую канистру и вошёл на половину во вторую. На пол начал вытекать бензин.

Слава удивился не меньше рыжего, но только на мгновение. Секунды замешательства прошли. Вынув нож, хотел уже прыгнуть на врага, но вдруг опять замешкался, увидев краем глаза взмывший в воздух дымящийся окурок.

Стоя у окна, закрыв лицо руками, стонала женщина. Сквозь пальцы просачивалась кровь. Она шаталась. Затем облокотилась о подоконник и даже не увидела, как Даша, откатившись в сторону, с завязанными руками за спиной, губами подобрала окурок, сделала две тяги и плюнула его к ногам своей мученицы.

Женщина вспыхнула как факел.

Стоны превратились в крик. Гидрокостюм, объятый пламенем, начал быстро плавиться, болезненно въедаясь в кожу. По комнате пронёсся вопль ужаса. Она засуетилась, закрутилась, выставила руки и начала трястись. Огонь схватился за лицо, запахло жжёными волосами. Каждый вдох отправлял в её лёгкие порцию гари и раскалённого воздуха.

Большие зелёные глаза больше не видели. Уши ничего не слышали. Всё тело превратилось в пульсирующий ком боли. Сделала рывок вперед, надеясь вывалиться в окно, но вместо этого ударилась головой о стену. Отлетела в сторону. Споткнулась. Упала в угол, накрыв собой лежавшие там баллоны.

Всё это время Слава, Даша и рыжий смотрели молча, не зная, как помочь, а кто-то и вовсе не хотел. Но увидев, как пламя поджигает под собой баллоны, все вдруг засуетились. О бедной женщине никто не думал, все мысли были — как спастись.

Всё произошло в одну секунду, или две — короче, очень быстро.

Рыжий подскочил к вопящей женщине и протянул к ней руку. Слава подумал, что он хочет ей помочь, даже переключил своё внимание на Дашу, но нет — тот негодяй выхватил ближайший баллон и побежал к окну. Слава двинулся за ним, но из горящего угла послышалось шипение. В агонии женщина так сильно колотила руками, что сумела сбить регулятор на баллоне. Воздух вырвался, как струя из реактивного двигателя, превратив баллон в горящее ядро, а женщину в обуглившийся кусок мяса. Снаряд размазал голову усатому мужчине, ударился о стену, и срикошетил в две пластиковые канистры, соединённые по центру гарпуном. Лицо Славы, забрызганное кровью сидящего на стуле бедолаги, вдруг исказилось злостью.

За секунду до этого Даша ловко вскочила на ноги и, как леопард, рванула наперез

рыжему. Ударила его своим плечом и, отскочив, шлёпнулась на подоконник. Спина выпянула из окна и Даша резко замерла. Глаза скосились в бок. Увидев воду под собой, от страха сжалась, но кое-как руками оттолкнулась, приняв вертикальное положение.

Рыжебородый ударился о внутреннюю часть оконной рамы головой, отпрянул к Даше, и, завалившись на неё, но, продолжая сжимать баллон руками, практически выпихнул её в окно. Она успела сгруппироваться, попыталась ногами уцепиться хоть за что-то, но все её попытки были тщетны.

В этот момент раздался взрыв.

В каком углу зародилась энергия, способная уничтожить всё вокруг, никто не успел понять, да это было и неважно.

Хлопок.

В одно мгновение жар испарил всю влагу в комнате. В ушах раздался звон. Яркий свет ослепил.

Боль...

Удар взрывной волны выкинул Дашу вместе с рыжим из окна, и добавил сил для полёта в даль на пару метров.

Облако огня схватило Славу за грудки, протащило через весь коридор, вытащило на лестничный пролёт и швырнуло в стену. Ударившись, он отскочил в воду. Преодолеть расстояние в десять метров меньше чем за секунду, а затем шмякнуться об стену и не отключиться — невозможно.

Слава отключился.

Стены этого подъезда видали многое: подростков пьющих пиво, людей курящих по ночам, ссоры, драки, надписи, признания в любви, и даже, как кто-то постоянно гадил в угол, но чтоб летали — никогда. Удар об стену был настолько сильным, что даже остатки штукатурки обвалились в воду. Хотя по правде — слегка подуй на эти стены и всё обвалиться само. А значит и летающий мужчина не получил особых повреждений. Пустяк — ушиб.

Слава включился.

Прохладная вода чуть сгладила боль от ожогов.

Сделал вдох, но вместо кислорода в рот затекла вода, в гортани появилось жжение. Выдавлив из себя остатки воздуха с водой, быстро всплыл. Лицо горело. Разум плыл. Спасибо, что глаза остались целы.

“Даша? — мелькнуло в голове. — Где Даша?”

Сколько был без сознания — не понимал, но судя по тому, что глубоко не погрузился — не больше десяти секунд.

Подплыл к ступеням.

Голова болит, рукой нащупал шишку на затылке. Перед глазами всё плывёт. Тошнит. С трудом сделал первый шаг и чуть не завалился в воду. Хотел схватиться за перила, но их нет — сгнили.

Всё тело содрогнулось, живот скрутило, спазм выстрелил из желудка до самой глотки. Слава не стал сопротивляться. Кусочки кошачьего корма, серая жидкость и смесь, похожая на стухшее новогоднее оливье, вырвались наружу и окатили ближайшую ступень.

Привкус кислятины и алкоголя заставил Славу еще раз опорожнить желудок.

Глаза уставились на глянцевый бульон у ног. Он видит в нём своё кривое отражение. Видит недельную щетину, шрамы, красные глаза. Ему противно от самого себя. И снова под

черепом скребут воспоминания о Даше.

Спотыкаясь, вскарабкался на этаж. Пошёл быстрее. Ускорился.

Поскальзывается на тушке рыбы впавшей в сон, его кидает в бок, к стене. Подставил плечо — ударился, но устоял. Опять ускорился, перешёл на бег, думая только об одном — где Даша?

Вбежал в квартиру, где ранее оставил свои вещи, схватил маску на бегу, пронёсся молнией по коридору, влетел в большую комнату и, со всего маху, сиганул в окно. Сгруппировался. Руки вытянул вперед, сложил ладони наконечником стрелы. Вошёл красиво, аккуратно, практически без брызг.

Гребя ногами, напялил маску на лицо и вытравил всю воду. Жаль, не были надеты ласты, но были необычные перчатки, способные, конечно не полностью, но отчасти их заменить. Прозрачные перепонки между пальцев раздувались подобно парусу, каждый раз, когда он делал рывок рукой, и быстро сдувались — стоило лишь пальцы сжать в кулак. Если бы у Славы были такие же ласты — по скорости он смог бы плавать, вполне возможно, как дельфин.

“Ну, где же ты? — ругался Слава, но не понятно на кого. Конечно, он винил себя в произошедшем, но и его новая подруга дала всем прикурить. — Покажись! Пожалуйста, покажись!”

Под двадцатиметровым слоем прозрачной, как икра ахатина, воды, в паре десятков шагов от ближайшего подъезда, на детской площадке, среди ржавых кузовов машин, Слава разглядел фигуру человека. Сразу не понять — кто это, надо плыть и как можно быстрее.

Очередные десять метров остались позади. Еще рывок — она.

Даша лежала неподвижно. Не сопротивлялась, не дёргалась в агонии удушья. Распростёрлась на спине, поджав ноги. Руки за спиной. Её волосы развивались над лицом, приподнятые невидимым течением воды, а вокруг уже снуют стайки мелкой рыбы.

Подплыв, Слава схватил её за плечи и притянул к себе. Голова как на шарнирах, глаза закрыты. Ножом разрезал путы на её руках. Встряхнул — не отвечает.

“Что же делать? — лихорадочно думал он. — Думай! Думай!”

Взглянул наверх: всплывать без ласт, держа под мышкой тело человека, гребя одной рукой — самоубийство для обоих. Придётся рисковать, а как иначе! Пальцами одной руки зажал ей нос, другой сдавил щеки так, что губы вытянулись в трубочку. Снял маску и прижался к ней. Со стороны могло показаться, что они слились в страстном поцелуе, но это было не так. Слава начал вгонять в лёгкие Даши свой воздух, себе оставив только на подъём.

Закончив, прижал свою ладонь к её лицу, зажав тем самым нос и губы. Затем три раза, конечно не со всей силой, но и ничуть касаясь, ударил её в грудь.

Не помогло.

Слава разозлился. Готов был заорать и что есть силы ударить кулаком в жижу под ногами, но, в последний момент, всю свою энергию перенаправил Дарье в грудь.

“Ну! Давай! — орал он про себя. — Живи! Умоляю!”

Его молитвы были услышаны. Даша дёрнулась, пошевелилась.

Без маски перед глазами всё выглядело мутным, серым, но Слава точно разглядел, что её глаза открылись. Он попытался улыбнуться, но его лицо болезненно стянулось под пальцами женских рук. Ногти впились в щёки, в губы, чуть не выдавили глаз. Если бы он не зажал ей рот, она уже давно бы израсходовала весь воздух, пытаясь откашляться водой, попавшей в легкие во время вдоха.

Слава встряхнул Дашу, затем еще раз. Она вроде успокоилась, завертела головой, уже чуть более адекватно реагируя на происходящее. Нащупала ладонью руку Славы, и попыталась её убрать со своего лица — ненавязчиво, показывая, что всё понимает. В ответ кивнул ей головой, переместил руку на её талию и, оттолкнувшись от земли, гребя другой рукой, поплыл к поверхности. Даша, как могла, помогала.

На полпути почувствовал, как пальцы Даши впиваются, готовые порвать костюм. Ей не хватало кислорода. Она задёргала ногами, потом руками, словно её ужалила медуза, и непрерывно продолжала жалить: еще, еще, еще.

“Терпи! Терпи! Еще рывок... и еще... — у Славы кружилась голова, его опят тошнило, но он не мог себе позволить сдаться, когда между жизнью и смертью остались какие-то жалкие десять метров”.

В округе, сквозь все дома, сквозь все квартиры, пронёсся жуткий шум, чем-то похожий на звук вентиляционной шахты метрополитена всасывающей воздух. Но рядом не было метро. И поездов давно тут не видали. А если бы и ехал мимо, то пассажиры бы пришли в восторг, увидев, как два человека выныривают из воды, распахивают рты, и извергают дикий ор, глотая жадно воздух.

Стуча зубами то ли от холода, то ли от адреналина, то ли от шока, Даша медленно проговорила:

— Я нас спасла?

— Да, ты нас спасла! — ответил Слава. — Ты молодец! Ладно, поплыли быстрее к дому, тебя надо согреть.

Каяк покоился под окнами той роковой квартиры.

— Что произошло? — снова спросила Даша. — Я помню только вспышку, потом удар и ледяная темнота...

— Ну, всё так и было, — пока гребли, Слава на неё поглядывал с непривычным для себя восторгом. Он испытывал искреннюю радость, что она жива, а также ощущал вкус её губ, кислятины, и алкоголя. — Тебе нужно срочно сменить одежду. Твоя “капуста” чуть тебя не погубила.

— Это всё, что у меня есть! И кстати, где тот рыжий?

Они завертели головами, но, не увидев ничего примечательного, продолжили плыть к дому.

— Утонул?

— Да кто его знает. Может и утонул, а может, и нет. Но баллон он успел вытащить из пожара... — Слава быстро заткнулся, не желая Дашу возвращать в столь неприятные воспоминания.

— Ах да, — протянула она, — я же спалила ту ведьму. Но она первая начала! Ты представляешь, ударила меня сапогом по лицу. Как еще зубы на месте остались, — она ладонью прикоснулась к своему лицу, проверяя — всё ли на месте.

— Приплыли. Давай, хватайся за каяк.

Слава поднял глаза.

Перед ними зияло окно выгоревшей дочерна квартиры. Человеку с фантазией могло прийти на ум лёгкое сравнение — чёрная квартира Малевича. Теперь залезать туда смысла не было никакого. Там ничего нет, только прожжённый запах смерти.

Он встретился глазами с Дашей. Она смотрела на него, как на спасителя, как на героя, но он так не считал.

— Нам надо попасть в соседнюю квартиру. Разжечь огонь и высушить твои вещи.

— У тебя есть чем разжигать? Я зажигалку потеряла.

Слава сжал губы и помотал головой. Ни спичек, ни огнива у Славы не было. Да и острой нужды в них до зимы, как правило, не возникало.

Выместив всю злость ударом ладонью по воде, Слава окинул взглядом всё вокруг. В паре метров от себя заметил плавающий кусок чёрной кожи.

— Я сейчас, — интригуяще сказал он Даше.

Кусок кожи оказался частью куртки, точнее — правой стороной, где уцелела после взрыва молния, карман, рукав, а также несколько женских пальцев на обуглившейся ладони. Запустив руку в карман, нашёл ту самую зажигалку, подаренную Даше Антикваром.

— У меня есть чем разжечь! — радостно воскликнул Слава.

Подплыв к Даше, он передал ей зажигалку, та улыбнулась. Запустив руки в своё посадочное место на каяке, начал там шарить, что-то искать. Достал зачитанные до дыр два журнала — для взрослых, где изображены были красивые молоденькие девушки с обнажёнными, как спелый сочный фрукт, грудями.

— Не смотри так на меня! — чуть не краснея, буркнул Слава. — Они для дела! Согреют нас.

— Надеюсь в буквальном смысле? — спросила Даша усмехнувшись.

— Сама решай...

Подплыв к соседней квартире, Слава закинул в окно журналы и попробовал руками дотянуться до подоконника — не получилось.

Кинул взгляд на Дашу и сказал:

— Придётся проплыть квартиру под водой. Без ласт я не смогу запрыгнуть на подоконник, да и ты в квартиру иным способом попасть не сможешь.

— Что это? — Даша удивлённо кинула свой взгляд в конец дома.

Слава обернулся, пригляделся. Там, где-то вдалеке — в конце дома — вода бурлила, замирала, затем опять бурлила.

— Рыжий? — спросила Даша и уточнила: — Они его так звали — рыжебородого мужчину.

— Рыжий, кто еще. Без ласт и маски далеко не уплывёт!

— Да и пусть себе плывёт, он нам зачем?

— Нет, он мне нужен! Надо торопиться... — подплыл к Даше, взял её за руку. — Запоминай: делаешь глубокий вдох, затем медленно выдыхаешь.

— Поняла!

— Так делаешь три раза. На четвёртый набираешь полную грудь воздуха, — не щёки раздуваешь, а именно грудь.

— Как на твоих журналах?

— Да, именно так! Готова?

— Готова!

Поравнявшись с квартирой, где на полу валялись пошлые журналы, и где лежало всё снаряжение Славы, они сделали глубокий вдох и скрылись под водой.

Глава 12

Даша закрыла глаза. Сильно-сильно, как маленькая девочка боявшаяся увидеть перед собой что-то страшное. Боялась испугаться любой вещи озарённой светом фонаря. Боялась каждой стены, давящей изо всех сил на её хрупкое тело. Открой она хоть один глаз и все её кошмары разом накинута на незащищённую девочку. Залезут в глаза, уши, рот. Парализуют мозг и сожрут весь кислород в лёгких.

Она сопротивлялась страху, даже когда холодные пальцы воды впились в лицо, залезли под одежду и сквозь кожу, пытались дотянуться до сердца. Ещё чуть-чуть и всё вокруг замрёт. Умрёт, навсегда став рабом пустоты.

Но сегодня страху не суждено одолеть Дашу. В одну секунду холод проиграл, уступив место жару. Густой лавой жар потёк по пальцам руки, наполнил жилы, и быстро добрался до самого сердца. Внутри прозвучал взрыв. Всевозможные эмоции хлынули сферой тепла, окутав целиком Дашу.

Она продолжала сжимать веки, но теперь её лицо разгладилось и обрело улыбку.

Перед тем как нырнуть, Слава снял перчатку. Затем протянул обнажившуюся ладонь Даше. В ответ она протянула свою. Его пронзительный взгляд был способен разорвать любой страх на мелкие кусочки, но маячащая впереди неизвестность сковывала Дашино сердце.

Она боялась нырять. Боялась помещений, из которых нельзя будет выбраться, если паника сомкнёт свои тяжёлые кандалы на запястьях. Боялась стен, гнавших в тупик. Боялась проплыть каких-то жалких десять метров, воображая их бесконечным километром, уходящим за горизонт. Боялась остаться в этой квартире навсегда.

И вот сейчас, проплыв кухню, коридор, прихожую, заплыв на лестничную клетку, и, ощутив, как их тела начали всплывать, неизвестность обратилась в маршрут. Сердце застучало быстрее. Она пыталась вспомнить, когда последний раз испытывала схожие ощущения (держа кого-то за ладонь), но всплывшие воспоминания причинили боль — это был папа. Каждый раз, когда он протягивал ей руку — по её телу разбегались волны радости, голубое небо стряхивало с себя серые тучи, а под подорожником, закрывшим разбитое колено, ссадина больше не ныла.

Набравшись смелости, и, не имея понятия, сколько ещё осталось плыть до поверхности, Даша открыла глаза.

Слава почувствовал, как Дашины пальцы с силой сжали его ладонь. Испугавшись, он быстро кинул на неё взгляд, но опасения были напрасны. На её лице не было ни страха, ни боли, ни злости, зато во взгляде отчётливо читалась уверенность, ощущалась сила. Он удивлялся её мужеству и задал себе вопрос: как, столь хрупкая девушка, успевшая за последние три часа испытать боли и унижений больше, чем он за весь прошедший год, осталась непоколебимой, не просилась домой? Её дух можно было сравнить с раскалённым лезвием, ожидающим, когда его достанут из печи и охладят в масле. Она ждала закалки... Или она уже давно её прошла, став острым ножом?

Как только Дашины губы полностью показались над водой, она широко раскрыла рот и сделала вдох. Глубокий, сладкий вдох. Затем ещё раз, но уже не так жадно. По стенам пробежалось глухое эхо, свернуло в самую дальнюю квартиру и умолкло.

— У меня получилось! — ладонью стряхивая с лица капли воды, произнесла Даша.

— Быстрее! Надо торопиться.

Слава с силой тянул за собой Дашу, не выпуская её руки. Быстро подплыли к лестнице. Хлюпая обувью, поднялись на этаж. Второпях приблизились к квартире.

Он первым зашёл в коридор, оставив Дашу у порога. Отдёргнул руку, наклонился. Молча, небрежно, и очень быстро, начал перекладывать вещи, валявшиеся в углу. Даша хотела узнать про канистры, баллон, спросить про новый нож, выглядывающий из его ножен, поинтересоваться про одну столь важную для неё вещь, как он вдруг вскочил. Держа в руке ласты, нервно заглянул в её глаза и произнёс:

— Раздевайся...

Она моментально отрезвела. Стало зябко, по телу пробежали мурашки. Сквозь барабанившие зубы смогла лишь коротко спросить:

— Что?

— Что-что? Раздевайся, я говорю! — шагнув, Слава встал возле Даши, запустил свою ладонь в карман её плаща. Она округлила глаза, но ничего предпринимать не стала, ограничилась осуждающим взглядом. Слава достал зажигалку и нежно приложил холодный металл к её распухшей щеке. Девушка дёрнулась, зажмурилась.

— Ай-й-й-й, — сорвалось с женских губ. — Больно!

— Будет синяк! Потерпи, до свадьбы заживёт.

— Ага, заживёт, — она перехватила зажигалку и продолжила вопросительно на него смотреть. Не выдержав и двух секунд, спросила: — Ты мне расскажешь, что произошло? Зачем ты им был нужен?

— Я это и пытаюсь выяснить, — резко ответил Слава, — На кухне разожги костёр...

— Может еще и ужин приготовить? — Славины глаза дали понять, что сарказму сейчас не место. Шмыгнув носом, она решительно спросила: — Ты что-нибудь нашёл? Что было в тех канистрах?

— А как ты думаешь? — резко кинул Слава, но затем смягчил тон. — Оно самое и было...

— Ну, мы еще найдём! Тут полно домов, квартир. Пару часов в запасе есть...

— Да, только в моих запасах кое-чего больше нет.

— И чего же?

— Сил! Я выдохся... Устал, понимаешь! Я устал. Я не могу непрерывно нырять, выныривать, снова нырять и снова выныривать, лишь для того, чтобы глотнуть воздуха. У меня кружится голова. В конце концов, мне надо пожрать.

— Давай отдохнём! Сколько тебе надо: час, два?

Не отвечая, Слава запихнул под мышку ласты, взял маску и, повернувшись спиной к Даше, быстро зашагал по коридору на кухню. Даша двинулась следом, внимательно его слушая.

— Сними мокрую одежду, погрейся. Если заболеешь или, не дай бог, воспаление лёгких схватишь, где я тебя лечить буду?

Мокрая одежда её волновала меньше всего. Сейчас она думала только об одном — что у Славы на уме. Он говорит, что силы закончились, но при этом куда-то рвётся.

— Куда ты собрался?

— Рыжий может уйти.

— Ну и пусть уходит. Нам он зачем? Ты забыл, для чего мы сюда приплыли?

Они зашли на кухню.

Последние пару лет, хозяйка квартиры явно где-то сачковала, позабыв уже, где прячутся совок с веником. На полу валялись Славины журналы, ранее заброшенные через окно, битая посуда и коврик, через дыры которого можно было увидеть чёрную керамическую плитку. Холодильник, лежавший у стены, распахнул свои ржавые дверцы и издавал тошнотворный запах тухлой воды. А у противоположной стены, смотря двумя ногами в потолок, примостился стол. Со стен, кудрями, свисали лоскуты обоев. Слава оторвал один и протянул Даше.

— Успели высохнуть, — начал Слава, стараясь уйти от неудобного разговора. — Начни с журналов, затем нарви...

— Ну куда ты идёшь? — не унималась Даша. — Бог с этим бензином, давай попробуем найти хотя бы эти свечи! Помнишь, что Антиквар нам сказал?

— Помню!

— Я видела в коридоре баллон, давай я тебе помогу. Мы обследуем все квартиры, перевернём всю мебель, залезем в каждый шкаф, прошерстим все углы — что-нибудь да найдём!

— Успокойся! Через пять минут я вернусь, не один. Я уверен, у Рыжего будет что нам предложить. И это будет лучше, чем дюжина литров бензина и десяток свечей.

Он лукавил. Рыжий ему был нужен совсем для другого, но чтобы успокоить разволновавшуюся женщину, пришлось, как всегда, схитрить.

— Возьми журналы и разожги...

— Я знаю что делать! — нервно, показывая всем своим видом недовольство, стянула с себя плащ, смяла его в ком и швырнула в угол. Огляделась, примечая цель. И мысом ботинка врезала по ножке стола. Мелкая щепка взмыла в воздух, а появившиеся бруски упали возле Славиных ног.

Удобно разместившись на подоконнике, Слава надел ласты, натянул маску и хотел уже махнуть рукой на прощанье, как вдруг она спросила его, но не так как всегда, а искренне, с надеждой:

— Когда ты его приведёшь — всё закончится? Мы вернёмся в башню? Я тоже очень устала...

Спрыгнув на пол, Слава подошёл к ней. В его глазах она прочла усталость, пустоту. Да и что скрывать — она сама уже давно перестала излучать оптимизм.

— Честно — я не знаю. Но зато я нашёл твой “сигнал”, и мы точно, рано или поздно, сможем вернуться домой.

Она радостно вздёрнула брови. Из кармана гидрокостюма Слава вынул компас.

— Держи! — перехватив компас за верёвочку, Слава протянул руку и разжал пальцы. Она ловко схватила зелёную коробочку. Просияв от радости, повесила компас на шею.

— Спасибо! — и, чуть улыбнувшись, добавила: — Я смотрю, он нам помог.

— Отчасти. Ладно, мне пора, а ты пока...

— Не переживай, я в состоянии о себе позаботиться! Ты сам там, смотри, поаккуратнее.

Стоя на подоконнике, он подмигнул ей и выпрыгнул в окно, приняв позу “рыбки”. В последний момент она прильнула к окну, и, пока Славин силуэт не растворился, она неотрывно смотрела на воду.

Поискав место для костра, наметила менее захламлённый угол возле окна. Ботинком вычистила из него всю грязь. Прежде чем разорвать журнал на куски, решила его пролистать. Красочные картинки замелькали перед глазами, а вместе с ними и мысли. Даша

сразу не поняла — нравится ей или нет. Пошло, мерзко, но это было всё так естественно — это природа, от неё никуда не убежишь. Озноб пробежался по телу, но не от приятных мыслей, а из-за мокрой одежды. Даша встряхнула головой и порвала источник эротических мыслей.

Наполнив угол мятыми страничками журнала, приступила к очистке стен.

Обои отходили легко, отрывались большими кусками. Как ни странно, но данный процесс доставлял удовольствие. Даже когда обрывки уже мешались под ногами, Даша не думала прекращать. Рвала и рвала. От души! Остановилась, только когда стены целиком обнажились до бетона.

Огонь от зажигалки быстро накинудся на странички, также быстро окутал их целиком, и также быстро начал угасать, прося добавки. Порвав обои на более мелкие лоскуты, Даша постепенно начал подкидывать их в огонь. Женские ладони окутало приятное тепло. На лице заиграл зеленовато-синий отблеск разгорающегося пламени.

Повалил густой белый дым. Он лениво растекался по потолку, уплывал в коридор и больно покусывал глаза Даши. От боли она сжимала веки и чувствовала, как слезы текут по щекам.

Влажные части стола полетели в огонь. Дыма стало еще больше, но уже через пару минут пламя восторжествовало. Тепло ощущалось явственнее.

Положив дырявый коврик возле костра, встала на него и начала раздеваться. Стянула кофту, джинсы (под ними были еще одни джинсы). Аккуратно складывая вещи, кидала их к ногам. Рядом встали ботинки.

Собрав волосы в хвост, завязала их узлом на затылке.

Стоя в мокрой белой майке и не менее мокрых, местами рваных, синих джинсах, крест-накрест сложила руки на груди, схватилась ладонями за плечи и начала крутиться возле огня. Медленно, чтобы не закружилась голова.

Дрожь отступила, успев напоследок с силой её встряхнуть. Вещи быстро сохли, пуская пар. Запах тёплой влаги, по-домашнему, щекотал нос. Даше стало как-то уютно. Сейчас не хватало только чашки чая и белого лабрадора, решившего принести хозяину тапки.

Поёжившись, прижалась щекой к плечу. Закрыв глаза, начала что-то тихо нащёптывать, затем напевать. Послышался знакомый мотив, способный любого вернуть в детство. Незаметно Даша провалилась в воспоминания, и не открыв она глаза, и не посмотри на часы, — так бы там и осталась.

Время. Она ругала себя за то, что не засекала время. Сколько она так стояла? Минут пять, десять, или целую вечность? Вдруг они не вернуться? Засуетилась, забежала глазами по кухне, выглянула в окно. Лёгкая паника вывела её босиком в коридор. Замерев, вслушалась — тихо, только ветер гудел в соседских квартирах, смотрящих на юг. Решила вернуться на кухню, как вдруг услышала бульканье, прилетевшее с лестничной клетки.

Тревога усилилась. Переживания давили в спину, подталкивая к входу в квартиру, но страх намертво приковал ноги к полу.

“Он вернётся! — строго настрого сказала себе Даша. — По-другому и быть не может!”

Бульканье повторилось.

Переборов страхи, Даша двинулась на звук. Успела сделать пару шагов, как вдруг замерла. Всплеск воды эхом отразился от стен, как в малом бассейне. Послышалась мужская брань. Сквозь глубокие вдохи, ругался Рыжий. Ругался как-то по детски, пытаясь свою вину переложить на других.

— Иди уже! — Даша узнала Слава голос. Улыбнувшись, вернулась на кухню. Быстро подкинула в огонь пару обрывков обоев, сверху положила большую часть ножики стола. Хотела надеть кофту, но та еще не просохла. Кинула взгляд в угол и выругалась. Достав мокрый скомканный плащ (кстати, на его бирке красовались две большие латинские буквы: DG. Даша нашла его в одной из квартир небоскрёба), распрямила и накинула на плечи, оставив рукава болтаться пустыми.

Присмотревшись, увидела, как Слава, угрожая ножом, заставил Рыжего в прихожей снять баллон.

— Убийцы! Фашисты! — истерил Рыжий, шагая по коридору. Слава шёл следом. — Чего вам от меня надо?!

От удивления, Даша готова была разразиться смехом. Убийцы — мы? Ха! Но задумавшись, улыбка сползла с её губ.

Рыжебородый шагнул на кухню. Вперился в Дашу, и даже когда Слава толкнул его в спину, он продолжал пристально на неё смотреть. Даша прочитала в его глазах неподдельный страх.

— Скажи ему! — взмолился Рыжий, обращаясь к ней.

— Что сказать?

— Что я не трогал тебя, а наоборот — отгонял от тебя этих стервятников!

Даша хотела уже открыть рот, но Слава её опередил:

— Повернись лицом к стене и встань на колени.

— Зачем? Что ты хочешь со мной сделать?

— Я еще не решил, но вначале хочу допросить, — и еще раз, напористее, толкнул его в спину, приближая к стене.

— Прекрати ты свои игры! Отпусти меня! У меня есть деньги — я заплачу, сколько скажешь!

Переглянувшись, Слава с Дашей громко рассмеялись.

— Долларами или еврикима будешь расплачиваться? — с явной издёвкой спросила Даша.

Где-то в глубине своей души, она испытывала удовольствие при виде страха и безысходности на лице Рыжего. Буквально час назад она сама побывала в его шкуре и прекрасно понимала — как это. Как это — когда не знаешь, что с тобой будет через минуту. Как это — когда отчаяние и холод гонят твой разум куда-то вдаль, освобождая место страхам. Ты уже не ты. Ты — грязный ошмёток безысходности, отчаянно молящийся о спасении.

Устав от бесплодных разговоров, Слава повернул Рыжего лицом к стене и толкнул.

— Садись!

Рыжий был непоколебим, но когда холодное острие ножа ласкает твою шею — хочешь, не хочешь, а подчинишься. Дрожа, как хвост окунышка заметившего щуку, сел на колени.

— Руки за спину, — приказал Слава. Затем перевёл взгляд на Дашу и спросил: — Есть верёвка или какая-нибудь проволока?

— Есть, — и достала из кармана плаща чёрный шнурок, то ли от ботинка, то ли от кроссовки — Даша уже не помнила.

Крепко связав Рыжему руки, что даже его ладони побелели, Слава подошёл к Даше и протянул нож, рукояткой вперёд.

— На вот, возьми нож, — “нож” прозвучало гораздо громче остальных слов, видимо,

желая развеять иллюзию побега у некоторых граждан. — Я пойду, пожрать принесу.

Даша прикоснулась к тёмно-оранжевой бакелитовой рукояти и ощутила жар в теле. Это был жар уверенности. Жар возбуждения. Жар силы, достаточной, чтобы склонить к твоим ногам любого врага.

Забрав нож, кинула презрительный взгляд на пленника. Слава прошёл мимо, вскочил на подоконник. Даша не смотрела ему вслед, услышала всплеск воды и стала ждать, крепко сжимая нож.

Она размышляла:

“Если он дёрнется, побежит на меня — смогу ли я ударить? — и сразу сама себе ответила: — Смогу! Ведь когда-то уже смогла. И почему я до сих пор не завела себе такой нож?”

Через пару минут Слава вернулся, держа в руках две консервные банки. Он принёс тушёнку. Чувство голода сотрясло Дашу. Её ноги слегка подкосились. Закружилась голова. Рот наполнился слюной.

Она приняли из его рук не только банки, но и дружескую улыбку. Он был более мягок, стал добрее. Видимо, успокоился, собрав все свои проблемы в одной комнате. Точнее — на кухне.

— Я могу тебе их доверить?

— Конечно!

— Разогрей нашу еду, пожалуйста, а я пока пойду, еще кое-что заберу.

И, уйдя по-английски, растворился в конце коридора.

Слава покинул квартиру, оставив Дашу один на один с Рыжим. Конечно, преимущество на её стороне — острый нож против связанных рук за спиной. Да и куда ему деваться с подводной лодки — вокруг вода простиралась до самого горизонта, а через пару дней “волна”, как крышка гроба из цельного дуба, накроет весь город. Даша могла стать тем самым гвоздём для Рыжего, но не хотела.

Она ставит увесистые консервные банки на пол возле своих ног.

Если стоять, прижимая их к груди — будет не удобно отбиваться ножом от агрессивно настроенного мужика, пытающегося тебя убить. Конечно, эти банки можно будет кинуть ему в лицо, но ведь можно и промахнуться. Нет, пусть лучше постоит у ног.

Даша пристально смотрит бородатому в висок. Сжимает нож. Большим пальцем медленно водит по рукояти, мысленно настраивая себя на то, что всё будет хорошо — сегодня больше никто не умрёт. Рукоять еще не успела нагреться и стать липкой от пота. Сжимать её приятно. Чувствуется сила и уверенность даруемая этим предметом.

Даша ощущает приток энергии так же явственно, как тепло за спиной.

Маленький костерок, в котором догорают обои, страницы из пошлого журнала и куски стола, своим химическим шипением просил добавки.

Не выпуская Рыжего из поле зрения, Даша начинает собирать с пола остатки обоев. Доламывает стол, помогая себе ножом. Пробует скovyрнуть сохранившийся подоконник, но вовремя понимает, что это пластик, и где-то, в глубине души, прокликает всех жильцов этого дома, решивших установить у себя стеклопакет, а не оставить старые советские окна.

Швыряет всё в костёр.

Скомканная страница пошлого журнала смотрит на Дашу с мокрого пола. Медленно впитывая воду набухает, начинает распрямляться. Двигает валяющиеся вокруг обои. Те обои двигают другие, а те, другие, двигают еще другие, заставляя бумажный ковёр шевелиться. Всё это напоминает труп уличной кошки, шкура которой ходит волнами из-за тысячи опарышей, пожирающих её изнутри.

Даша это замечает.

Присаживается рядом.

Протягивает руку.

Поднимает скомканный листок, и, от возникшего вдруг любопытства, распрямляет. На глянцевої странице, испещрённой не одним десятком мелких изломов и загибов, отчётливо читается пикантный заголовок:

“Я отсосала у него под водой!”

А мне сделали искусственное дыхание под водой, с ухмылкой на лице вспоминает Даша, обрести жизнь куда приятнее! Затем листок принимает форму бейсбольного меча и отправляется в огонь.

Отпраздновав точное попадание, Даша начинает высматривает новые пикантные подробности на полу, но замечает, как кустистая рыжая борода, похожая на старый советский веник, медленно поворачивается в её сторону. Прозрачные бусинки срываются с веника и падают на пол.

Кап.

Кап.

Кап.

Рыжий хлопает глазами, дергает ртом. На лбу блестят капли. То ли пот, то ли всё те же прозрачные бусинки, успевшие накапать целую лужу под его ногами.

И как она могла забыть, что она не одна. Сразу же представила, как он ухмыльнулся, увидев в её руках неприличный листок. Срамота...

Да пусть думает, что хочет! Я тут главная! И громко шмыгнула носом.

Как же тут воняет...

Запах тухлой воды вырывался из холодильника и смешивался с горячим запахом жжёной смолы, которой обильно пропитывали изделия из ДСП. Запах детства — спичкой поджигаем пластилин и вдыхаем обжигающий аромат. Даша сделал ещё один глубокий вдох, чтобы наверняка погрузиться в детство, но что-то не получилось.

Закинув в пламя очередной обрывок ушедшей эпохи, она внимательно наблюдает, как спиралька чёрного дыма вырывается из языка пламени и коптит стену. Подкладывает ещё кусок, и новая спираль рисует свой узор на бетонном холсте. Когда костёр догорит, неизвестный художник успеет изрисовать всю стену своими чёрными мазками, даря возможность погрузиться в столь недалёкие времена, когда можно было наслаждаться живописью в любой квартире.

Рыжий что-то промычал. Испугавшись, Даша резко дёрнулась, выставив перед собой нож.

Как глупо. Стоило ей отвлечься на пару секунд, и уже любой шорох мог напугать. Она разозлилась на саму себя, но больше всего её разозлила улыбка Рыжего, выступившая сквозь густые заросли на загорелом лице. Вроде, он ей даже подмигнул.

Его потрескавшиеся губы, с отслоившейся тонкой кожей, как обрывок целлофана, шелохнулись. Он что-то ей сказал, но Даша не обращает внимание. Она мнит себя глухонемой — так проще. Она это знает, потому что уже сталкивалась с подобным. Только заговори с ним, и он сразу определит по твоей интонации в каком эмоциональном состоянии ты прибываешь. Страх, злость, возбуждение, ненависть — всё это с легкостью отразится на твоём языке, если ты начнёшь им неумело дёргать.

Даша взглянула на нож и подумала, как жаль, что он не может говорить вместо неё.

Рыжий продолжил говорить, прося Дашу ослабить верёвки. Он уже не мог шевелить пальцами. Испытывал болезненные ощущения и умолял её, хоть как-то облегчить его муки.

Она посмотрела на него, провела пальцами по вздувшейся щеке и холодно заулыбалась.

Намёк более чем понятный. Стиснув зубы, Рыжий опустил голову. Обиделся, как избалованное дитя.

Когда подкидывать в костёр больше ничего не осталась, Даша решила, что пришло время разогреть еду.

Вытащила решётку из холодильника, положила на костёр. Взяв банку, упёрла кончик лезвия в её борт и ударила ладонью по рукоятке ножа.

Раздался глухой звук.

Даша заметила, как дёрнулся Рыжий. Боится. Неизвестность его пугала. Ещё бы, как тут не испугаться, когда ты стоишь на коленях, со связанными руками за спиной. Всех твоих друзей убили, а самого тебя поймали, как мелкую рыбёшку.

Открыв вторую банку, Даша поставила их на решётку. Ногой поддела болтающуюся дверцу холодильника и с грохотом её захлопнула. Рыжий снова дёрнулся, покосился на Дашу и обнаружил, что она сидит возле него на дверце холодильника.

— Отпусти меня, — прохрипел он.

Не-а, подумала Даша, никуда я тебя не отпущу. Сейчас Слава вернётся, и ты всё нам расскажешь.

Когда жир в банках закипел, на кухню влетел Слава.

Даша обрадовалась, как маленькая девочка, спрыгнула с холодильника и заулыбалась. Славино лицо по-прежнему выражало пустоту, усталость. Только теперь усталость была куда заметней. Его грудь тяжело вздымалась и также тяжело опускалась.

Учуяв аромат мяса, Слава закрыл глаза и глубоко вдохнул.

Женская ладонь указывала в угол.

Увидев две почерневшие от копоти банки, Слава довольно кивнул. Ну хоть как-то получилось нарисовать на его лице улыбку, обрадовалась про себя Даша.

— На, держи, — буркнул он, протягивая ей бутылку воды.

Достал ложку из кармана и тоже ей протянул. Но самое любопытное он держал под мышкой. Что-то крупное, скрученное как коврик.

— Что это? — спросила Даша.

Довольным тоном он ответил:

— Твой гидрокостюм.

— Мой? И где ты его взял?

— Купил! — и прошёл мимо.

Возле стены, где ранее валялся стол, Слава расстелил Дашин гидрокостюм, как стелют коврики питомцам. Вытащил банки из огня. Кряхтя, стараясь ничего не уронить, уселся с краю “коврика”.

— Ну, что встала? — устало протянул Слава, — Садись! — и вмазал пятернёй по костюму, приглашая её сесть.

— Свято место пусто не бывает! — задёрнув подол плаща, Даша плюхнулась рядом. Облокотилась о стену и разом выдохнула из себя всю усталость, накопившуюся за день.

Стянув одну перчатку, Слава протянул её Даше.

— Зачем? — спросила она.

— Чтобы есть, — и ладонью, на которой была надета перчатка, взялся за раскалённую банку.

Попросил вернуть его нож, но Даша в ответ протянула ему ложку.

— Ешь ложкой, ты заслужил!

Они смачно начали поглощать горячую, пропитанную жиром тушёнку. Её запах сводил с ума, скрючивал живот и заставлял рот наполняться слюной. Куски рвались под собственным весом и падали обратно в банку, разбрызгивая жир. Друзья чавкали. Облизывали жирные губы. Изредка поглядывали друг на друга. Улыбались, демонстрируя застрявшие куски мяса между зубов.

Проживав очередной ломоть мяса, Слава зычно рыгнул, затем быстро извинился и сказал:

— Всё не ешь, оставь жир!

— Зачем?

— Скоро узнаешь.

Не выдержав сводящего с ума запаха пищи и бредовых разговоров, Рыжий сел на задницу и повернулся к жрущим.

Они замерли, удивившись его смелости. Или наглости. Или может он просто решил с

ними поделиться чем-то важным?

Возле Дашиных губ застыло лезвие ножа с нанизанным куском блестящего мяса.

— Приятного аппетита, — сказал Рыжий.

— Спасибо, — сказала Даша.

— Ты хоть представляешь себе, — продолжил он, — скольких людей отправил на тот свет этот нож? Сколько литров крови он хлебнул? Сколько порвал сухожилий, глоток и сердец?

Красивое женское лицо вдруг стало напоминать тряпку, брошенную в углу. Даша поперхнулась. Выронила нож и начала громко кашлять. Полетели слюни, ругать, брань.

Слава вовремя успел выхватить из её рук банку и поставить на пол. Рядом примостил свою и начал хлопать Дашу по спине.

— А я ведь тебя просил вернуть мне этот нож, — сквозь глухие шлепки, голос Славы был еле слышан.

Бух.

Бух.

Рыжий громко засмеялся. И с каждым новым шлепком, его смех становился громче.

Бух.

Бух.

Глаза Даши налились кровью. Слезы струились по щекам. Попробовала что-то произнести, но хрипота и кашель всё заглушили.

Слава ударил ещё, но сильнее.

Бах.

Она откашлялась в кулак. Успокоившись, начал тяжело дышать.

— Воды...

— Держи.

Сделав глоток, вытерла слёзы и уставилась на Рыжего, продолжающего кататься по полу от смеха. Её глаза горели. На лице и шее выступили жирные пульсирующие вены.

Психанув, она вскочила на ноги, и уже собиралась кинуться на бородатого с кулаками, но вдруг ощутила, как неведомая сила схватила её за рукав плаща и потянула обратно на коврик.

— Не обращай внимание, — спокойно произнёс Слава, — это просто вещь. Тоже самое он мог сказать и про эту ложку. Всё равно, мы точно никогда не узнаем — скольких людей он лишил жизни. Да и вообще, он мог просто тебя разыграть. Да, Рыжий?

— Развяжи мне руки! — Рыжему стало как-то не до смеха.

— Успеется...

— Хотя бы ослабь верёвку! Я не чувствую кисти рук!

— Ослаблю, если начнёшь говорить.

— Начну.

— Начинай.

— Ослабь верёвку, прошу же! — он повернулся на бок и лёг на живот, показывая свои белёсые ладони. Его борода прижалась к полу и, как губка, начала впитывать воду.

— Ладно! — поднимаясь на ноги, сказал Слава. — Я тебя развяжу...

— Ты что! — прохрипел женский голос, — Вдруг убежит?

Издав резкий гортанный звук, Слава встал возле окна. Окинул взглядом горизонт. Перевалив через подоконник, уставился на своё отражение. Подмигнул сам себе, улыбнулся.

Глянул на небо — ни единого облачка. Вода, что сверкала бликами солнца, тихо шуршала, касаясь стен дома. Набрав полную грудь свежего морского воздуха, Слава саркастично спросил:

— Куда?

Даша спорить не стала.

Запустив лезвие под шнурок, связывающий руки Рыжего, Слава резко дёрнул нож на себя. Онемевшие ладони отпружинили друг от друга. Пленник завыл в экстазе облегчения, сел на попу и прислонился к стене. Чуть застонал, попробовав размять пальцы.

Увидев, как Слава рвёт шнурок, Даша сдвинула брови, выпучила глаза и прохрипела:

— Ты зачем испортил мой шнурок?

— Не люблю развязывать узлы.

— А что еще...

— Ладно-ладно, я найду тебе другой шнурок! Договорились?

Он снова стал грубоват. Нужно просто помолчать. Сесть обратно на “коврик”, и пусть он сам решает свои вопросы.

— Скажи мне Рыжий... — начал Слава, но не договорил.

— Слушай, так обращаться ко мне могут только друзья...

— У тебя больше нет друзей. Теперь мы твои друзья. И он, — Слава направил нож в лицо Рыжему. — Так что я имею полное право тебя так называть, Рыжий.

Фыркнув, пленник махнул рукой.

Слава понимающе кивнул головой и продолжил:

— Зачем я нужен Татьяне?

— А зачем мужчины нужны женщинам? Всё просто — она тебя хочет, — и улыбнувшись, добавил: — Не в буквальном смысле, конечно же.

— А в каком же? — спросила Даша.

— Ну, я имею ввиду, что она хочет владеть им как вещью. Как собакой, кошкой, мышкой, оружием или как этим ножом, — бородатый уставился на Славу и, с неподдельным уважением, продолжил, — Мужик, ты — легенда! О тебе все говорят, особенно после того случая с машиной, когда ты рассказал людям где можно найти годовой запас алкоголя. Но желающих оказалось так много, что и на неделю не хватило. Жаль, как жаль! И чтобы такого впредь больше не повторилось, она решила тебя монополизировать. Как — я не знаю. Нам было велено тебя поймать и доставить живым. Обязательно живым!

— Чушь какая-то, — возмутилась Даша, — он человек, а не вещь! Что она собралась с ним делать?

— Я не знаю! Нам было всё равно. Скажу по правде, мы до последнего не верили в его способности. Восемь минут под водой — круто! Мы бензин тратим, чтобы заправить баллоны, а всё что ему надо — на коврике посидеть. Свежим воздухом подышать.

— А как вы узнали, что мы тут появимся? — Даша подошла к своим ботинкам. Взяв один, запустила в него руку. Высохли.

Рыжий ухмыльнулся.

— Точно мы не были уверены: получится или нет. Но как видишь — получилось. Снарядили всем необходимым Вована и отправили его в башню. Он сказал, что знает, как тебя найти.

Разминая пальцы, Рыжий продолжал смотреть на Славу. Без злости, без ненависти, но с каким-то безразличием. Цель он упустил, задание провалил. Перед ним теперь стояло

полупрозрачное стекло, за которым трудно было разглядеть свободу. Мотнув головой, он вдруг воскликнул:

— Вот старый прохиндей! Я был уверен, что у него ни хера не выйдет. Признайся — он заманил тебя горами из спелых овощей? Картой сокровищ?

Даша погрузилась в воспоминания. Затем, видимо что-то вспомнив, скривила лицо и уточнила:

— Вова?

— Господе! — содрогнулся Рыжий. — Вова, Петя, Оля, Катя, Саша — он мог представиться, как угодно. Короче, он — старик седой, с татуировками на ладонях. Надеюсь, его то вы не убили?

— Петр... Вот старый пердун! — воскликнула Даша.

— А ваш какой был интерес? — спросил Слава. — Выбивали себе тёплое местечко?

— Где? В этих башнях? В этих архитектурных недоразумениях? В этих уродцах, возомнивших себя центром вселенной? Да у меня сердце кровью обливается, каждый раз, когда я к ним подплываю! Да весь этот “бизнес комплекс” — неизгладимый шрам на морщинистой роже Москвы! Как жаль, что “волна” не может смыть эту отвратительную смесь бетона и стекла. Я отвечу на твой вопрос: у меня нет никакой нужды или необходимости там выбивать себе тёплое местечко!

Даша со Славой вопросительно переглянулись и с недоумением уставились на Рыжего. Вопросы хлынули дождём. Ощущался необъяснимый наплыв диссонанса событий.

С бороды рыжего продолжали срываться прозрачные бусинки и падать на чёрный пол.

Кап.

Кап.

Кап.

Даша не выдержала.

— Да что ты несёшь? Люди погибли! Да ты сам... где ты будешь жить? Где будешь “волну” пересидывать? В этой комнате, со шлангом в жопе? Может, у сома в брюхе?

А кстати — хорошая идея, подумал Слава. У сома в брюхе...

Недовольно цокнув, рыжий обратил взгляд на Дашу.

— Я ответил на ваши вопрос?

— Нет! — сказала Даша. — У нас еще куча вопрос к тебе, а самое главное...

— У меня больше нет никакого желания отвечать на бессмысленные вопросы. Мне больше нечего вам сказать, — Рыжий повернул голову к Славе и устало спросил: — Я могу уйти?

Слава устало ответил:

— Можешь.

Ботинок сорвался с Дашиной руки и упал на пол. Она приблизилась к Славе с намерением получить от него объяснения его решения, но увидев каменное лицо, покрытое шрамами, передумала.

Пока Рыжий вставал, Слава думал:

“Что-то тут было не так. Особо удивляло его высказывание о башнях. Можно подумать, что он и не собирается туда возвращаться. Но куда? На чём? Взрыв всё уничтожил. Вытягивать информацию клешнями — Даша не одобрит. Угрожать ножом? Нет! Хватит на сегодня! Я устал. Да и просто меня раздрает любопытство, куда он отправится без лодки, без баллона, без ласт. Акула... Для чего я понадобился Татьяне? Нужно быть хитрее, умнее.

Первый шаг я сделал, посмотрим к чему приведёт второй”.

Голос Рыжего донёлся из коридора:

— Ты же не против будешь если я заберу свой баллон?

Даша нервничала не понимая, что происходит.

— Ты его так просто отпустишь? Он нам ничего толком не рассказал.

— И не расскажет. Могу его убить. Хочешь? Тебе станет спокойнее?

— Я прошу тебя, не говори так больше! Слышишь? Мы больше никого не будем убивать!

Ты не заметил — мы как саранча, уничтожающая посевы! Мы — средневековая чума. Как эпидемия, убивающая людей на лево и на право. Я этого больше не хочу!

— Мы не эпидемия! Мы — прививка.

— Вспомни для чего мы сюда приплыли! Вспомнил? Да! Чтобы спасти крохотное дитя!

Спасти его мать, подарив ей надежду на чудо! Надежда! Мы вызвались помочь...

— Это ты вызвалась помочь.

— Да, ты прав — я возомнила из себя Мать Терезу! Вызвалась помочь... И я добуду из него информацию, которая поможет мне спасти семью! Он мне всё расскажет: где взять бензин, где взять свечи, и где взять овощи!

Она встала рядом, почти вплотную. Женские пальцы, как садовый вьюн, хватают руку Славы и тянутся к ножу. Он чувствует её нервозное дыхание. Чувствует в каждом слове злость. Говоря, она не думает, торопится — эмоции взяли вверх.

— Отдай мне нож, — сквозь зубы прошипела Даша, — я пойду и выужу из него всю информацию. Ты понимаешь, что у нас осталось в запасе часов пять, а дальше наступит ночь. Вода может начать прибывать в любой момент! Да может эта долбанная “волна” как возьмёт и решит нам всем на зло, что ей надо обрушиться на город прямо сейчас! Слава, я боюсь. Я устала. Хочу домой...

— Я прошу тебя, успокойся! У меня всё под контролем. Расслабься.

— Я хочу покурить...

— А я выпить...

Слава с надеждой глянул в тёмный коридор. Там раздались тяжёлые шаги. Вернувшись, Рыжий повторил вопрос:

— Ей, не ссорьтесь из-за меня. Я не достоин такой чести. И кстати, я так и не услышал ответа: можно мне взять мой баллон?

— И как ты планируешь с ним добраться до небоскрёбов? — спросил Слава. — Ты уверен, что в “око” тебя встретят с распростёртыми объятиями, увидев, что ты пришёл ни с чем?

— А кто сказал, что я собираюсь в “око”?

— У тебя есть что-то для Антиквара? Или пропуск от Меркурия?

Рыжий состроил кислую мину.

— Послушайте, я просто хочу забрать свой баллон. Поверьте — с ним я доберусь туда, куда мне надо.

Поразмыслив, Слава согласился.

— Хорошо, забирай, — и сразу ощутил, как Даша впивается ногтями в его ладонь. Кинув на неё строгий взгляд отдернул руку, поцарапав кожу до крови.

— Ну, — затянул Рыжий, — еще мне нужна моя маска.

— Хорошо, — не раздумывая сказал Слава, — но за неё я попрошу у тебя бензин и овощи.

Исторический хохот эхом вырвался из коридора. Успокоившись рыжий сложил руки на груди и облокотился о стену.

— Губа не дура! Да один помидор стоит как десять этих масок!

— Да, но исходя из сложившейся ситуации, маска — очень дорогой товар. Неприлично дорогой!

— Отчасти ты прав. Но ответь мне на вопрос: зачем вам бензин, овощи? Не хотите в “око” проводить свой уикенд? — и снова засмеялся. — Хотите комнату с панорамой на девяносто пятом этаже? Зачем-зачем?

— В башне рождает женщина, — Даша состроила такое серьёзное лицо, что стала походить на женщину-политика, когда-то выступавшую с трибуны ООН, — может уже родила. За её роды никто не заплатил. Её могут выкинуть наружу, а там только одна дорога — в “око”. Ты представляешь, что с ней там будет? Что будет там с ребёнком? Мы обещали ей помочь. И мы поможем!

— Обещали? Кому? Кому сейчас можно что-то обещать? Вы, два альтруиста...

— Не надо ставить крест на общество. — Мать Тереза продолжает свою речь в ООН. — Добрых людей много, и они не сидят сложа руки! Помогают по мере сил и возможностей. Но к сожалению, многого сейчас им не хватает.

— Добрые люди... — Рыжий косо посмотрел на Славу. — Может, тогда и мне поможете?

— Как? — спросил Слава.

— Очень просто — Татьяна тебя ждёт. Не знаю на кой чёрт ты ей сдался, и как она тебя собралась использовать, но знаю точно — убивать тебя она не собиралась. Возможно — это твой счастливый билет!

— Заманчиво... — Слава посмотрел на Дашу. Она подмигнула ему в ответ и спросила Рыжего:

— А ты что с этого получишь?

— Долгая история. Если согласитесь — сами всё увидите.

— Я согласен. Но с одним условием! Моя спутница заберёт у тебя бензин, овощи, и отправится в башню, а мы с тобой, на всех парах, помчимся ужинать к Татьяне.

— Я без тебя никуда не...

Слава вскинул руку, давая Даше понять, что сейчас не время спорить.

— Прекрати. Потом всё решим.

Бородатый накинул маску лиса и спросил:

— А вы не обманите?

— Ну я же тебя не убил.

— Аргумент! — затем почесал бороду, посмотрел на ногти, помычал. Встретился взглядом со Славой и кивнул головой в знак согласия. — Если бы не одна неприятность, мы бы с вами никогда не повстречались. Но, к сожалению, не мы рисуем свой маршрут, его прокладывает нам судьба. Вообще мы не зависели от бензина, так, по мелочи его применяли по хозяйству. Но последняя “волна” притащила нам подарок. Большой! И этот месяц нам пришлось не сладко — выживали как могли. Там возьмём чуть-чуть. Там заберём чуть-чуть. Вообще мы неплохие парни, просто неизвестность всех свела сума. В какой-то момент все обезумели. Готовы были перебить друг друга, лишь бы не плыть в “око”. Татьяна нам пообещала решить нашу проблему, если мы приведём тебя.

Нахмурившись, Слава спросил:

— Так что за проблема? Может мы сможем решить её на месте, без лишних путешествий?

— У тебя есть динамит, взрывчатка или кран?

— Господи, что ты собрался делать?

— Скоро сами всё увидите. Бензина у меня немного, литра три-четыре. С овощами будет посложнее. Их выращивает бабка.

Даша вылупила глаза и чуть снова не подавилась.

— Выращивает? Где?

— В парнике.

— Где?!

— У себя дома. Предвидя твой вопрос, отвечу сразу: она из своей квартиры сделала парник. Еще до “волны”.

— И... и где она живёт?

— Район Зюзино.

— Зюзино?

— Да, мать вашу, Зюзино! Я понимаю — у вас миллион вопросов. Но я не собираюсь сейчас тратить время на ответы. Мне пофигу, серьёзно. Иногда мы с ней обмениваемся. Она любит пиво, сухарики, и разменивается по выгодному курсу.

— Хорошо, поплыли!

Рыжий скептически глянул на ребят. Провёл какие-то расчёты в голове, затем сказал:

— Нырять придётся метров на шестьдесят, а в тех баллонах, судя по манометру, воздуха на обратный путь не хватит. Я смогу их заправить, но потрачу, примерно, пол-литра горючки. Может меньше. Хватит и к бабке спуститься, и обратно всплыть, и домой вернуться.

— Домой? — саркастично спросила Даша, — И где-же твой пентхаус?

— Под водой. Целых сто квадратным метров.

— И мы сейчас плывём к тебе?

— Да! — воскликнул бородатый.

Слава хмыкнул, помассировал свой подбородок. Подошёл к окну и глянул на каяк, кольшущийся возле стены.

— Есть только одна проблема — у нас каяк двухместный. Как ты поплывёшь? Будешь держаться за борта?

— Могу и так. А могу взять ваш трос, обвязать его вокруг своей тонкой талии, лечь на спину и наслаждаться прекраснейшим закатом, пока вы будете меня буксировать.

— Не боишься, что сом клюнет?

Иронично посмеиваясь, Рыжий ответил:

— Боюсь! Поэтому воспользуюсь своей лодкой, — не увидев никакой реакции на свои слова, он с подозрением глянул на ребят. — Меня пугают ваши лица. Всё, что я вам говорю — вас шокирует. Лодка в соседней квартире, никакой магии. Ну, мы выплываем?

Когда Слава с Рыжим вышли из квартиры, Даша присела возле гидрокостюма и внимательно его осмотрела. Обычный чёрный, как афотическая зона океана. На рукавах, с трудом, но еще можно было разглядеть некогда золотые тонкие лучи, тянущиеся до воротника. Протёртые от времени и изъеденные солью буквы на груди складывались в знакомое название строительной компании “ЗИЛ-Строй”. На костюме рыжего они тоже были. И на костюме женщины, вспыхнувшей как спичка, и на костюме усатого мужчины, желающего уединиться с Дашей, они тоже были. Любопытно, какое отношение к столь именитой фирме могли иметь все эти люди? А впрочем, какая разница.

Спросив у Славы, где он взял костюм, Даша внятного ответа не получила. Пожав плечами, он сказал: меньше знаешь — крепче спишь. Вот это тайна! Можно подумать, что их сейчас на каждом углу раздают. Ау-у! Распродажа! Мог хоть соврать сказав, что нашёл в соседней комнате, в шкафу.

Прекратив изображать из себя наивную девчонку, Даша еще раз спросила где он взял костюм, но уже с напором. Ответ прозвучал, но не от Славы. Рыжий в подробностях всё рассказал.

Еще он рассказал, что уже устал терпеть своих друзей: их вечный плачь, их недовольство, а также жадность и пороки. Бесили они его. Бесили каждый день! А самое страшное — они были привязаны к одному месту, которое с гордостью называли дом. Представь, сказал Рыжий, ты развёлся с женой, но идти тебе некуда. И вот, вы продолжаете жить вместе: общаетесь, спите в разных комнатах, вместе покупаете продукты. Но как-то ночью, ты слышишь посторонний мужской голос, стонами доносящийся из-за стены, где спит твоя бывшая супруга. Это очень тяжело, хочется уйти, но ты говоришь себе — нет, пусть они проваливаются отсюда! И вот, добавил он с улыбкой на лице, они ушли! Теперь я свободен. Жеку конечно жаль, но он был тот еще подонок. Пусть хоть его костюм послужит благородным целям.

Примерять вещи с мёртвых Даше не впервой. Времена нынче такие, что в любой момент могут и твою одежду снять, оставив только грязное бельё. Хочешь жить — умей вертеться, а также плавать, нырять, и мусор по квартирам собирать. Но одно дело — снять куртку или обувь с разбухшего “волновика”, а другое — позаимствовать гидрокостюм, касавшийся его мёртвой плоти. И вот, вы пытаетесь его надеть, стараясь не думать о том, как он тёрся о чужую кожу, впитывал пот, касался волосатых подмышек, и до последнего надеетесь, что через него не пытались почесать зудящую от паразитов жопу. Фу-у-у.

Но как показывает время — это не самое страшное. Зимой Даше давилось увидеть, как мужчина пытался снять тёплую куртку с мёртвого человека, оказавшегося в ледяной воде из-за банальной жадности. Так вот чтобы не испортить эту куртку, намертво примёрзшую к другим вещам, он освежевал беднягу по пояс. Кожу срезал аккуратно, словно резал найденный батон копчёной колбасы, который необходимо поделить поровну между двадцатью ртами. И не дай бог кто-то заподозрит, что ты решил его обвесить!

Кстати, Слава разрешил Даше не снимать лифчик, хотя Рыжий был и против. Он уверял, что лифчик оставлять нельзя, из-за него кожа покраснеет, покроется волдырями, а появившиеся мозоли в миг сведут её сума. Он это точно знал — проверял неоднократно. Даже вызвался помочь Даше надеть костюм, но Слава был категорически против, развернул

его лицом к выходу из квартиры и нарочито подтолкнул.

Уходя, Слава объяснил Даше, для чего они оставили жир в банках. Не поверив, и сказав, что она не будет этого делать, попробовала продеть ступню в штанину гидрокостюма. Пробовали когда-нибудь надеть мокрые джинсы, которые на пару размеров меньше вашего? Попробуйте. Когда вам покажется, что еще чуть-чуть и кожа лопнет — остановитесь.

Даша остановилась, и, смирившись с неизбежным, поставила банки на чуть тёплые угли (практически превратившиеся в залу), чтобы слегка растопить жир. Через минуту вылила тёплый жир себе на ладони и начала растирать ноги и руки, предварительно обмыв себя питьевой водой. Противно, склизко, но, если закрыть глаз и представить тюбик дорогого крема — терпимо. А вот запах... запах был отменный!

Даша практически закончила натягивать костюм, когда снаружи раздался сильный всплеск воды.

Потянув вверх ляжку на застёжке, она застегнула молнию на спине, и торопливо выглянула в окно.

Надувная двухместная зелёная лодка слегка покачивалась на волнах.

— Эй! — окликнул кто-то Дашу. Она подняла глаза и увидел Рыжего, торчавшего из соседнего окна. — Тебе идёт костюм! Не жмёт?

— Не жмёт, — смущённо ответила Даша.

— Хорошо! — затем он встал на подоконник, принял от Славы вёсла, и прыгнул в воду. Оказавшись в лодке, подплыл на ней к окну. Слава передал ему два баллона и велел ждать.

Что их ждёт дальше, куда они заплывут, и самое главное, когда вернуться в башню? Даша хотела задать эти вопросы Славе, но прекрасно понимала — он не ответит. Никто сейчас ей не ответит. Спокойствие и уверенность — всё, что ей сейчас было необходимо. Уверенность мог дать только Слава, а спокойствие, как ни странно, исходило из уст Рыжего, пообещавшего бензин и овощи. Коктейль бодрости почти готов, осталось...

— О чём задумалась? — окликнул её Слава, сидя в каяке под окном. — Прыгай!

— Тебе гитары с песней не хватает, — пошутила Даша. — Одну минуту!

Повесила компас на шею. Надела плащ, ботинки. Зажигалку бережно убрала во внутренний карман. В кофту запихала двое джинсов, майку, и весь этот ком швырнула Славе. Он ловить не стал. Напевая весёлую мелодию, веслом откинул её кулёк в сторону и произнёс:

— Они тебе больше не нужны.

— Это мои вещи!

— Хлам и рванина, тянущая тебя на дно! Больше ты так ходить не будешь! Прыгай!

Даша прыгнула. Подплыв к каяку, схватилась за край своего места и вопросительно уставилась на Славу.

— А как дальше?

— Ну, как на велосипед — закидывай левую ногу и отталкивайся.

— Отталкивайся? От чего? От спины кита?

— Ногу левую закидывай...

Слегка подтянувшись, Даша начала поднимать ногу, но это оказалось не так просто. Её тело напряглось как никогда, лицо покраснело, хрустнули зубы, но она смогла добиться своего и мыс ботинка, хоть и на пару миллиметров, но всё же показался над водой.

Знакомый до боли хохот ударил Дашу в уши. Лодка Рыжего заходила ходуном, а сам он чуть не вывалился за борт, потеряв равновесие от смеха.

С трудом сдерживая улыбку, Слава схватил Дашу за показавшийся ботинок и с силой потянул на себя, закидывая своё тело на противоположную сторону.

— Давай-давай! — Слава кричал изо всех сил, но смех Рыжего был громче.

Даша дёргалась как могла, отталкивалась второй ногой от воды, пыталась подтянуться. Еще рывок, еще. Мешала чёртова лебёдка, мешал плащ, мешало всё.

Рискуя перевернуть каяк, Слава чуть привстал.

— Давай! — раздался мужской хрип сквозь зубы. — Согни ногу и зажми ею корпус лебёдки!

Как только Даша почувствовала упор, она сжалась как пружина и вытянула себя из воды.

— Не родила? — крикнул Рыжий, продолжая заливаться смехом.

— Дай мне нож, я хочу его убить! — не на шутку разозлилась Даша.

— Садись уже, — кинул Слава.

Закинув ноги в кокпит, Даша завязала узелок на юбке и показала Славе поднятый вверх большой палец.

— Хорошо. Плывём за Рыжим. Он сказал тут недалеко, минут тридцать.

— Ты ему доверяешь?

— Ты боишься?

— Боюсь, что он снова попробует нас заманить в ловушку. Он даже не сказал, куда мы поплывём. “Скоро сами всё увидите!” — Басовито произнесла Даша, пытаясь спародировать голос Рыжего, но получилось как-то по-ребячески. — Только и слышим от него!

— Оглянись, куда он сможет нас заманить? Под воду если только. Ну так я не против.

Взглянув на Рыжего, Даша заметила, как он достал из своего рюкзака стеклянный шар (это оказался компас, уместающийся на ладони), мини-карту. Определив направление, прищурился и посмотрел на солнце. Вытянув руку, растопырил указательный и большой палец, словно что-то измеряя. Так он определял время: указательный палец разместил под золотым диском, а большой положил на горизонт. Даша это знала, потому что сама так делала.

Поразмыслив, задала вопрос Славе, с приобретённым за последние пару часов скептицизмом.

— Что за дом... Может еще какая-то высотка, о которой мы не знаем?

— Скоро всё узнаем. Не переживай, он особо не торговался за свою жизнь, и золотые горы нам не обещал, а мог — и вот тогда это можно было расценивать как какой-то хитрый план. Его вполне устраивает наша сделка, а мне чертовски любопытно, что сейчас могут предложить за мою голову.

— Ты действительно с ним поплывёшь к Татьяне?

Натужно промычав, Слава ответил:

— Да.

— А как же я?

— Заберёшь его лодку и поплывёшь домой. С бензином и едой. Плохо что ли?

— Без тебя...

— Всё, хватит. Больше это не обсуждаем!

— Как скажете... — закатив глаза, съязвила Даша и потянулась к вёслам, но Слава её остановил.

— Не надо, отдыхай.

Почувствовал лёгкое ускорение, её спина сама облокотилась о лебёдку. Гидрокостюм дарил комфортное тепло, а монотонный всплеск воды любого мог убаюкать. Вслушиваясь в тяжёлые порывистые вздохи Славы, она в блаженстве опустила веки и даже не заметила, как сон унёс её сознание за горизонт к родителям в деревню.

Резкий толчок в плечо прервал её прогулку между яблонь.

— Эй, Спящая красавица, просыпайся, — туманный голос Славы раздался возле уха, — иначе Рыжий тебя разбудит своим крепким поцелуем!

Разлепив глаза, Даша пробубнила: не надо. Во рту ощутила горечь, кусочки мяса, застрявшие между зубов. Хотелось пить, встать во весь рост и потянуться.

— Приплыли! — крикнул Рыжий.

Оглянувшись, Даша вопросительно развела руками.

— Где небоскрёбы? Где крыши панельных девятиэтажек? Где чудо, к которому мы так стремились?

Хитро улыбнувшись, Рыжий гордо заявил:

— Мой дом под водой. Вот, смотрите, — вытянув руку за борт, он указал пальцем вниз.

Даша со Славой пригляделись — ничего необычного. Со дна на них глядел обычный панельный дом. Крыша, мусор, соседний дом. Типичный микрорайон покрытый лабиринтами дорог. Но что-то глаз цепляло. Что-то длинное и большое, торчащее из дома. Ребята еще чуть наклонились и удивились. Над непонятной пристройкой (явно незаконной), еле заметно, пульсировал красный огонёк.

— Что это? Вагон от поезда врезался в дом?

— И да, и нет, — расплывчато пояснил рыжий. — Ладно, ныряем. Сейчас сами всё увидите, а когда попадём внутрь — я всё вам расскажу в деталях. Так, — Рыжий посмотрел на Славу, — если мне маску не собираешься отдавать, тогда будь добр запомнить код из четырёх цифр: “4-2-4-8”

Слав трижды повторил цифры в слух, рассудив, что лучше он оставит маску у себя и будет до последнего контролировать всю ситуацию.

— Когда откроем дверь, ну или что там у тебя, я войду первым! — решительно заявил Слава.

— Как скажешь.

— Следующий ты.

— Лады.

— А потом она.

— Как скажешь, — снова повторил Рыжий.

— А как же каяк? — поравнявшись с лодкой, спросила Даша. — Кто за ним присмотрит?

— Не беспокойтесь, улицы у нас спокойные — никто не тронет, — и снова разразился уже привычным уху смехом. — Давайте свой трос, свяжем каяк и лодку между собой.

— И мы оставим их на поверхности? Вдруг ветер, волны?

— Не переживай, у меня тут кое-что есть, — откинув кусок брезента, Рыжий продемонстрировал лежащий на дне лодки моток верёвки. — Альпинистская! Можно машину на ней подвесить, танкер отбуксировать!

— Ладно, — устало кинул Слава, — собирайтесь, и давай уже, показывай свой Дом!

Помогая Даше надеть жилет с баллоном, Слава провёл с ней быстрый инструктаж:

— Это суй в рот и дыши. Но помни: запаникуешь — и тебе крышка.

— Да всё будет тип-топ, — уверенно заявил рыжий, — пять минут, и мы дома.

— Я слышала про кессонную болезнь...

— Тут от силы метров тридцать, ничего страшного не произойдёт.

— Вот, возьми, — шепнул Слава Даше и незаметно протянул ей нож.

— Зачем?

— Мало ли... — и сквозь зубы процедил: — Бери! Фонарик тоже пригодится.

Забрав фонарь, Даша повесила его на запястье, как вешает его Слава.

Взявшись за конец верёвки (другой всё это время был привязан к лодке), Рыжий обвил его вокруг ладони, сел на край лодки и нырнул. Даша со Славой последовали за ним.

Собравшись в кучку, Рыжий вдруг воскликнул:

— Стоп! Надо всё продумать! Иначе на дно ляжем всё втроём и будем кормить рыбок. Во-первых, плывём на красный свет, затем уходим ниже. Я буду пальцем указывать куда нам плыть, понятно?

Слава кивнул головой.

— Во-вторых, ласты с маской есть только у тебя, а значит — тебе придётся нас тянуть.

— Я уже догадался...

— Хорошо. И последнее... повтори вслух цифры.

— 4... 2... 4... - Слава замешкался.

— 8, - закончила за него Даша.

— Ладно, память у тебя не как у рыбки, что уже хорошо, но и не...

— Так! Хорошо тут разглагольствовать! Я всё помню. Все готовы?

Рыжий с Дашей кивнули в знак согласия, взяли в рот загубники, сделали по контрольному вдоху-выдоху, и занырнули. Сделав три глубоки вдоха, Слава нырнул следом. Подплыв к Даше, взял её за лямку на жилете. Затем подплыл к Рыжему и тоже его зацепил. Держа обоих словно за шкурку, он устремился на красный свет, тускло моргающий на тёмно-голубом дне.

Славины ноги работали за троих, а за день он уже успел изрядно ухандокаться — и каждое его движение болезненно пульсировало в голове. Молочная кислота кипела в мышцах, но он вдруг перестал об этом думать, переключив своё внимание на необычную картину, вообразить которую можно было только после просмотра не одного десятка фильмов об апокалипсисе.

Алые вспышки оказались аэронавигационным огнём, мигающим на макушке киля самолёта. Сам самолёт (класса “бизнес-джет”), словно торпеда пронзающая линкор времён второй мировой войны, торчал на половину из пятиэтажной “хрущёвки”.

Преодолев очередные пять метров, жестами рук, Слава попросил Дашу включить фонарь. В кольце света блеснул белый истерзанный, помятый и бескрылый, покрытый скользящими царапинами фюзеляж самолёта с еле читаемыми буквами на боку “трой”. На асфальте, возле дома, покоились два оторванных крыла, одно из которых обрушило козырёк соседнего подъезда, а второе погребло под собой автомобиль и приняло на себе вес пары вагонов электропоезда “Ласточка”. Еще один искорёженный вагон (той самой птички), процарапав днище самолёта, впечатался в дом по диагонали, закрыв собой окна соседних квартир.

Слава испытал неопиcуемый восторг. Он хотел разделить его с Дашей, но, когда посмотрел на неё, сильно расстроился. Её глаза были зажмурены, словно она боялась увидеть неведомое чудище, вырвавшееся из тёмного окна. Но нет, монстров она не боялась.

Она просто не хотела снова испытывать сильного жжения в глазах после воды. Как жаль, что у него не было второй маски. Но ничего, он обязательно исправит этот недочёт.

Плыть оставалось метров пять, когда Рыжий вскинул руку и начал дёргать ей, указывая на хвост самолёта. Слава кивнул ему в ответ и двинулся в указанном направлении. Подплыв к задним стабилизаторам, рука Рыжего продолжала указывать куда-то вниз. Слава потянул парочку на дно, но Даша устремилась куда-то в бок, к дому. Она так сильно гребла руками и ногами, что Славе пришлось настойчиво её одёрнуть. Замерев, она вскинула перед собой руки, показывая, что всё в порядке. Выдохнув про себя, Слава успокоился. Мысли о паническом состоянии Дарьи улетучились. Можно плыть дальше.

Разгоняя мелкую рыбёшку, трио заплыло под самолёт. Вырывающиеся пузыри воздуха из загубников пары водолазов, грациозно развивали хвосты водорослей, покрывавшие все выступающие части самолёта.

Проплыв пару метров вдоль днища самолёта, Рыжий положил свою ладонь Славе на плечо, прося его остановиться.

Слава замер.

Оглядевшись, он заметил выпуклость размером с кулак на обшивке самолёта. Рыжий кивнул ему головой, затем подплыл к ней, погрузил пальцы в углубление и отодвинул в сторону фальш-крышку. В появившемся окошке, Слава увидел маленькие кнопочки, как на старом сотовом телефоне. Рыжий снова привлёк его внимание, показывая ему то четыре пальца, то два, то снова четыре. Догадавшись, Слава ввёл код и понял, что тут действительно без маски ничего бы не получилось.

Где-то изнутри стальной птицы раздался рабочий гул электромотора.

Две створки размером метр на метр, разъехались в стороны и открыли проход внутрь самолёта. Перед Славой распростёрлась глухая темень, но он понимал, что воды там нет.

Забрав у Даши свой фонарик, Слава ворвался в кольцо тьмы.

Всплыв где-то внутри самолёта, первое что услышал Слава — гул, исходящий откуда-то сверху. Луч света прошёлся по потолку белого цвета, опустился на стены, отделанные белыми панелями из пластика, и замер на лестнице, прикреплённой к стене. Осмелившись, Слава сделал вдох. Тёплый и влажный воздух наполнил его лёгкие. Закружилась голова, не картинка перед глазами тут же восстановилась. По-видимому, он находился в шлюзовой камере, так как вода выше пола не поднималась. Удивительно, подумал Слава и начал спокойно дышать, не опасаясь помереть от удушья.

Подплыв к краю лунки, Слава закинул руки на пол и ухватился за шнурок, тянувшийся от лестницы. Потянув на себя, нижняя часть лестницы отошла от стены под углом в тридцать градусов, приблизилась к Славе и чуть его не пришибла, откинув еще одну секцию прямо в воду. Вовремя увернувшись, Славе захотелось пнуть Рыжего пяткой по голове, но, стиснув зубы, он передумал. Какие еще сюрпризы его поджидают? О чём еще не рассказал бородатый?

Взобравшись по лестнице, Слава встал на пол и осмотрелся еще раз, но уже скрупулёзно. Кроме двери, ведущей неизвестно куда, он опасностей не заметил.

Нарушив установленный Славой порядок всплытия, Рыжий приблизился к Даше, взял её за талию и, словно балерину большого театра, подкинул к отверстию. От неожиданности, девушка замахала руками. Нож, находившийся у неё в руке, опасно рубанул воду возле лица бородатого, и, по счастливой случайности, никого не задел. Рыжий этого и не заметил. Слизистая его глаз уже горела от воды и всё что он мог видеть перед собой — расплывчатые

туманные образы.

Вода в лунке забурлила.

Слава встал на колени и протянул руку.

Увидев появившуюся из воды голову Даши, он крикнул:

— Сюда! Дай мне руку!

Девушка послушно повернулась на голос и протянула руки.

— Можешь открыть глаза, — взяв девушку за руки, Слава подтянул её к лестнице. —

Забирайся.

Следом всплыл Рыжий. Слава хотел ему помочь, даже протянул руку, но тот сам подплыл к лестнице и забрался по ней вприпрыжку.

Сидя на полу, Даша сняла с себя жилетку. Округлила глаза и удивлённо произнесла:

— Как?

Протирая ладонью глаза, Рыжий обратился к Славе:

— Дай мне маску.

— Зачем?

Рука рыжего поднялась, и Слава только сейчас вспомнил про верёвку, тянущуюся от лодки.

— Хочешь, — продолжил рыжий, — можешь её сам привязать. На втором этаже, напротив самолёта, найдёшь торчащий из стены металлический прут. Вот к нему и привязывай.

Даша вдруг завалилась на бок, начала кашлять. Нож выпал из её руки, покатился по полу и замер в паре сантиметров от края лунки. Кашель быстро сменился рвотными позывами. Девушку вырвало. Затем еще раз.

— Что с тобой? — подбежав, спросил Слава.

— Не знаю... голова кружится, всё тело ломит... стены давят...

— Не переживайте, — спокойно сказал Рыжий, подходя к панели возле двери, — внутри поддерживается давление чуть выше чем на поверхности. — он откинул крышку и поднял маленький рычажок тумблера. По периметру потолка вспыхнули лампы. Комната наполнилась мягким светом. — Иначе, вода всё тут затопит. Мы с тобой привыкли к перепадам, вот и не замечаем. Но я надеюсь, что ей и не придётся привыкать — мы же тут ненадолго, — и, улыбаясь, подошёл к Славе. — Ну так ты пойдёшь привязывать верёвку?

Сомнения окутали Славу: оставить Дашу с Рыжим, или доверить их жизни человеку, с которым ничего толком не знаешь? Вдруг это ловушка? Клетка, которая вмиг наполнится водой, как только рыжий её покинет! Желает ли он отомстить ребятам или всё же сделка с Татьяной ему важнее. А была ли вообще эта сделка с Татьяной...

Дашу еще раз вырвало, и Слава принял решение остаться с ней. Стиснув губы, он стянул с головы маску и протянул её рыжему.

— Мне еще ласты понадобятся, иначе у меня воздух закончится до того, как я успею подплыть к дому. — Рыжий поднял с пола, знакомы ему до боли нож, покрутил его в руке. Улыбнувшись, приблизился к Славе и протянул ему нож рукояткой вперёд.

Тон рыжего поменялся: стал более уверенным, нагловатым. Забрав нож, Слава вложил его в ножны.

— Хорошо, — сказал Слава, заглядывая в покрасневшие глаза Рыжего. Тот продолжал их нервно тереть ладонями, но злости или агрессии, Слава в них не увидел. Он спокойно снял ласты и тоже их отдал.

Бородатый растворился в лунке, оставив ребят в мучительном ожидании.

Слава не мог понять: то ли у него в глазах начало темнеть из-за усталости, то ли свет в шлюзовой камере начал потихоньку затухать.

Даша застонала. Она попыталась встать, но безуспешно; руки тряслись от бессилия. Слава помог ей облокотиться о стену.

— Полегчало? — спросил Слава, глядя на её бледное лицо.

Сделав тяжёлый вдох, она прохрипела:

— Лучше...

Чуть оклемавшись, она провела ладонью по металлическому полу с выштампованным узором похожим на вафлю, постучала костяшками по стене, и, услышав глухой отклик, удивлённо спросила:

— Где мы? Это что, какой-то подводный дом из документальных фильмов Жака Кусто?

Слава посмотрел на неё с недоумением, но вовремя вспомнил, что на протяжении всего погружения её глаза были закрыты.

— Ты не поверишь — это самолёт!

— О мамочки... — она окинула комнату взглядом. Закрыла глаза. Облокотившись затылком о стену, неожиданно начала хохотать, чем напугала Славу.

— Что смешного?

— Мы улетим отсюда! Мы возьмём и улетим отсюда! — она попыталась встать, но её руки предательски разъехались в стороны, заваливая тело обратно на пол. — Улетим из этого чёртового города! Из этой чёртовой дыры! И больше не будет никаких поисков бензина, никаких “волн”, никакой воды и этих башен! Пилота мне, срочно!

— Ты серьёзно? Тебе не хватает кислорода или наоборот? Голова кружится, продолжает тошнить?

— Скажи мне правду! Где мы?

— Я же сказал — мы в самолёте...

— И мы полетим?

Слава смотрел в её глаза и не мог понять: она шутит или на полном серьёзе задаёт такие вопросы.

— Сомневаюсь... — отрицательно мотнув головой, сказал Слава.

— Дай угадаю: чтобы он взлетел — нам нужен бензин?

— Да. А еще нам нужны крылья, кран, взлётная полоса, и полное отсутствие воды. Послушай, я пока сам не понимаю, как тут всё работает, но поверь — это самолёт. Он впечатался в дом, пару квартир превратил в одну большую студию, с корнем вырвал себе оба крыла, и, несмотря на все эти “мелочи”, остался герметичным. Спокойно себе стоит, как памятник на пьедестале.

После этих слов, Слава ощутил лёгкую вибрацию. Самолёт тряхнуло, словно они попали в зону турбулентности, затем еще раз. Вода в лунке заходила ходуном, выплёскиваясь волнами на пол. Славу удивило другое — с каждой секундой исходящий с потолка свет разгорался всё ярче и ярче. И вот, спустя секунд десять, он уже горел с такой силой, что на него невозможно было взглянуть не прищурившись.

Даша быстро пришла в себя. Испугавшись, она уставилась на Славу в надежде получить вразумительное объяснение происходящему, но по виду мужчины ей сразу стало всё ясно —

он и сам не прочь узнать, что происходит.

— Мы что, взлетаем? — спросила она на полном серьёзе.

— Если бы... — приблизившись к краю лунки, Слава взялся за лестницу и наклонился к воде. Присмотрелся. С трудом, но можно было увидеть, как по дну, с высокой скоростью, перемещаются различные предметы. Вот на мгновение стиральная машина черкнула по асфальту, подняла столб пыли и унеслась дальше. За ней показалась короткая труба, с нанизанной дверью от автомобиля. Кусок рекламного щита. Банкомат. И, смятая в три погибели, тележка из магазина. Весь этот мусор плющило о стену дома, что-то закидывало в окна, затем течением протаскивало через всю квартиру, царапая стены, и выкидывало с другой стороны на улицу.

Могло показаться, что действительно самолёт движется, но нет — вода двигалась под самолётом.

— Течение! — заявил Слава, подойдя к Даше.

— Но там же Рыжий...

— Боюсь, человек не в силах справиться с таким потоком.

— Лодку с каяком могло унести?

— Могло... — Слава скептически почесал подбородок. Оглянувшись, уставился на панель с кнопками возле двери, ведущей внутрь самолёта.

— Что ты задумал? — возбуждённо спросила Даша, увидев, как Слава уверенно направился к двери.

— Что-что, спасаю нас! Бородатый сказал, что у него есть бензин, есть устройство для заправки баллонов. Мы заправим твой баллон. Если повезёт — передохнём. Может еще чего интересного найдём: я уверен — добра тут полно. Когда течение прекратится, ну или хотя бы его силы не будет хватать чтобы перемещать машины по дну, мы покинем самолёт. Таков мой план.

— План хорош, но как ты откроешь дверь?

— Легко! — указательным пальцем Слава ввёл комбинацию цифр на панели: 4-2-4-...

— Восемь! — подсказала Даша.

— Верно, восемь, — он нажал последнюю цифру и отошёл от двери. Она не открылась. Вместо этого над панелью загорелась красная лампочка. Гул, доносившийся от куда-то изнутри самолёта, стал затихать. Свет начал тускнеть, а из проруби хлынула вода, заполняя шлюзовую камеру.

— Мать твою, ты что наделал?

— 4-2-4-8, - дважды повторил Слава, — я не мог ошибиться!

— Видимо другой пароль! Зачем ты полез...

— Не истери! Быстро надевай баллон!

Слава подхватил Дашу под руки. Помог ей подняться. Схватил баллон, уже успевший скрыться под водой, и быстро надел его на Дарью. Он уже подносил загубник к её губам, но она перехватила его ладонь и отстранила её в сторону. Уголки её губ затряслись. На покрасневшем лице было прекрасно видно, какие усилия прикладывает девушка чтобы сдержать свои эмоции внутри.

— Я боюсь... — её подбородок дрожал. — Я не хочу умирать... здесь!

— Не бойся! Всё будет хорошо!

Вода прибывала. Каких-то пятнадцать секунд, и она уже касалась колен.

— В баллоне воздуха хватит?

Слава знал — его не хватит, но он не мог сказать ей правду.

— Хватит, — и, чуть улыбнувшись, добавил: — Еще останется.

Она сильно обняла Славу, уткнулась носом в его шею и зарыдала.

Вода дошла до пояса. Слава ощущал, как содрогается Даша, но от чего именно — от страха или адреналина — он понять не мог, или не хотел. Сейчас думать нужно было о другом.

— Послушай, — Слава обнял её в ответ, с силой прижимая к себе, — когда вода наполнит комнату, ты закроешь глаза. Я возьму тебя за руку, и мы нырнём в лунку. Гроби ногами что есть силы! Поняла?

— Поняла... но как ты без маски и без ласт...

— Я справлюсь. Потом я дам тебе знак — проведу ладонью по твоей щеке, вот так, — он нежно провёл своей ладонью по её румяной щеке, надеясь, что это хоть как-то её успокоит, — Затем начну расстёгивать твою жилетку, а ты в этот момент должна будешь сделать самый-самый глубокий вдох. Поняла?

— Поняла... — черты её лица ускользали в тусклом свете красной лампочки. Она включила фонарь, висевший на руке, и передала его Славе.

Под водой уже скрылись руки, плечи, шея. Даша ощутила прикосновение воды к своему подбородку. Задрала голову назад, встала на цыпочки. Слава поднёс загубник к её губам. Она послушно взяла его в рот, закрыла глаза и сильно-сильно зажмурилась.

Слава начал учащённо дышать. Задрал голову, чтобы вода не попала в рот. Женские ногти глубоко впились в его кожу, но адреналин и кислород, напитавший каждую клетку его организма, опьяняли так, что он не чувствовал ни боли, ни страха.

Прижав к себе Дашу, Слава начал делать глубокий вдох и вдруг замер от удивления...

— Эй, вы что там делаете? — раздался голос Рыжего. — Вы что натворили? Как дети малые, оставить на пять минут без присмотра уже нельзя!

Спустя какое-то мгновение, вода полностью заполнила комнату. Открыв глаза, Слава увидел расплывчатый силуэт рыжего, подплывающего к двери. Посветил ему фонарём. Зависнув в горизонтальном положении, Рыжий ввёл на панели известную только ему комбинацию цифр и, спустя секунду, красный свет лампочки сменился зелёным.

Уровень воды начал опускаться. Раздался привычный гул. Заложило уши.

Капли срывались с потолка мелким градом и обрушивались на гидрокостюмы, издавая глухой стук. Ручьями по стенам стекала вода, утекала в лунку и, из-за крена самолёта, скапливалась в углу.

Слегла, совсем чуть-чуть, боясь испортить момент, Слава отстранил от себя Дашу. Она продолжала дышать через загубник. Глаза закрыты. Лицо по-прежнему выражало страх перед неизвестным.

В шутку он провёл ладонью по её щеке.

Улыбнувшись, Даша выплюнула загубник ему в грудь, затем открыла глаза и уставилась на него таким взглядом, что Славе стало не по себе.

— И на что ты рассчитывал? Что я сделаю вдох?

— Фу-у-у-у, — протянул Слава, увидев, как прозрачная, поблёскивающая в свете ламп слюна, тянется из её рта к загубнику, скатившегося на его руку.

— Вы куда оба собрались? — продолжая вводить цифры на панели, спросил Рыжий. — Воздуха в баллоне и на пол пути не хватило бы, угробить её решил?

Слава решил, что не стоит отвечать на такой провокационный вопрос, и просто перевёл

разговор.

— Как ты выжил?

— А что случилось? Небольшое течение, ничего страшного. По сто раз на дню. Вода как ветер, гуляет по районам, огибает дома, где-то сужается, образуя сильное течение. Может встретиться с другим таким течением и полностью об него погаситься, а может схлопнуться с ним, и тогда уже — жди беды. И всё же, теперь ты мне ответь, что вы собирались делать? Зачем?

— Мы подумали, что тебя унесло к русалкам, — сказала Даша. — Мы испугались за тебя!

— Ага, потом решили утопить самолёт и спокойной себе уплыть, — Рыжий издал ироничный смешок.

— Неправда! Ты сам видел — мы рисковали!

— Она права! — кинул Слава, — откуда мы могли знать, что с тобой случилось? Самолёт трясло, вода разливалась по полу. Мы хотели попасть внутрь, заправить баллоны, взять что-нибудь из припасов и попытаться всплыть, но твой код не подошёл.

— Конечно не подошёл — он тут другой, как раз от таких, как вы и сделан! Вы хоть понимаете, на сколько это был глупый и крайне безответственный поступок?

Услышав порицания в свой адрес, Даша сдвинула брови. Рукой отодвинула Славу в сторону, прижимая его к стене. Слава и не думал сопротивляться. Увидев её взгляд, готовый любого сожрать живьём, он поддался, успев лишь про себя пожелать Рыжему удачи. Женские шаги раздались тяжёлым эхом. Подойдя к наглецу, по вине которого им пришлось проделать весь этот путь, дважды побывать на грани жизни и смерти, потерять всё, ради чего они проделали столь долгий путь, она открыла рот, готовая высказать всё, что она о нём думает, но...

Рыжий нажал клавишу: над панелью с кнопками загорелась вторая зелёная лампочка. Дашины слова стёрлись свистом врывающегося воздуха в шлюзовую камеру из приоткрывшейся двери.

Рыжий обернулся к ребятам. Смутился, увидев девушку, стоящую возле него с открытым ртом, но решил не обращать на это внимание.

— Как говорится: прошу на борт! — командирским тоном сказал Рыжий, затем толкнул дверь и прошёл внутрь следующей комнаты. — Осторожно! Тут порог! Ну давайте, заходите, воздух тратим!

Слава подтолкнул Дашу в спину, и они вместе зашли вслед за Рыжим.

— Знаю-знаю, — начал Рыжий, закрывая за собой дверь, — вам не терпится узнать, как всё это работает!

Оглянувшись, ребята увидели помещение, похожее на маленький дедушкин сарай, где тот варил самогон. Тусклый свет, постоянный гул, стены, увешанные различным хламом. Одно отличие — вместо гнилых досок, здесь всё было отделано дорогим материалом. Да и самогонный аппарат тут присутствовал. У стены стояли две металлические канистры (одна литров на десять, другая — тридцать) переплетённые сетью проводов, как металлических, так и пластиковых.

Даша так и спросила:

— Это самогонный аппарат?

Улыбнувшись, Рыжий помотал головой. Он был удивлён её наивности, и даже, в какой-то момент, пожалел, что не подыграл.

— Это “Элетрон-ВМ”. Слышали про гидролиз?

— Что-то из химии, — сумничала девушка, — получение кислорода?

— Верно! И вот этот, как ты выразилась “самогонный аппарат”, из воды добывает воздух, и даёт нам возможность дышать на глубине около тридцати метров. В этот бак, — Рыжий положил ладонь на самый большой бак, — поступает вода из вне, доводится до кипения, тем самым разлагаясь на кислород и водород. По этим трубкам живительная смесь поступает на борт самолёта, а по этим водород уходит наружу. Ничего особенного, простецкая технология. Применялась где-только можно! Но вот именно этот аппарат устанавливался на МКС. Представляете себе! — он величественно развёл руки в стороны, на сколько позволяла ширина комнаты, и с каким-то безумием в глазах добавил: — На МКС! — а потом скромно произнёс: — И у меня.

— Но для его работы необходимо электричество, — заметил Слава, жадно бегая глазами по аппарату.

— Верно! И оно скоро закончится, а мы умрёт от удушья!

Даша дёрнулась куда-то в сторону, но Рыжий быстро положил ей руку на плечо и, улыбнувшись до ушей, сказал:

— Шучу-шучу!

— Ну и шуточки у тебя! — гневно кинула Дарья.

— Но, в каждой шутке есть доля правды, — он поймал её взгляд и прискорбно покачал головой. Затем уставился на Славу и добавил: — Поэтому нам и нужен Он.

Рыжий больше не улыбался. Видя безразличие в Славиных глазах, он продолжал качать головой, осознавая, что его существование зависит от этого человека.

— Продолжай, — Слава оторвался от изучения дорогостоящей аппаратуры, и был готов внимательно выслушать бородатого.

— Начнём с того, что вы находитесь на борту моего личного самолёта под названием “Бомбардир Глобал 10000”. Единственного в своём роде! Спроектированного и созданного с нуля под моим чутким руководством. Герметичный фюзеляж, позволяющий погружаться на глубину до двухсот метров. Шлюзовая камера, для выхода в воду. Система жизни обеспечения. И наконец — две гидротурбины, производства фирмы “Rolls-Royce”, питающие электричеством мою птичку. Конечно под водой самолёт не умеет плавать, но погружаться и всплывать — с лёгкостью! Ну, точнее он мог это делать. Сейчас, как вы сами видите — это невозможно. Но это пол беды. Подплывая, ты должен был заметить, что с одной стороны к самолёту прижался вагон от поезда. Присосался, как гигантский кальмар к кашалоту, — не оторвать! В нише, где располагаются задние шасси, — и находятся гидротурбины, по одной на каждой стороне. А эта груда ржавого металла, перевозившая толпы потных, не выспавшихся, вечно всем недовольных людей, заблокировала мне одну из турбин! — он повернулся спиной и двинулся к следующей двери.

Даша со Славой переглянулись. У каждого на лице можно было прочесть неподдельное чувство сомнения и отсутствие веры в происходящее. Они задавались вопросом: кто он такой? Спятивший сказочник, выдумывающий байки на ходу или действительно — бывший миллиардер, опустившийся до промысла мелкого бандита, а еще хуже — убийцы.

Рыжий продолжил:

— Я мог путешествовать куда угодно. Тыкал пальцем в карту — и мы вылетали. У нас с собой всегда было всё необходимое снаряжение: баллоны, маски, ласты, костюмы, заправщики. Мы приводнялись, затем погружались. Выходили и наслаждались тишиной

океана. Исследовали дно. Иногда находили сокровища! Конечно мы были ограничены запасом горючего для двигателей самолёта, но зато нам не нужны были жадные гиды, разрешения на погружения, различные лицензии. Мы прилетали в аэропорт какого-нибудь экзотического острова, заправлялись, давали взятку, а дальше пропадали с радаров и делали всё, что нам угодно.

Назревший вопрос стрелой сорвался с Дашиных губ:

— Ты был богатым?

— О да! Я был очень богатым! Как ты думаешь, что это? — произнеся это, Рыжий уставился на грудь Даши.

Смутившись, она сложила руки на груди. Костюм облегал её тело, подчёркивая достоинства женской фигуры, и Даше это не нравилось.

— Куда ты пялишься? — резко спросила она, глядя на Рыжего исподлобья.

— На название своей фирмы, а ты что подумала?

Девушка медленно опустила глаза, спрыгнув с густой бороды на вздымающуюся мужскую грудь. Вслух она прочитала надпись: “ЗИЛ-строй”.

Услышав, как женский голос произносит название его фирмы, Рыжий растянулся в довольной улыбке, приподнял одну бровь и подмигнул.

— Ага, она самая. И слава богу, что этот дом, в котором мы застряли, строил не я! Иначе смяло бы самолёт, как консервную банку. Так вот, мы отвлеклись! Татьяна пообещала мне убрать этот чёртов вагон, если я приведу тебя.

— И каким образом? — скептически спросил Слава.

— Я точно не понял, во время разговора, она кивнула головой в сторону зелёного ящика, стоявшего в углу. По виду — армейский. Может взрывчатка, может газовый резак — нам было плевать. Мы согласились.

Рыжий открыл очередную дверь, зашёл внутрь и поманил ладонью ребят. Новая комната походила на склад. С обеих сторон стояли шкафы со складывающимися в гармошку дверями. Рыжий открыл один из них. Внутри, на вешалках, висели гидрокостюмы, на полках лежали маски, а на полу, вперемешку, валялись ласты. Прижавшись к стене, стояло несколько подводных ружей.

— Ты не против? — снимая с головы круглую маску, спросил Рыжий у Славы. — Я оставлю её себе?

— Забирай.

— Себе можете взять всё необходимое для всплытия. Мне не жалко.

Рыжий повернулся ко второму шкафчику. Складывая дверь, как на первом, сказал:

— Баллоны можете оставить здесь. Здесь у меня заправщик.

Внутри шкафа стоял портативный бензиновый компрессор. Аккуратно, словно вытаскивая маленького ребёнка из люльки, Рыжий выкатил его на центр комнаты. Открутил крышку с топливного бака. Наклонился к заливной горловине и втянул носом вырвавшиеся наружу пары бензина.

— Чувствуете? Это была моя главная ошибка! Вот скажите мне, как можно было пойти в магазин и на трезвую голову купить “Хондовский” бензиновый компрессор? На стенде стояла куча электрических: вытягивай провод, вставляй вилку в розетку и не думай ты про этот бензин! Но нет, нам же нужен был самый дорогой! Единственный плюс — он вечный. Во всяком случае, так мне сказал менеджер по продажам. И если он мне соврал, — рыжий вдруг вскочил, подошёл к шкафу, взял с полки маленькую белую книжечку (судя по всему

инструкция с гарантией) и начал ею трясти, — я найду его и потребую возврат!

Положив её обратно, он наклонился и достал пятилитровую канистру, прятанную в глубине шкафа.

— Здесь литра три, может четыре. На заправку двух баллонов уйдёт пол литра, но я возьму себе литр, мне еще возвращаться и всплывать по новой. Остальное отдам вам.

— Но как получилось, что самолёт врезался в дом? — было заметно, как Дашу переполняет любопытство. Она хотела задать еще сотни вопросов, узнать все подробности, понять, как тут всё устроено. Её возбуждённый взгляд скользил то по содержимому шкафчика, то по Славе, то цеплялся за компрессор.

Голубоватая струйка смочила заливную горловину топливного бочка, брызнув дорожные капли бензина по полу. От увиденного расточительства, Дашу передёрнуло. Зажигалка! Она уже собиралась ударить себя по карманам, но вспомнила, что плащ остался в каяке. Этими каплями можно было заправить зажигалку... да и не только.

Наливая бензин, Рыжий переспросил:

— Как самолёт врезался в дом? О, это было весело. В тот день мы должны были покинуть город. Мне позвонили и сообщили, что надвигается что-то страшное, но не уточнили. Просто сказали: улетать из города как можно быстрее и дальше. На юг. Я часто вспоминаю тот день, и знаете что? Многие знали о надвигающейся катастрофе! Эти засранцы всё знали! Но, что они могли сделать? Посеять панику среди жителей? Ну не суть, что сделано, то сделано. В тот день начался сильный ливень. Поливало не то чтобы из ведра, заливало как из пожарного рукава! Мы еле-еле добрались до аэропорта, я думал машину смоем с трассы, но нам повезло — немцы умеют делать стоящие аппараты. Подъезжая, уже были видны самолёты, улетающие на юг. Один за одним они взлетали и испарялись в чёрном небе. Покидали тонущий корабль как крысы! Я конечно не исключение, но крысой себя не считаю. Мы быстро погрузились в самолёт, выехали на взлётную полосу, набрали нужную скорость, но вдруг капитан заявил, что он не может взлететь! Засверкали молнии. Внутри стало светло, словно включили прожектора. Приборы показывали какую-то ахинею, но я орал во всю глотку, чтобы он взлетал! Он послушался, самолёт начал взлетать, но что-то начало бить по фюзеляжу. Глухие шлепки. Я посмотрел в иллюминатор, а там, кроме густого тумана, ничего... только голубые вспышки на мгновение окрашивали белое одеяло, окутавшее нас со всех сторон. И птицы. Это оказались птицы. Как в фильмах ужаса! Представляете себе... — округлившимся глазами, Рыжий смотрел на ребят, продолжая наливать бензин. — Они бились о корпус самолёта, врезались в стёкла, залетали в двигатели. Пилоты выгнали меня из кабины, захлопнули дверь. Испугавшись, я пристегнулся, а дальше начался аттракцион. При первом ударе о крышу дома, нас потрянуло так, что я подумал, душа моя вылетела из тела и отправилась куда-то далеко, на заслуженный отдых, но следующий удар вернул её назад. Затем еще удар, и еще. Потеряв управление, пилоты попытались посадить птичку, но куда? Везде жилые дома, детские площадки, парковки. Приборы вращались, туман скрывал действительность. Затем последовал последний удар, благодаря которому мы тут и собрались. Отстегнувшись, мы попытались выбраться. Дверь в кабину пилотов заклинило, это мы только потом узнали, что от кабины мало чего осталось и попасть в неё, даже с наружи, — невозможно. Собрались выходить через боковые, но они тоже не открывались. Оставался только шлюз. Я уже собирался открыть дверь в камеру, как вдруг самолёт затрясло, сильно затрясло. Мы повалились на пол. Началась паника. Орали все. Так страшно мне еще никогда не было, — рыжий улыбнулся.

Закончив наливать, закрутил вентиль на канистре, и протянул её Славе. Из шкафа вытянул гибкую пластиковую трубку и надел её на трубу выхлопа компрессора. Рёв мотора наполнил комнату. Заправив баллоны, бородатый продолжил: — Оказалось, это была “волна”! Окружавшие нас дома сработали как волнорезы, защитив нас от сильного удара.

В комнате, потихоньку, начал затухать свет.

— Вот! — Рыжий резко задрал голову и указал пальцем на потолок, — Видите, что происходит! Не хватает напряжения. Пойдём дальше, покажу.

Оставив на полу баллоны и канистру, они прошли в следующую комнату, радикально отличающуюся от других. Это было жилое помещение. В высоту почти два метра, в ширину два с половиной. На полу стелился дорогой ковёр, местами протёртый до дыр. Стены были отделаны настоящими дубовыми панелями, а их объёмистый узор подчеркивал свет, проникающий внутрь самолёта через десять иллюминаторов. Остальные иллюминаторы, уходящие к носу самолёта, были закрыты створками (через них свет не поступал внутрь из-за бетонных плит, грудой наваленных на самолёт). Сиденья отсутствовали, на их месте, по правой стороне, лежали три пружинных матраца с одеялами и подушками, а по левой стороне, вдоль стены, тянулся ряд разноцветных машинных аккумуляторов, связанных между собой сетью проводов. В каждом углу можно было увидеть большой горшок с неизвестным растением. Было уютно, но пахло человечеством.

Рыжий указал на аккумуляторы.

— Их напряжения хватает чтобы был свет и воздух, но не более чем на час. За пару дней до “волны” частота и сила течений увеличивается. Практически каждые десять минут в раструб турбины бьёт сильный поток, вырабатывая необходимое мне электричество. А вот когда “волна” пройдёт, течение, хотя бы раз в час, будет для меня подарком, — хмыкнув, он призадумался. — Возможно, проживая здесь в одиночку, этого и хватит, но я не хочу рисковать. Просыпаться по ночам и хвататься дрожащими потными руками за баллон — нет! Две турбины — это жизнь, одна — выживание.

— Живи в башне, — сухо сказала Даша.

— Нет! Чем там лучше?

Спорить или что-то доказывать у девушки не было никакого желания. Нет так нет.

— Вот так и живем, — выйдя на центр комнаты, сказал Рыжий, — располагайтесь! Чувствуйте себя как дома! Кушать хотите? У меня там мини-кухня... по правде — всего лишь холодильник. Пустяк конечно, ничего особенного...

— Ого! — воскликнула Даша. — Ничего особенного?! Он действительно работает?

— Да...

— Я хочу взглянуть!

— В конце комнаты, справа, за ширмой.

Даша проследовала туда, куда указывал палец Рыжего.

Шёпотом, с неестественной для него юношеской робостью, и, убедившись, что Даша не услышит, Слава спросил:

— Выпить есть?

— Выпить? — гаркнул Рыжий. — Есть, но чуть-чуть...

— Не ори ты!

— А что такое? А-а-а, — рыжие усы задрожали, — она тебе запрещает.

— Никто мне не запрещает! — огрызнулся Слава.

— Давай так: я бутылку возьму с собой, и перед тем, как заявиться к Татьяне, мы её

разопьём, пойдёт?

Немного подумав, Слава согласился.

— Ты представляешь, — раздался голос Даши, — тут и грибочки есть, и огурчики, и ананасы в банках и... фу-у-у! Тухлый помидор!

Рыжий внимательно посмотрел на Славу.

— Пойдёшь к бабке, скажешь ей, что овощи быстро вянут. Она там что-то новое испытывает, просила передать, если начнут быстро гнить.

— А ты со мной не пойдёшь?

— Нет, мне воздух нужно экономить в баллонах.

— Не боишься, что я уплыву?

— Нет, — блеснули белые зубы, — ты сам сказал: куда ты денешься с подводной лодки! Да и бутылка будет при мне.

Опустив глаза, Слава согласился с каждым произнесённым словом. Его правилам подчинялось всё, даже он сам. Хмыкнув, он осмотрел комнату и спросил у Рыжего:

— Когда ты решишь все свои проблемы, что ты будешь дальше делать? Продолжишь тут жить в одиночестве?

Прищурившись, тот ответил с азартом:

— Когда я решу все свои проблемы, я снова попытаюсь попасть в свой город.

— В свой город? Что ты имеешь в виду?

— То и имею. Когда строить в высоту стало очень дорого, моя компания начала строить дома под землёй. Пойдём, кое-что покажу.

Пройдя мимо Даши, которая успела попросить разрешения открыть банку с ананасами, они подошли к двери напротив холодильника. За ней скрывалась маленькая лачуга, имевшая в себе стол и стул. На стене висели различные фотографии грандиозных построек, вырезки из газет, и большая карта Москвы. Рыжий ткнул пальцем в красный круг, нарисованный на карте.

— Это метро “ЗИЛ”. Моя станция, мой район, мой жилой комплекс. Говорить о затратах — нет никакого смысла.

Глядя на карту, Слава заметил висевшую рядом фотографию, на которой его собеседник выглядел несколько иначе. Ровно подстриженная, ухоженная, лоснящаяся борода, дорогой клетчатый костюм, горящие глаза и улыбка до ушей. Успешный мужчина вскидывал руки, с поднятыми большими пальцами вверх, на фоне строящегося жилого комплекса. За его спиной, на бетонном постаменте, красовалась дата, собранная из больших красных цифр: 20.02.2020.

— Это я! Красавец? Да, — затянул Рыжий, — было время. Но ничего! Я попаду в свой город и буду жить как раньше.

Чавкая сочными дольками ананаса, Даша иронично заметила:

— Так там всё затоплено! В обнимку с аквалангом будешь спать?

— Нет! Мой город под землёй! Я строил для себя “Эдем”, а природа превратила его в “Атлантиду”.

Выдвинув ящик из стола, Рыжий достал сложенный пополам лист бумаги. Это оказался план с подробным описанием и изображением всех построек и коммуникаций. Разложив план на столе, Рыжий положил палец на листок и начал вести им, изображая полусферу, накрывающую дома.

— Это стеклянный купол. Внутри пять квадратных шестиэтажных домов. По десять

квартир на каждом этаже. Комплекс рассчитан на постоянное проживание около тысячи человек. Тысячи образованных, умных, культурных, богатых, думающих только о прогрессивном будущем, человек! Анклав, работающий только на зарубежные стабильные фирмы, способные дать гарантию постоянства. Никакой деревенщины, никаких мигрантов, и никаких ипотечников, думающих о том, как бы сдать квартиру!

— У тебя странные взгляды на общество, — подметила Даша.

— Нет, они не странные, а нормальные. То, что ты хочешь назвать обществом — называется толпой. Эта толпа создана для поддержания приличного общества, которое состоит из таких людей как я. Толпу загоняют в картонные квартирники, которые строю я, обеспечивают работой, которую предоставляют мои партнёры. Мы дарим иллюзию жизни, хотя это банальное существование. И самое главное — толпу загоняют в долги! Долги — железная цепь, держащая тебя за шею, не дающая расправить крылья и упорхнуть прочь.

Даша нахмурилась, а Слава спокойно слушал с улыбкой на устах.

— К счастью для меня, — продолжил Рыжий, — крепостное право никто не отменял. Поменялись условия, поменялся быт, и может показаться что люди обрели свободу, но это не так. Толпа так и продолжает отмывать грязь с дорогой обуви общества, получая за это ломоть хлеба.

— Ха, — засмеялась Даша, — а “волна” смешала тебя с такими как я! А он так вообще, чуть тебя не убил! И стоял ты на коленях возле меня, прося воду...

— Крестьяне всегда бунтуют, и вы не исключение!

Даша поперхнулась. Жёванный кусочек ананаса упал на пол.

Почесав подбородок, Слава спросил:

— Думаешь, твой город уцелел?

— Уверен! Мы строили его под Москва-рекой, с запасом прочности рассчитанным на высоту воды в километр. Мощные десять гидротурбин обеспечивают город бесперебойным электричеством. Имеются современные установки для получения кислорода, целые помещения с резервуарами, заполненными перекисью калия, необходимого для преобразования углекислого газа в кислород. Парки, сады, больница, торговый центр. Когда тут, на поверхности, мы — прошлое, то там, внизу уже наступило будущее!

— И как ты планируешь туда попасть? — Слава не скрывал интерес.

— Пока не знаю. Единственный вход — через парк. Там что-то наподобие гермодвери, открывающейся при поднесении специально ключа. Нос самолёта — и есть ключ. Осталось только освободить самолёт, взлететь, и доплыть вот сюда, — он ткнул пальцем в маленький кружок на карте, — откроется шлюзовая двери, ведущие в лифт. А дальше — спокойная, сытая, чистая жизнь на глубине порядка двухсот метров, точно не помню.

— А просто забрать ключ из самолёта нельзя?

— К сожалению, нет! Он интегрирован с блоком управления. Можно попробовать отпилить кабину, протащить её по дну, и дай бог — работает.

— Это утопия! — заявила Даша. — Безумие!

— Безумие? Да! А что сейчас можно считать нормальным? Ваши поиски бензина, проживание в небоскрёбах в ожидании удара “волны”, голод, смерть? Думайте что хотите, но я пойду до конца, и обязательно попаду в свой город!

Самолёт затрясло, как машину, несущуюся по кирпичной дороге. Лачуга наполнилась светом. Вилка, с нанизанным кусочком ананаса, заходила ходуном возле Дашиных губ. Облокотившись о дверной косяк, Слава кинул взгляд на карту, прищурился, и спросил:

— Куда дальше плывём?

— Сюда, — ответил Рыжий, пальцем накрыв на карте район “Зюзино”. — Здесь недалеко, минут тридцать-сорок, в зависимости от ветра.

— И как мы поймём, что приплыли по адресу?

— О, мимо точно не проплывём. Дно, окрашенное розовым флуоресцентным светом и обилие пузырей на поверхности, укажут нам точный адрес.

Примеряя плавательные маски, Даша, в шутку, свела глаза к носу и повернулась к Славе.

— Смешно, — холодно отмахнулся он. — Когда твоё тело свернёт узлом из-за нехватки кислорода, именно такие глаза и будут.

Нахмурившись, она отвернулась к шкафчику. Ковыряясь в куче разноцветных ласт, разбросанных по полу, она произнесла:

— Ты скучный...

— А каким мне еще быть? — вспыхнул он. — Я устал! Хочу спать, есть, пить!

Говоря это, Слава всё никак не мог выбрать — взять маску в чёрной оправе или голубой. Предпочтение он отдал всё же чёрной, в цвет своего костюма. А когда примерил её — окончательно убедился в правильности своего выбора.

Увидев, что Даша подбирает себе ласты, он невольно глянул на её ботинки. Армейские, тяжёлые. Толку от них никакого. Их смело можно надеть на бедолагу, докучающего бесполезными разговорами, затем выкинуть того из лодки и, с наслаждением, наблюдать, как бетонные ботинки утягивают его на дно. Махнув рукой, Слава подозвал к себе Рыжего.

— Найдём для девушки хрустальные туфельки?

— Надо глянуть, вроде что-то есть, — и ушёл в жилую часть самолёта.

Спустя минуту он вернулся, держа в руках розовые кроссовки и пару неопреновых носков.

— Держи, — сказал Рыжий, протягивая вещи Даше, — надеюсь подойдут. Это специальные кроссовки для ношения во-о-он тех ласт, — глазами он стрельнул в пару длинных трёхпалых розовых ласт, прячущихся в глубине шкафа. — А эти носочки сохранят твои ножки в тепле и сухости.

— Ой, как мило! — улыбаясь, Даша приняла подарок, скинула тяжёлые ботинки и облачилась в новую обувь. — В самый раз!

— Замечательно, — буркнул Слава, — маску выбрала?

Снова сведя глаза к носу, Даша ответила как робот.

— Выбрала...

Увидев напряжение, волной захлестнувшее Славу, Рыжий хитро ему подмигнул. Слава прищурился, изобразив недоумение. Кивая головой и дергая глазами, словно охваченный нервным припадком, бородатый указывал куда-то вниз. Слава послушно опустил глаза, до конца не понимая, что происходит. Из-за спины “дёрганого” выглянула бутылка вискаря, прячущаяся всё это время в левой руке. Сглотнув слюну, Славини глаза заблестели, а щетинистые щеки расплылись в широкой улыбке. Вернулось настроение. Даже кривляния Даши больше не вызывали у него раздражение. Наоборот.

Надев жилетку с баллоном, Рыжий спрятал бутылку в подсумок, висевший сбоку. Взял маску с ластами. Проходя мимо, шепнул Славе на ухо:

— Поплыли за закуской?

Слава хотел ему ответить, но вдруг ощутил на себя женский взгляд, искрящийся подозрением.

— Давай, я тебе помогу, — не дожидаясь неудобных вопросов, Слава предложил Даше свою помощь.

Подняв с пола сиротливый баллон, он аккуратно, словно надевая пальто на девушку в

дорогушем ресторане, накинул его на хрупкие женские плечи. Застегнул молнию на жилетке, проверил насколько плотно она сидит и, убедившись, что всё в порядке, подтолкнул её в сторону хвоста самолёта. Взяв с собой маску и ласты, она засеменила вслед за Рыжим.

Бородатый уже было вышел из комнаты, как вдруг замер, обернулся и через Дашу крикнул:

— Возьми канистру!

Протянув руку к ручке, Слава ощутил прилив злости. Бородатый стал вести себя нагло. Вольничать. Ставить свои условия, находясь в невыгодном положении. Приказывать. Он явно манипулировал ими, используя доверчивость и целеустремленность Даши и вредные пристрастия Славы. Бутылка и канистра были чем-то вроде поводком для непослушных, вечно убегающих собак. Но когда мы успели надеть ошейник, спросил у себя Слава. Конечно! Когда зашли в чужой дом... Дом есть дом, и думать в нём хозяин может как угодно.

Проглотив душевные смятения, Слава взял канистру и двинулся следом.

В шлюзовой камере все подготовились к погружению. Слава еще раз, внимательно, осмотрел снаряжение Даши. Проверил молнию, подтянул рукава, расправил складки.

— Запотеет, — сказав это, он стянул с её головы маску, обмакнул в воде и попытался надеть обратно.

— Больно! — запротестовала Дарья, убирая мужские руки прочь. — Решил все волосы мне выдрать?!

Стоя в сторонке и посмеиваясь над неуклюжими ухаживаниями, Рыжий внимательно осматривал костюм Славы. С виду — обычный, но “жаберная” система сгибов на коленях, локтях и подмышках вызывала неподдельный интерес. Он долго силился, и вот решился.

Выслушивая необоснованные претензии Даши, Слава почувствовал прикосновение к своей руке.

— Эй? Ты чего? — отдёргнув руку, возмущённо спросил Слава.

— Где ты его взял? — вновь протянув руку, Рыжий провёл пальцами по стежку, оставленному, судя по всему, после какого-то шеврона, висевшего на плече.

Не задумываясь, Слава ответил:

— Нашёл.

Рыжий не поверил, но попытался изобразить на лице маску согласия. Еще раз, осмотрев костюм, он протянул:

— Говоришь: нашёл... Покажешь на карте — где именно?

— Там больше нет, — отрезал Слава.

— Жалко. Нет, не то чтобы я хотел себе такой же, но при моих финансовых возможностях — у меня всегда было всё самое лучшее. Но ни в одном магазине, ни на одном острове, я похожих костюмов не встречал.

— Возможно, он и не так хорош, как ты думаешь.

— А я думаю — ты лукавишь. Для чего сделаны эти накладки? Для лучшей обтекаемости?

Глаза Рыжего блестели от любопытства, но никакой агрессии в них не читалось. Он спокойно рассматривал костюм, изредка акцентируя своё внимание на деталях. Возникшее желание вытащить нож Слава быстро унял. Выпрямив ногу, на которой висят ножны, он продолжил проверять снаряжение девушки, оставив Рыжего без ответов.

Спустя минуту Слава сказал:

— Мы готовы.

— Хорошо, — подойдя к лестнице, Рыжий поманил к себе ребят. — План такой: ныряете в дырку, и, медленно, чтобы кровь не закипела, всплываете. Я закрою шлюз, отвяжу трос и последую за вами. Ясно?

— Ясно! — ответ эхом скользнул по стенам.

Самолёт снова затрясло.

— Без паники! — прислонившись к стене, успокоил Рыжий. — Сейчас пройдёт, — и у нас будет минут пять.

Все надели маски.

Взяв в рот загубник, Даша сделала пробный вдох. Всё работало. Затем кивнула головой, дав понять, что всё хорошо.

— Не страшно? — спросил у неё Слава.

Девушка отрицательно покрутила головой.

— Хорошо. Я пойду первым, — уверенно сказал Слава, даруя всем присутствующим частичку своей смелости.

Когда самолёт успокоился, Рыжий скомандовал:

— Пошли!

Сделав три глубоких вдоха, Слава спустился по лестнице под воду, превратившись в кривое чёрное пятно. Следом спустилась Даша.

Оставшись наедине, Рыжий тоскливо осмотрелся. Словно в последний раз, он потрогал холодный поручень лестницы, притронулся к стене, посмотрел на пол. Грудную клетку сдавило, но не из-за перепада давления, а из-за страха. Страх смерти и одиночества. Только сейчас он начал осознавать, что остался один. Теперь он — никому не нужный человек. Теперь он один будет жить, один будет спать. Добывать еду, решать проблемы и выживать, тоже один. Впереди рисовалась перспектива неопределённости, и уже приглашение — жить в башнях — ему не казалось столь оскорбительным. Но, представив, как он разделяет тёмный угол с грязным мужланом, штаны которого пропитаны мочой, а изо рта воняет гнилью, Рыжий ощутил волну отвращения, пробежавшей судорогой по всему телу.

— Нет! — сорвалось с его губ. — Я справлюсь!

Попрощавшись с “домом”, хотя ранее он никогда этого не делал, Рыжий гордо спустился по лестнице, ни на секунду не переставая ощущать во рту кислый привкус тоски.

Высвобождая мириады мелких пузырей, Даша подплыла к Славе. Застыв на месте, он внимательно окидывал взглядом пятиэтажку, ставшую постаментом для самолёта. Пустые окна. Водоросли, тянущиеся в квартиры, подобно костлявым пальцам мертвеца. Ржавые корпуса кондиционеров. Рыбы. Грязь. Песок перед глазами, взъерошенный течением.

Хотелось выпить. Сменить заезженную пластинку. Прикрыв веки, Слава смотрел на мир сквозь влажный фильтр, превращающий предметы в плывущую перед глазами пыль. Для него это был обычный, скучный, надоедливый пейзаж, преследующий его каждый день.

Но не для Даши.

Забыв про всё на свете, девушка с удивлением озиралась по сторонам. Показывала Славе пальцем на то, что он видел сотни раз. А когда она увидела покорёженный самолёт, стальные крылья, валяющиеся под ногами, её загубник чуть не вылетел изо рта, так сильно ей захотелось охнуть. Внутри проснулся дух исследователя, указывающий невидимой рукой на дом. Манящий в каждую квартиру, в каждую комнату, и в каждый шкаф. Ох, сколько

всего теперь она могла найти, имея маску, баллон и ласты. Возможности опьянили её разум. Она уже решилась подплыть к дому, заплыть в ближайшую квартиру, как вдруг, мужская рука легла ей на плечо.

Сквозь частично запотевшее стекло, Даша увидела пристальный взгляд Славы. Он вскинул голову и пальцем указал наверх. Затем протянул ей руку.

Держась за руки, они начали медленно всплывать. Под ногами мелькнул силуэт Рыжего, двигающегося в сторону дома. Он подплыл к ржавому пруту, торчавший кривой палкой из поломанной бетонной плиты, отвязал верёвку, и тоже начал всплывать, но чуть быстрее. За пару метров до поверхности они поравнялись. Вместе ощутили на своей коже прохладный ветерок и тёплые лучи солнца. В стороне их терпеливо дожидалась надувная лодка и зелёный каяк, с надписью: “Ирина”.

Выплюнув загубник, Даша прокричала:

— Хочу еще! — подплыв к Славе, она заглянула ему в глаза, — Надо еще нырнуть! Мы теперь сможем всё обследовать! Я могу... Я могу... — она оглядывалась по сторонам пытаясь найти визуальную подсказку, но вокруг была одна вода. Поток мыслей путал речь, а ей так многое хотелось описать, рассказать и показать.

Чувство эйфории прервал грубый мужской голос.

— Не обольщайся, — прокряхтел Рыжий, забираясь в лодку, — воздуха хватит минут на десять. Чтобы получить истинное удовольствие от погружения, нужен баллон побольше, а лучше пару.

Стягивая с себя жилетку, Рыжий продолжил:

— Снимай свой баллон и закидывай в лодку. Сидеть с ним будет неудобно.

Слава помог Даше снять жилетку, а Рыжий, в свою очередь, помог затащить баллон и канистру на борт.

Уверовав и обуздав всю силу, которую человек обретал, натягивая ласты, Даша с лёгкостью забралась в каяк. Усиленно работая ногами, она смогла выскочить из воды по пояс и лечь грудью на каяк, затем перекинуть ногу и усесться, как в седло.

Увиденное поразило Славу. Он скривил губы и повторил всё точь-в-точь.

— Ты быстро учишься, — гордо произнёс Слава, снимая весло с крепежа.

Натянув уголки губ, Даша резко к нему повернулась; своё весло она сняла раньше.

— У меня хороший учитель.

— Разве? Я еще тебя ничему не учил.

— А я разве о тебе говорю?

Лицо Славы окаменело. Прищурившись, он хотел ответить ей как-то дерзко, необычно, но передумал.

— Ладно, — кинул он, слегка улыбнувшись, и посмотрел на Рыжего, — куда плыть, капитан?

Смотав веревку, Рыжий убрал её под брезент, достал компас, находившийся внутри стеклянного шара, определил направление и, молча, указал пальцем на восток.

— Надеюсь, — нарушил он молчание, — сил хватит, а то руки уже гудят.

Вставив вёсла в уключину, Рыжий подгрёб к ребятам и скомандовал: — Вперед!

Солнце, похожее на раскалённую докрасна монету, невидимой рукой вплавало в горизонт, углубив на пару миллиметров. Высвобождая багровые клубы пара, вскипевшая вода раскинулась пологими волнами, успевшими нагнать трёх путников. Пенясь, вода разбивалась о корму плавательных средств, по-дружески подгоняя их вперёд. Лёгкий стылый

ветерок дул в спину. Шумели вёсла. С бортов капала вода. Для полной картины спокойствия и идиллии не хватало трелей птиц, покинувших этот город навсегда.

За бестолковой болтовнёй время пролетело незаметно. Рыжий рассказал ребятам, как сумел разбогатеть во время кризисов, охватывавших страну с подозрительной периодичностью.

— Каждый кризис — это возможность, — сказал он, — Паника, возникшая в толпе, — пылесос, выкачивающий деньги. Народ боится, но это ему и свойственно. Конечно, когда твои светлые мечты о будущем в одну секунду оборачиваются серой надеждой хоть на какой-то завтрашний день, как тут не испугаться. Все сразу бегут продавать всё, что можно продать, рассчитывая у себя в голове создать иллюзию обеспеченности. Кому-то помогает, кому-то нет, а кто-то, ну допустим — я - покупает. Беру пачку “кэша” и захожу на рынок, а следом за мной прут голодные собаки, остатки подбирают. Толпа думает, что обладает ценными вещами. Отчасти это правда, но с поправкой — ценными они станут там, в будущем, когда пройдёт кризис. А сейчас — это обычные вещи, которые я выкупаю по выгодной для меня цене.

— И что это за вещи? — спросила Даша, но не из-за любопытства, а из-за возможности хоть на минуту отвлечься от изнурительной гребли.

— Меня, конкретно, интересовали: недвижимость, машины, акции и золото.

— А в этот кризис что купил? — иронично, не скрывая нагловатой улыбки, спросила Даша.

— Да это разве кризис! — возмущённо воскликнул Рыжий, что даже слюна вылетела изо рта.

— А что по-твоему?

— По-моему — это полный пизд...

— Смотрите! — заверещала Даша, указывая пальцем на воду. — Скаты уплывают на юг!

Под лодкой, сгрудившись плотной стаей, проплывали скаты, дюжин десять. Похожие на прямоугольные бумажные салфетки, пропитанные кофе, они непринуждённо размахивали крыльями, двигаясь в сторону ближайшего района. На первых этажах покинутых квартир скаты начнут спариваться, а когда волна пройдёт — поплывут дальше, убегая от надвигающейся зимы.

— Вот бы сейчас нырнуть, — увлеченно произнесла Даша, нежно тыкая веслом в проплывающего мимо ската, — и посмотреть, как они облюбуют дом.

— Ныряй, — раздался голос Славы, — только если они тебя ужалят, доставать я не полезу.

— Больно будет?

— Смертельно! — заявил Рыжий. — Как-то на моих глазах, туземца, устроившего нам тур по голубому дну, ужалил в ногу скат. Хвостом ударил и уплыл дальше, подняв со дна песок. Когда мы всплывали, беднягу охватила судорога. Пальцы рук свернуло в спазме, а покрасневшие глаза практически вылезли из орбит, разъехавшись в разные стороны. Если честно, было бы гуманнее, если бы мы дали ему захлебнуться. Но кто знал... кто знал... На суше его свернуло узлом и он умер, от удушья.

— Кошмар, — протянула Даша.

— Ныряй! — крикнул Слава, в шутку хватая девушку за плечи.

Взвизгнув, Даша чуть не выронила весло.

— Дурак! — резко кинула она и обиделась. Затем положила перед собой весло и

сложила руки на груди. — Дальше гребь сам!

Рыжий захохотал. Следом подтянулся Слава.

Даше стало обидно. Её шуки вспыхнули, как раскалённые угли. Зыркнув на Рыжего исподлобья, она гневно произнесла:

— Сейчас выловлю одного и кину в тебя!

— Прости! — Рыжий быстро успокоился, прекратив смеяться. — Прости! Но если бы ты видела себя со стороны, я уверен, сама бы не удержалась...

— Да... — начал было Слава, но не договорил.

— А с тобой я вообще не разговариваю!

Слава посмотрел на Рыжего, в надежде получить хоть какую-то поддержку, но тот лишь пожал плечами, мол сам виноват — сам и решай проблему.

Тишину окутавшую путников прервал уставший мужской голос.

— Это оно? — опустив голову на плечо, Слава хмыкнул и уставился на воду, — Первый раз такое вижу!

Даша заелозила на месте, засуетилась, но, куда смотрит Слава, так и не поняла. Оборачиваться и спрашивать она принципиально не хотела. Глаза на месте — сама увижу, если только это не очередная тупая шутка.

— Приплыли, — кинув взгляд за борт, Рыжий положительно качнул головой, — это оно...

Даша проследила за его взглядом, опустила глаза на подрагивающую воду и, от удивления, замерла. Как он и говорил: под водой, на дне, можно было разглядеть розовое свечение, исходившее от дома. В одной из квартир горел свет. Это одновременно удивляло и возбуждало воображение. Скажи вчера Даше, что люди могут жить под водой, она бы рассмеялась и покрутила пальцем у виска. Но сегодня, уже во второй раз, ей приходится переступить через невидимый порог между вымыслом и реальностью. Что еще их ждёт сегодня? Рабочие больницы... рабочий метрополитен... а может магазин, в котором кассиры продолжают пробивать товар на кассах...

Все эти мысли уже не казались столь безумными и нереальными. Да что тут говорить — Рыжий ищет город! Свой город... А вдруг он существует? Вдруг там беззаботно живут люди, даже не слышавшие про “волну”! Не знающие голода, болезней, боль утраты. Последний год фитиль надежды на возвращение прошлой жизни практически прогорел, оставив крохотный кусочек хлопка. И вот сейчас, Даша ощущала, как этот крохотный кусочек хлопка, способен разгореться с такой силой, что сможет осветить весь город. Сегодня, в башню, она принесёт не только бензин с овощами, но и надежду! Главное — чтобы люди поверили! А где есть вера — там есть и будущее!

— Ты готов? — обратился Рыжий к Славе.

Слава не ответил. Он сидел с закрытыми глазами и учащённо дышал, неподвижно. Он чем-то напоминал буддийского монаха, читающего про себя мантру. За его спиной заходило солнце, рисуя вокруг тела кольцо, похожее на ореол.

Рыжий перевёл взгляд на Дашу.

— Что с ним?

— Медитирует.

— Зачем?

Даша пожала плечами.

— Он не говорил.

— Я догадываюсь, — поглаживая бороду, Рыжий чуть наклонился вперёд, к Славе, — готовится к погружению. Если это действительно помогает — он должен меня научить!

— Я, — вдруг ожил Слава, не открывая глаз, — никому ничего не должен! Вы можете помолчать пять минут? Я прошу всего пять минут!

Речь его была нервной, отчасти резкой. Посторонние разговоры его явно отвлекали, мешая сосредоточиться.

Рыжий достал жилетку со дна лодки, расстегнул боковой подсумок и достал бутылку вискаря.

— Хочешь выпить?

— Нет! — запротестовала Даша, — Вот вернется, и хоть упейтесь!

— Да чем тут упиваться? — усмехнувшись, сказал Рыжий, глядя на солнце сквозь бутылку. — На доньшке...

Слава приоткрыл один глаз и жадно посмотрел на бутылку. Успокаивающую картинку смяло хмурое лицо Даши, появившееся сбоку. “Нет, — подумал Слава, — пока она своё не получит — не успокоится! На пять минут тишины рассчитывать тоже не стоит”.

— Убери, — с трудом выдавил Слава из себя, — оставь для встречи с неизвестным.

— Это ты про Татьяну? — широко улыбнувшись, Рыжий спрятал пузырь, — Прекрати. С твоими способностями она будет беречь тебя, как государство бережёт золото во время кризиса. Ладно, ты нырять то собираешься?

— Собираюсь, — обмакнув маску в воде, Слава спросил, — к чему готовиться, куда плыть?

— Плыви на свет, как мотылёк. Третий подъезд. Первый этаж. Поверь, мимо не проплывёшь, но если всё же заблудишься — кричи! И кричи громко, чтобы мы могли услышать, а то как нам понять, что с тобой что-то приключилось.

Хохотнув, Рыжий подмигнул Даше.

Впервые за долгое время, Девушка засмеялась. Даже увидев строгий взгляд Славы, она продолжила, надеясь таким образом его задеть. Еще теплилась обида за недавнюю шутку.

— Смешно, — буркнул Слава, — Дальше что делать?

— Ну... А дальше позвони в дверь.

— Позвонить в дверь?

— Да, позвонить в дверь. Что тут такого непонятно? Пальцем ткнёшь в звонок, дверь и откроется.

— Она впускает всех в подряд?

— Я что-то не вижу тут очереди из людей, желающих нырнуть на дно, погулять по улицам, зайти в местный бар и отведать вкусных овощей. Не переживай, впустит.

— Хорошо, — затем Слава надел маску. Уперевшись руками в борта каяка, привстал и вытащил ноги. Проверил нож — на месте. Повесил на руку фонарь. Стараясь не перевернуть каяк, аккуратно соскользнул в воду.

— Как к ней обращаться?

— Лариса Петровна! Привет от меня передавай!

Кивнув головой, Слава сделал три глубоких вдоха, включил фонарь, и скрылся под водой.

Приближаясь к дому, Слава внимательно оглядывался по сторонам. Необычное место могло в себе таить множество сюрпризов. Рядом могли обитать необычные животные, рыбы, и наконец — плавать люди. Возможно он мог встретиться с хозяином квартиры у двери,

когда тот не ждал гостей и был настроен агрессивно. В свете последних событий, вообще могло произойти всё что угодно. Подводный мир, каким его знал Слава, стал для него другим. Теперь на его пути могла встретиться не только мелкая рыбёшка, прожорливый сом или ржавый, покрытый глубокими пробоинами корабль, но и затопленный самолёт, Жилой дом, и даже, есть вероятность, что где-то существует целый подводный город, в котором обитают люди. В рассказ Рыжего Слава не поверил, но сейчас, видя, как из окон квартиры на первом этаже разливается розовым туманом свет по улице, — он поверил. Он поймал себя на мысли, что его уже не так сильно беспокоит встреча с Татьяной, как возможность лицезреть микрорайон, прячущийся от посторонних глаз под толстым куполом из стекла. Сомнения, как стая голодных волков, накинута на разум Славы, но людское любопытство взяло вверх, уводя охотника вглубь леса. Нужно делать всё по порядку, иначе будет хаос.

Приятный глазу розовый свет нежно накрывал ветхие деревья, давным-давно высаженные вдоль окон, кусты, сделанные природой из металлической сетки с обрывками пластиковых пакетиков вместо живых листьев, и лавочку, сиротливо скучающую возле дома. На детской площадке, через дорогу, стояли ржавые, сваренные из металлических прутьев, каркасы сказочных животных, сменивших свою шкуру на тряпье из тины.

Возле подъезда царил чистота, и лишь потрескавшийся, местами вспученный асфальт говорил, что человек здесь больше не хозяин.

Словно школьник, поддавшийся искушению, Слава украдкой заглянул в ближайшее окно. Перед глазами появилась необычная комната. Потолок усеян флуоресцентными лампами, стены отделаны толстыми панелями из поликарбоната, и пушистые зелёные кусты всяческих растений, размещившиеся на металлических столах, стоявшие аккуратными рядами. Можно было заметить поспевающие помидоры, огурцы. Кочан капусты и арбуз, лежавшие бок о бок на небольшой грядке, сделанной из металла. Укроп, петрушку, кабачок.

От увиденного, Слава обомлел. Проснулось чувство голода. Желание сожрать спелый помидор, почувствовать вкус арбуза, сок, что наполнит рот, чуть не заставило его выдохнуть весь кислород из лёгких.

Взяв себя в руки, он отплыл. Подплыл к подъезду и вытянул руку с фонарём.

Луч света нырнул в зеву дома. Показалась лестница, очищенная от водорослей, облупившиеся стены, потолок, поросший морским мхом, и двухметровая рыбина, чья чешуя, переливалась сине-зелёным цветом, блеснула в свете фонаря. Извиваясь, рыба выскочила из подъезда и юркнула в ближайшее окно пустующей квартиры. За ней, жадно вгрызаясь в её хвост, следовало чёрное облако, состоящее из мелких рыбок.

Когда багровый след, тянущийся за рыбиной как инверсионный след от ракеты, растворился, Слава заплыл в подъезд.

Держась за перила, затянутые ржой и тиной, поднялся по лестнице.

Судя по всему — первая дверь справа. На стене, на уровне плеча, висела маленькая узкая коробочка — звонок, а вместо привычной кнопки — резинка, облегающая весь корпус; чем-то напомнило смартфон в презервативе. Встав напротив двери, с виду обычной, Слава позвонил.

Тишина. Слышны лишь редкие удары Славиного сердца, отчаянно пытающегося сбересть кислород.

Осмелившись, Слава дёрнул за дверную ручку.

Снова тишина. Волнение нарастало. Да и рыбина с прицепом могла вернуться в любой момент, хотя, скорее всего, с её хребта уже доедали остатки мяса.

Палец Славы приблизился к звонку и в этот момент раздался гул, похожий на работу электромотора.

Дверь, оказавшаяся в толщину сантиметров десять, начала открываться. Без скрипов, воев и мучений. Из появившейся щели наружу хлынули пузыри воздуха, целиком окутывая потолок и Славу.

Когда вода успокоилась, Слава увидел узкую шлюзовую камеру, с еще одной глухой дверью. Внутри светло. Испытывая смежное чувство волнения и любопытства, он выключил фонарь и заплыл внутрь.

Наружная дверь закрылась. Камера окрасилась в красный цвет. Волнение и пульс росли, сжигая драгоценный кислород. Гул мотора усилился. Давление внутри поднялось и вода начала уходить, стравливаясь сквозь мелкие отверстия в полу.

Закружилась голова. Слава вскинул руку, пытаясь найти ровную поверхность для упора, но нащупал две трубы, тянущиеся от потолка к полу. Ему дико хотелось сделать вдох, наполнить лёгкие свежим кислородом, но он боялся рисковать.

Когда вода полностью ушла, на место красного освещения пришёл нежно зелёный свет. Стянув маску, Слава сделал короткий вдох, пробуя окружающий кислород на вкус. Мягкий, влажный кислород стёр острое покалывание в лёгких, убрал головокружение, развеял страхи. Слава выдохнул и глубоко вдохнул. Затем еще раз, и еще.

Вторая дверь приоткрылась.

— Заходи, — раздался женский мягкий голос, — не стой на пороге.

Толкнув дверь, Слава вошёл внутрь. В паре метров от него, повернувшись спиной, стояла женщина. Она увлечённо раскладывала что-то на столе, не обращая внимания на гостя.

— Антон, — продолжила она, — я тебя не ждала. Ты прекрасно знаешь, сколько энергии уходит на осушение прихожей.

Смутившись, Слава сдвинул брови и, боясь напугать хозяйку, медленно проговорил:

— Я не Антон.

Капли конденсата, образующиеся в процессе выпаривания солёной воды, рывками стекали по поликарбонатным пластинам, оставляя за собой кривые мазки. Капли затекали в узкие цинковые желоба, висевшие на стене, и становились частью бесконечного ручейка, усердно наполнявшего бутылку.

Когда стеклянное горлышко начнёт изрыгать избытки воды, тонкие женские пальцы, с выпученными синими венами и бурными редкими пятнами, напоминающими ржу на металле, заберут бутылку, а на освободившееся место поставят пустую. Таким образом, хозяйка квартиры собирала за сутки до трёх литров дистиллированной воды, необходимой ей не только для жизни, но и в хозяйстве.

Назвать такую воду полезной — сложно: по причине отсутствия природных минералов необходимых организму человека. Но, если мы возьмём листья кабачка, половинку огурца, концентрат минералов, полученный из подручных растений, и всё это замочим в нашей воде на ночь, то на утро получим бодрый витаминный коктейль, вид которого будет портить только отсутствие зонтика.

Лариса Петровна прекрасно это знала, так как до прихода “волны” на протяжении тридцати пяти лет проработала деканом в государственном аграрном университете имени Тимирязева. Вырастить дерево в бетонном полу заброшенного завода имени Ленина для неё было плёвым делом. Своим ученикам она говорила: “Дайте мне любую поверхность (хоть Луну), лопату, “Байкал” (микробиологическое удобрение собственного производства), семена, и я выращу вам райские кущи”. Прямо как Архимед, со своим рычагом и точкой опорой. Как жаль, что он не может поступить так с луной, закинув её обратно на свою орбиту, и тем самым прекратить весь тот кошмар охвативший землю.

Под розовым светом фито ламп, хозяйка квартиры орудовала в парнике. Срезала пожелтевшие листья. Бережно, вокруг растений, вспахивала землю садовой тяпкой. Срывала спелые овощи. Собирала семена. Поливала. И просто, по человечески, наслаждалась любимой работой, отвлекая себя от одиночества, накидывающееся на пожилого человека, как стая дворняг на прохожего.

Закончив в одном парнике, она неторопливо перемещалась в другой, где температура и влажность были чуть выше. Утерев рукавом пот со лба, она цепким взглядом пробежалась по помещению, оценивая проделанную работу. Насладившись, переместилась в подсобку, где нужно было следить не за ростом растений, а за их разложением.

На маленьком пятачке комнаты, размером два на два, стояли три металлические бочки, обложенные ворсистым утеплителем. Каждая на двести литров. Пластиковые трубки, тянущиеся от крышек, затмевали стены, напоминая систему сосудов, но вместо органов, они питали резиновые мешки, висевшие под потолком на стальных крючьях.

Скинув скобу с замка, Лариса Петровна откинула крышку с бочки и заглянула внутрь. Перед глазами бурлила бурая жидкость, по консистенции напоминавшая отработанное моторное масло. Взяв палку, стоявшую в углу, женщина принялась размешивать содержимое, стараясь поднять со дна весь осадок.

Поверхность забурлила. Запах можно было сравнить с коровником, где туши животных перегнивали в собственном навозе вторую неделю. Но Ларису Петровну это не смущало, наоборот.

Закрыв глаза, она сделала глубокий вдох.

Появившаяся на её лице улыбка не должна вас смутить. Само собой запах был отвратительный, но он был насыщенный, бодрый и самое главное правильный, — от того и улыбка. Это была улыбка успеха.

Принеся с кухни кастрюлю с кипящей жидкостью, Лариса Петровна опорожнила её в бочку и снова всё перемешала. Убедившись, что всё сделано по рецепту, она расплылась в довольной улыбке, как девочка берущая леденец из рук незнакомца, и накинула крышку. Щелкнул замок. Задёргались трубки. К утру резиновые мешки наполняются биогазом. Раздуются до треска и станут похожими на автомобильные камеры от покрышек. Затем, при помощи компрессора, биогаз откачают в металлический баллон, и его можно будет использовать в быту.

Для Ларисы Петровны это был обычный скучный рабочий процесс, который нельзя было разбить на дни, недели или годы. Это был непрерывный цикл, обеспечивающий хозяйку всем необходимым для жизни. Иногда у неё появлялось непреодолимое желание плюнуть на всё, опрокинуть бочки, затопить хату. Но каждый раз её что-то одёргивало, кидая в работу с новой силой.

Она уже забыла то чувство, когда смотрела на мир взглядом свободного человека. Человека, живущего не ради жизни, а ради свершения высоких целей. Ради будущего. Ради солнца и любви. Собственные технологии поработили её, заставив инстинкт самосохранения работать круглосуточно. Где-то глубоко в мозгу сидит маленький человечек, постоянно пинающий тебя под зад, когда ты хочешь протянуть уставшую руку разума к своему внутреннему выключателю. Так и задушила бы этого мелкого паразита, подумала Лариса Петровна, закончив работать.

Шаркая тапочкам по потрескавшемуся линолеуму, она вышла на кухню. На плите, лязгая крышками, кипели кастрюли. Играла музыка: что-то вроде Джимми Хендрикса.

Смывая грязь с рук, она почувствовала щекотливое шевеление в ногах. Наглый рыжий котёра тёрся о штаны и громко мяукал, умоляя хозяйку дать пожрать.

— Хорошо! — устало бросила женщина. — Твоя взяла.

Открыв дверцу полки висевшей над раковиной, она достала пакетик собачьего корма.

— Извините, — пробубнила она, вываливая содержимое в миску, — нашла только это. М-м-м, вкуснятина! — и причмокнула губами.

Понюхав харчу, кот воротил носом и убежал за холодильник, трясая своими большими, пушистыми как помпоны, яйцами. Спрятавшись, начал дерзко мяукать.

— Засранец! — крикнула женщина в след. — У меня нет возле дома супермаркета! А если ты продолжишь меня пытаться своим “пением”, в следующий поход я возьму тебя с собой, и молись, чтобы девяти жизней тебе хватило под водой!

“Пение” хлеставшее нервы прекратилось.

— И на том спасибо! Ладно, пора и себе что-нибудь сварганить.

Забыв, куда поставила тазик с овощами, она волчком закрутилась на месте.

— А! Вот ты где, — он стоял на полу у двери.

Прежде чем забрать тазик, хозяйка зашла в свою спальню и переделалась, сменив грязную кофту на вязаный кардиган с большими круглыми пуговицами.

Вернувшись на кухню, поставила таз на стол, и, под тёплым светом, льющимся из лампы Ильича, взялась за приготовление салата.

Стучал нож, летели брызги сока. Ощущался приятный запах натуральных овощей. Слёзы

срывались с глаз и падали на дешёвую скатерть, но не из-за обиды или сожаления, а из-за лука, обычного репчатого.

Вылизав миску до блеска, котяра запрыгнул на стол и снова начал мяукать, прося хозяйку обратить на него внимание.

— Мяу! — и чуть не лишился своих яиц, юркнув напрямиком под нож.

Ломтики овощей упали на ковёр.

Гнев распахнул веки с редкими ресницами. Крик хозяйки оказался громче крика Джимми Хендрикса, поджигающего гитару на фестивале Вудстоке, но не громче звонка в дверь, наполнившего квартиру трелью птиц.

Резко обернувшись, Лариса Петровна уставилась на дверь. Гостей она не ждала. Вроде.

— Утащи меня течение! Кого там принесло?!

Вытерев рукавом слезы, двинулась к двери, ворча непристойности себе под нос.

— Иду! — крикнула она, хотя в этом не было никакой надобности; кроме кота её никто не слышал.

Нажав на кнопку возле входной двери, переместилась к зеркалу, висевшему на стене, там же. В отражении появилось симпатичное, великолепно сохранившееся для своих лет женское лицо. Чёрные глаза. Гладкий лоб. Только тянущиеся барханы от подбородка к уголкам губ могли выдать истинный возраст хозяйки. Стерев разводы от слёз, собрала длинные седые волосы в хвост, ярко улыбнулась, блеснув жемчужными зубами, и вернулась к столу, продолжив ожидать гостя за готовкой. Взяв нож, недовольно шепнула:

— Придётся готовить на двоих, — но гость не входил, даже когда дверь приоткрылась. — Заходи! — мягко произнесла она. — Не стой на пороге.

Лязгнув петлями, дверь отворилась. Послышались неловкие шаги, сопровождающиеся характерным шарканьем пластиковых ласт по полу.

— Антон, — продолжила она, — я тебя не ждала. Ты прекрасно знаешь, сколько энергии уходит на осушение шлюза.

Ответ её удивил. Ввёл в ступор. Она вдруг замерла, сжалась как пружина, и резко обернулась, держа перед собой нож.

В прихожей стоял незнакомец. Небритый, высокий, в чёрном гидрокостюме. Тряпка под его ногами успела пропитаться водой.

Женщина скривила лицо, пытаясь осознать происходящее, но желание не верить своим глазам превалировало.

— Ты кто? — спросила она, чуть успокоившись, но рукоятку ножа сдвинула сильнее.

— Лариса Петровна, — спокойно произнёс незнакомец, — я от Рыжего.

— От кого? — протянула женщина удивлённо. — А! От Рыжего... — и засмеялась. — А сам он чего не пришёл?

— Всё банально: в его баллоне не хватит воздуха на обратный путь.

— А ты как? Где твой баллон?

— Я без баллона.

— Ты с поверхности?

— Конечно! А бывают люди... — запнувшись, незнакомец с любопытством оглянулся по сторонам, и, хмыкнув, закончил свою мысль несколько иначе: — а ведь бывают и не с поверхности...

— Раз ты с поверхности, можно поллюбопытствовать: как же ты сюда спустился, без баллона? Жабры отрастил?

Похлопав ладонью по груди, незнакомец ответил:

— Вот мои баллоны. А вот тут жабры, — он начал оттопыривать ворот костюма, не скрывая наглой ухмылки.

Женщина сдвинула белёсые брови, прищурилась.

— Это шутка?

— Что именно?

Положив нож на стол, Лариса Петровна скрестила руки на груди и кинула недовольный взгляд, способный осадить любого. Напряжение спало, страх улетучился, даже не успев приземлиться. Подобной клоунады она вдоволь насмотрелась на своих уроках.

— Ты мне напоминаешь моего ученика, он тоже любил пошутить. Ежедневно, на каждом моём уроке, он пытался развеселить всю аудиторию, мелко подшучивая надо мной. То на доске что-то напишет, то к стулу прилепит кнопку, то сфотографирует на мобильный телефон и через дебильное приложение, предварительно наложив на фотографию фильтры и свои пубертатные зарисовки, разошлёт всему классу. И это студент — будущий агроном! Специалист, чья задача обеспечить страну сытой жизнью! И я вынуждена его учить, пытаюсь не обращать внимания на его насмешки. Как педагогу, мне стыдно за мои мысли, но каждый день меня обуревало желание подбежать к этому говнюку, замахнуться деревянной указкой и врезать ему по губам. Затем затолкать кусок мела ему в глотку и наблюдать, как он будет смеяться, плюясь во все стороны пенистой кровью. Тогда я мечтала о тишине. Но что взять с потерянного поколения? Они вынуждали меня поднимать голос, делать замечания. В первую очередь — это не профессионально, во вторую — проявление слабости. Пришлось непрофессионально скрыть слабость, ударив хама ладонью по губам. Надеюсь ты меня не будешь вынуждать поднимать голос?

— Ого, — удивился незнакомец, — вы были преподавателем?

— Деканом!

— И что стало с тем парнем?

— Не знаю. Сдох наверно, как и многие. А вот если бы учился хорошо, слушал лекции, и не мешал своим сокурсникам, может и набрался бы ума. Оборудовал бы на своей даче что-то похожее на это, — вскинув руки в разные стороны, она очертила круг, намекая на свою квартиру, — да и жил бы себе спокойно, выращивая овощи под землёй.

Незнакомец кинул сочувствующий взгляд.

— И как вы тут одна справляетесь? — спросил он, надеясь хоть как-то разрядить обстановку.

— Замечательно! У меня с такой лёгкостью получается вести хозяйство одной, что я уже мечтаю о приходе глубочайшей депрессии, заставившей меня выйти наружу, израсходовать весь кислород в баллоне и по пути домой захлебнуться. Впрочем, зачем домой? Можно вообще никуда не ходить! Можно сесть на лавочку и склеить ласты! — она дико засмеялась, смутив незнакомца. — Ладно, вижу, тебе не до смеха. Зачем тебя прислал Рыжий?

— Он отправил меня за овощами.

— Вот так просто? Взял, и отправил в “круглосуточный магазин”?

Помявшись, незнакомец ответил:

— Да.

— И что ты принёс мне взамен?

На мгновение мужчина оцепенел, и со стороны могло показаться, что у него нет ответа.

Но, потратив секунду на размышления, он ответил:

— Он просил передать, что ваши овощи сгнили.

— Прямо так и сказал?

— Я сам видел!

Постукивая тапком по полу, женщина призадумалась. Вдруг её тело расслабилось. Опали плечи. Руки соскользнули с груди и повисли, словно лишились костей. Замычав, она опустила голову и тут же вскинула её обратно, уставившись на незнакомца.

— И то верно! — на её лице читалось горькое поражение, с которым она не желала мириться. — Промазала с ингредиентами — запорола “Байкал”. Вот и вянут овощи быстро. Но я уже всё исправила. Будет лучше! Во всяком случае, я на это надеюсь. А что я могу поделывать? Здесь у меня не моя кафедра, где полки трещат под весом самых лучших удобрений. И у меня нет под рукой аммофоса, аммиачной селитры или хлористого калия. Здесь у меня только то, что я сама добыла и вырастила!

— Я вас ни в чём не упрекаю, — успокоил незнакомец, — наоборот — я сейчас прибываю в лёгком шоке. В хорошем смысле!

— Молодой человек, как вас зовут?

— Слава.

— Слава, раз уже ты пришёл, и потратил мой бензин на сброс воды в шлюзе, а как ты понимаешь — это не дешёвое удовольствие, я вправе потребовать от тебя составить мне компанию. Или тебя ждут?

— Ну, меня ждут... — он заглянул женщине за спину, окидывая жадным взглядом стол, — ... но я останусь, минут на десять. Да и отдохнуть будет не лишним перед всплытием.

Всё это время Слава смотрел не только на стол. Окружающий быт был необычным и совсем непривычным. Впервые за три года он испытал чувство уюта, спокойствия и безопасности. Висевшие на стенах картины радовали глаз. Магнитофон, запитанный от пирамиды из аккумуляторов, крутил диски. Ворчал кот. Славе захотелось превратиться в лёгкий дымок безответственности и рассеяться по всей квартире. Чуть на кухне. Чуть в комнате. Чутка возле полок с вещами из прошлого. Замереть, наслаждаясь моментом.

— Спасибо! — сухо поблагодарила хозяйка за проявленное внимание и указала на раковину возле плиты. — Умойся, помой руки. Ласты оставь у двери. Полотенце висит на холодильнике. Сейчас принесу тебе халат.

— Зачем?

— А ты гидрокостюм собираешься снимать?

Задумавшись, Слава ничего не ответил.

— Так и думала. А я не люблю, когда за столом мужчины сидят в мокрых вещах. Особенно, когда под ними появляется лужа. Подожди секундочку, я сейчас.

Покинув кухню, хозяйка скользнула в конец коридора и через считанные секунды вернулась, держа в руках блекло-розовый пушистый халат: чистый и сухой.

— Надевай.

Надев халат, Слава повязал не менее пушистый ремень и обнаружил на своей груди изображение гигантской ромашки, чьи серые растрёпанные лепестки тянулись аж до самой спины.

— Ну вот! — воскликнула Лариса Петрова. — Совсем другой вид! Давай-давай, хватит себя рассматривать. Мой руки, умывайся и к столу.

Стянув перчатки, Слава наполнил ладони водой. Поднеся лицо к крохотному озеру, дно которого было выложено из сморщенной блеклой кожи, спросил:

— У вас есть баллоны?

— А как, по-твоему, я выхожу наружу?

— Не знаю... — он умыл лицо, — ...возможно, закидываете себе под язык одно из ваших растений и, как ни в чём не бывало, дышите под водой, свернув губы трубочкой, — и снова набрал воду в ладони.

— Ты можешь быстрее умываться, я вообще-то воду экономлю.

— А где вы заправляете баллоны?

— Мне их Илья заправляет, раз в месяц, — Лариса Петровна поймала на себе мужской взгляд полного непонимания. — Рыжий, — пояснила она.

Выключив воду, Слава собирался подойти к столу, но его вежливо попросили набрать чайник и поставить на плиту. Между делом, он полюбозытствовал:

— Я подумал, что его зовут Антон, разве нет?

— Нет.

Плоды природы, изрубленные на мелкие куски, отправились в миску принимать вид салата.

Набравшись смелости, котяра вынырнул из-под стола и, задрвав хвост трубой, подбежал к Славе. Потёрся о ноги. Сел на засаленный пол. И взглядом несчастного бродяги посмотрел на мужчину.

Почесав рыжего за ухом, Слава услышал (даже можно сказать — почувствовал) мурлыканье, напомнившее стрекот мотора, гнавший ржавую тачку за горизонт.

Кот протянул лапу.

— Что с ним? — пожимая лапу в ответ, спросил Слава. — Он мутант?

— Ты про его милые лишние пальчики? Не переживай, он таким родился еще до “волны”. У него полидактилия. Единственные мутанты, которые нас окружают — это местная речная рыба, приспособившаяся выживать в солёной воде. Забавно, но в институте, при наличии различных препаратов, химикатов для снижения концентрации соли в воде и самодельных растворов, подобные опыты заканчивались смертью рыбы. А тут — цветёт и пахнет! Тебе доводилось встречаться с местными сомами? Нет, не с теми, что щекочут тебя, покусывая за пятку, а именно с монстрами, чья длина может достигать и пяти метров?!

— Мне встречались и больше, — похвастался Слава.

— У меня есть предположение, по какой причине это произошло, но утверждать я не берусь. Вся эта рыба хорошо уживается на территории института МИФИ. Слышал о таком?

— Доводилось. Но как он мог повлиять на рыбку?

— Легко. Мало кто знает, но в недрах института имеется свой собственный действующий ядерный реактор.

— Говорили, что мощности МИФИшного реактора хватить лишь на зарядку сотового телефона.

— А ты бы хотел жить вблизи полноценного ядерного реактора, зная, что он может уничтожить весь город? Можешь не отвечать. Вот и многие жильцы нашего города, узнай, что у них под жопой расположился филиал ядерной бомбы, — быстренько собрали бы свои манатки и разбежались по стране, кто куда. Поэтому нам и говорят, мол реактор тот — со спичечную головку. Можешь не верить — дело твоё, но я там успела побывать в составе комиссии. И своими глазами видела этот “спичечный коробок” размером с вагон. Когда-

нибудь пробовал местную рыбку?

— Желание было, но я как-то наблюдал за корчившимся мужиком на полу, — и сразу передумал.

Заливая салат подсолнечным маслом (собственного приготовления), женщина констатировала:

— Да. К сожалению, она вся отравлена. Но это часть эволюции, и как показывает история, в скором времени можно будет рискнуть сварить уху, и помолиться, чтобы вздувшиеся кишки не вывалились на пол, когда до сортира останется пару метров.

— Знаете, что больше всего меня удивляет в вашей квартире?

— Удиви меня.

— Газ! Откуда он у вас?

Закончив с салатом, Лариса Петровна подошла к старинному шкафу, стоявший бок о бок с холодильником. Достала тарелки, приборы. Аккуратно, с неподдельной заботой, накрыла стол и пригласила гостя, указав на стул. Взяв миску, Лариса Петровна положила Славе пару ложек салата. Столько же положила себе.

Сидя в кольце жёлтого света, собеседники посмотрели друг на друга.

— Те немногие, — прервала молчание женщина, — кто здесь побывал, интересовались совсем другим. Но я утолю твоё любопытство. Проплывая мимо дома, видел мой “зоопарк”?

— Вы имеете ввиду милую семейку лосей, заросших тиной?

— Во-первых — это олени. Во-вторых — это не тина, а водоросли. А точнее гибрид, полученный путём скрещивания рода “Порфира” и “Ульвы” — тоже водоросли. Наше детище обладает интересной особенностью — при гниении выделяет метан. Поэтому у меня не газ, а биогаз! Раньше мы выращивали его только в своей лаборатории, не подпуская посторонних к проекту, а теперь он как сорняк, заполонил всё вокруг. Какую часть города он успел затмить — я могу только догадываться, — расплывшись в ехидной улыбке, она продолжила: — Какая ирония. Когда мы поняли, что добились успеха и можем помочь не только нашей стране, но и всему миру, было решено привлечь к проекту местных чиновников. “Дешёвый газ в каждый дом на планете” — таков был наш девиз.

Мы рассчитывали увидеть именитых учёных, подтвердивших общественности наше достижение, деятелей культуры, готовых рассказывать о нашем проекте всему миру, и, наконец, спонсоров. Какими мы были наивными. К нам приехали чиновники средней руки в сопровождении своих секретуток, которых драли в туалете, когда нужно было решить важный вопрос. Мерзость! Мы спрогнозировали уменьшение цен на газ. Показали им, как можно будет улучшить экономику бедных стран, строя на их территориях наши фермы. Вроде всё просто — люди выигрывают, мы зарабатываем. Но, как оказалось — могут пострадать корпорации. Финансирование нам обрезают. Лабораторию закрыли. Думаешь, на этом всё закончилось? Не-а! Землю, на которой мы выращивали селекционные растения, забрали. Сократили штат лаборантов. Убив науку, эти потные начальники смогли защитить интересы своего бизнеса. Знаешь, как мы назвали наш проект? “Хренваманепрогресс”. Моя идея. И ты знаешь: я этому рада. К чёрту этих ублюдков! Они испугались прогресса, боясь, что он сожрёт их с потрохами! Им нужно было только включить мозги, которые болтались на тот момент между волосатых ног. А теперь моё детище повсюду — помогает маме жить. А эти тупицы пошли на ху...

Её голос растворился в свисте чайника, заоравшего на плите. Она замолчала. Её щеки горели от ненависти, а грудь вздымалась от злости. Выскочив из-за стола, она нервно

выключила газ и также нервно вернулась обратно, плюхнувшись на стул. Чуть-чуть поела и продолжила:

— Мы успели вынести часть технологий из лаборатории и переделать мою квартиру в то, что ты сейчас видишь. Весь бетон пропитан уникальным гидрофобным веществом — тоже наша разработка, и как оказалось — очень полезной в нынешних условиях. Я только хотела, чтобы конденсат и избыточная влага не беспокоили соседей, и не разрушили дом изнутри. Но, результат превзошёл все ожидания: теперь у меня вообще нет соседей! А знаешь, что самое обидно?

— Что?

— Что вот это всё, — она окинула взглядом всю кухню, — никому не нужно до тех пор, пока в твой анус не заплывёт крохотная рыбка и не отложит в твоём кишечнике свои крохотные личинки.

Слава откашлялся и скептически посмотрел на собеседницу.

— Извини, конечно же я не имела ввиду твой кишечник. Так вот, когда они созреют — личинки — будет уже поздно. Всё! Уже поздно будет бежать к учёным и просить засунуть их руку, облачённую в силиконовую перчатку, в твою задницу, чтобы предотвратить катастрофу. Уже поздно умолять на коленях, чтобы тебе объяснили происходящее, когда забрали все приборы для наблюдений. Может это прозвучит эгоистически, и не по-людски, но я счастлива, что так получилось. Я живу, а они стали удобрением для “Хренваманепрогресс”.

— Вы не боитесь, что рано или поздно, здание не выдержит и обрушиться, накрыв вашу квартиру?

— Нет, не боюсь. Думаю, что когда это произойдёт, моё мумифицированное тело будет спокойно лежать на кровати. Или на кухне, опрокинутое на пол инсультом.

Слава жевал и внимательно слушал. Что-то было ему интересно, что-то он желал пропустить мимо ушей. Но одно точно — день становился всё увлекательнее. И вот эта банка, стоявшая на краю стола — тоже казалось увлекательной. Она смотрела на Славу своим нутром, заполненным на половину жидкостью цвета мочевины больного желтухой. На поверхности плавал блин, напоминавший морскую медузу, разлагающуюся на берегу песчаного пляжа.

— Хочешь попробовать? — спросила Лариса Петровна, заметив заинтересованный взгляд Славы.

— Что это?

— Чайный гриб.

— Нет. Лучше скажите мне, когда я пришёл, вы назвали меня Антоном...

— Да, назвала.

— Кто он? Друг Рыжего?

Женщина медленно положила приборы возле тарелки. Сложила ладони мостиком и водрузила на них свой острый, с парой коротких седых волос, подбородок. Глаза впились в Славу.

— К Рыжему он не имеет никакого отношения. Он... — она задумчиво закрутила головой, пытаясь подобрать подходящее слово, — ...он как ты.

— Что вы имеете ввиду?

— Он может погружаться без баллона. Заходить в опустошённые квартиры, являться без приглашения, и ходить по улицам, что в принципе сейчас дозволено лишь избранным.

— Он с вами живет?

Она засмеялась.

— Нет конечно! Мы познакомились с ним в моём саду, снаружи, где-то через полгода после “волны”. Я собирала землю, когда почувствовала, что за мной кто-то наблюдает. Обернувшись, я увидела мужчину, стоящего на изломанном асфальте. На нём был камуфляжный гидрокостюм, ласты, чем-то похожие на твои перчатки, и обычная маска. Он подплыл ко мне и указал пальцем на мои окна. Я кивнула. Интересный мужчина, образованный, интеллигентный и отличный собеседник. Как оказалось — тоже занимается выращиванием различных растений. Приносил мне семена, а я взамен ему давала фитолампы. У меня их целый склад. Кстати, сейчас мы работаем над одним проектом. Пойдем, покажу.

Встав из-за стола, они проследовали в коридор.

— Ты кстати сам откуда? До “волны” научился задерживать дыхание?

Зайдя в коридор, Слава пожал плечами.

— Не помню.

— А костюм где такой взял?

— Нашёл.

— Ясно. Военная тайна?

Слава не ответил.

Они прошли в конец коридора. Лариса Петровна открыла дверь в комнату. Розовое свечение накинлось на людей, заблестело в глазах и отразилось на засаленных лбах. Блекло-розовый халат Славы стал по настоящему розовым.

Зайдя внутрь, они оказались на запачканной грунтом дорожке, проходящей между двумя огромными металлическими столами, занимающие практически всю площадь комнаты. Из деревянных ящичков, стоявших на столах, к потолку тянулись золотые колосья пшеницы.

Сердцебиение Славы участилось. Увидеть такое, в нынешнее время и в нынешних условиях — чудо! Он так и сказал:

— Это чудо!

— Не совсем. К сожалению, это пустоцвет. И зёрен они не принесут.

— Почему? Чего-то не хватает?

— Да. Солнца. Но Антон мне приносит семена. У него получается выращивать пшеницу без солнца, но рецепт держит в секрете. Да я и не прошу — сама скоро догадаюсь! Смог он — смогу и я.

— И где его сады?

— Понятия не имею. А ты чего такой любопытный?

— А разве вы в этом не видите шанс на возвращение к прошлой жизни? Хлеб! Еда! Мы сможем победить голод! В небоскрёбах организуем плантации, на которых люди будут выращивать помидоры, огурцы, петрушку, морковь... Что там еще есть у вас?

Слава выглядел перевозбуждённым, от чего Лариса Петровна истерически засмеялась.

— Всё, успокойся, — сказала она, — у меня есть предложение к тебе. Пойдём выпьем. Может хоть так ты поделишься со старухой своим прошлым.

Глаза Славы ярко блеснули золотистым цветом колосьев. Губы расплылись в блаженной улыбке. Внешне он как-то сразу переменился, стал более спокойным и покладистым. Он молча кивнул и направился к выходу.

Зайдя на кухню, Лариса Петровна достала из холодильника большой прозрачный пузырь

с мутноватой жидкостью, словно молоко размешали в воде.

— Домашняя самогонка, — заявила женщина, взбалтывая бутылку, — из чего — говорить не буду, сам угадаешь. Хорошо?

— С радостью!

— Держи, — она протянула пузырь, а сама отстранилась к раковине, — а я пока поищу рюмки.

Усевшись за стол, Слава аккуратно выдернул пробку из горлышка и стал нервно ждать. В ногах закрутился котяра. В воздухе повис запах кислинки вперемешку с ароматом бражки. Нотки сильные, бодрые, аж дух захватывает.

— Наливай, — Лариса Петровна поставила на стол пару хрустальных рюмок.

Самогон лился как туман над рекой: мутный и загадочный. Закончив разливать, Слава, по джентльменски, встал и протянул рюмку Ларисе Петровне и предложил чокнуться. Хрусталь уже были готов соприкоснуться, издав звонкий скрежет, как вдруг в дверь позвонили.

— Кого там течение принесло? — затем крикнула: — Иду!

И вот, облачённый в розовый халат поверх чёрного гидрокостюма, с рюмкой в руке, Слава стоит и смотрит на дверь. В голове туман, как самогон, который он так и не выпил. С невероятной тяжестью он опускает глаза на рюмку и замечает ножны, висевшие на его ноге. От подрагивающей ладони ползут мысли. Хорошие и плохие. Трезвые и пьяные. Они дерутся между собой, заставляя Славу выбрать. Мотнув головой, словно стряхивая пыль наваждения, он ставит рюмку и достаёт нож. Когда дверь открылась, он обомлел.

Выронив нож, Слава в два шага оказался возле девушки, вошедшей в квартиру.

— Даша! Что с тобой?

Выплюнув загубник, девушка застонала. Одной рукой стащила маску с лица, а другой — продолжала держаться за бок, что-то закрывая ладонью. Лужа, появившаяся под её ногами, быстро окрасилась багровым цветом, стала липкой. Шагнув навстречу Славе, она еле слышно произнесла: — Рыжего забрали... — и потеряла сознание.

Сидя в каяке, напоминавшим стручок гороха, с намалёванным, через трафарет, женским именем “Ирина”, девушка в чёрном гидрокостюме внимательно рассматривала дно. Дыхание её было тяжёлым, как толща воды, под которой находился объект наблюдения. Моргать нельзя.

Отражаясь на слизистой женского глаза, звездочка света опускалась на дно, приближаясь к старой пятиэтажке, чьё подножие было залито розовым цветом. Звездочка замерла. Затем прогулялась возле подъезда, закидывая луча света во все тёмные углы. И вдруг исчезла, влетев в зеву бетонного левиафана.

Зрачок расширился. Моргнув, девушка выдохнула. Напряжение, длившееся чуть дольше судороги захлёбывающегося человека, улетучилось. Оторвав взгляд от воды, она посмотрела на мужчину, раскачивающего лодку своими телодвижениями.

Сухие женские губы зашевелились:

— Впустила?

Он оторвал взгляд от неба.

— А ты быпустила гостей, живя под водой в одиночестве?

Девушка не ответила. Задумавшись, она прогнала в голове возможные варианты, и пришла к выводу, что ответить на поставленный вопрос можно только оказавшись там, внизу, на месте хозяйки. Но увы, в данной ситуации — это невозможно. Нет ни возможностей, ни желания, ни сил.

Но, ответ прозвучал.

— Ясен пень впустил! — в свете солнца блеснула стеклянная бутылка. — Одиночество. Скука. И рыжий кот, постоянно просящий жрать. Я быпустил. А ты? — и снова уставился на редкие облака.

— Не знаю, — она заметила бутылку и с отвращением отвернулась.

Женский взгляд снова вонзился в воду, стремясь добраться до дна. Ожидание мучало её и бесило. Кожа под гидрокостюмом зудела, вода в ухе сводила с ума. Нужно было хоть как-то отвлечься.

— Как думаешь, он на долго? — она открыла крышку компаса. Стрелка точно указывала на крохотные небоскрёбы, стоявшие на линии горизонта. Один острый, второй тупой, третий круглый. За ними прятался еще один, но как его обозвать — она еще не придумала.

Солнечные лучи пронзали бутылку вискаря насквозь, обнажая алкогольный осадок, способный утолить лишь головную боль после похмелья. Убрав сосуд забвения в боковой карман жилетки, мужчина ответил:

— Откуда же мне знать, — поглаживая рыжую бороду, напоминавшую заезженный пластиковый ёршик, отдраивший не один десяток глянцевого керамического покрытий, мужчина опустил взгляд. — Всё зависит от того, в каком настроении прибывает Лариса Петровна. Чаще всего сразу же выпроваживает, говоря, что занята, нет времени смотреть в наши пустые глазёнки. А бывает, как усядет за стол и давай молодость вспоминать, разливая самогонку.

Губы девушки искривились.

— Самогонка? Та самая, с алкоголем?

Скрипя резиной, мужчина облокотился на борт лодки, придвинувшись ближе к девушке.

— Да, та самая. И очень забористая! Поутру болит только совесть. Ну и возвращаясь домой есть все шансы захлебнуться. Такой побочный эффект, как и у любой другой выпивки в наше время. Понимаешь, да? Буль-буль...

Откинув голову, он снова устремил свой взгляд в небо и начал что-то насвистывать, вытянув потрескавшиеся губы.

— И как она там существует? — с сожалением обратилась девушка к горизонту.

Свист оборвался. Мужчина медленно опустил глаза. Возмущение с удивлением вылезли из кишечника и подступили к горлу, готовые выйти наружу. Он удержался от лишних эмоций, — откуда ей знать, как она там живёт.

— Существует? — саркастично спросил он. — Поверь мне — она живёт гораздо лучше, чем ты можешь себе представить. Я даже так сразу и не отвечу на вопрос: “Чего ей сейчас не хватает?” Если только компании на вечер, но и это у неё сегодня будет в достатке. Когда всё закончится, можешь проведать старушку. Не пожалеешь!

— Ага. Только кто мне заправит баллоны?

— Точно! Этот нюанс выпал у меня из головы. Ну не проблема — заглянешь ко мне. Я теперь один живу — гостям буду рад! Заправлю тебе по полной, — тут он усмехнулся и слегка улыбнулся, — может еще что заправлю, — и подмигнул. — А потом вместе отправимся к бабке — выпьем самогонки, — сейчас он напоминал моржа, положившего взгляд на самку; его голова шаталась, а длинные рыжие усы частично скрывали ровные белые зубы. Животное — чья тяга к размножению была сильнее инстинкта самосохранения. Не хватала только второго крупного самца с бивнями до пола, чтобы они схлестнулись между собой ради доказательства или опровержения теории “Рыжего Дарвина”.

Омерзение и отвращение выступили глубокими морщинами на женском лице от услышанных слов. Если бы весло могло дотянуться до ехидной улыбки, расползающейся по мужскому лицу, — оно обязательно бы дотянулось и треснуло, оставив крупный синяк под глазом.

— Ну что, согласна?

Тут она принципиально не ответила, надеясь, что всё происходящее завернёт куда-то за угол и пойдёт по другому пути. Мысли об алкоголе, его вреде на организм, и похмелье, — насторожили девушку. Сейчас еще не хватало, чтобы третий член команды напился (а он это может), и полез искать выход наружу. А когда найдёт — начнёт всплывать, с трудом сдерживая в лёгких воздух. И не выдержит — откроет рот. Воздух вырвется прозрачными пузырями, и освободит место в лёгких грязной воде. Когда до поверхности останется пару метров, глаза закатятся, а все мышцы тела свернёт тугими узлами. Пройдёт немного времени — и ты уже часть биологической системы океана, пища для рыбы и остров для размножения моллюсков. Твоя отполированная грудка костей послужит домом для некоторых форм морских губок, чья жизнь протекает на дне города.

Девушка отогнала дурные мысли. Представила длинную белую сигарету с красным кругом тлеющего табака. Тяга, — и мысли прочь. Тяга, — и лёгкое головокружение. Влажный язык с трудом описал дугу по шершавым губам.

Вред от курения её не волновал. Уже нет общества, где тебя могут осудить или оскорбить, сравнив с грязной пепельницей. Сейчас каждый представлял из себя кучку гниющей депрессии, готовый в любой момент залезть целиком в хрустальную пепельницу за тлеющим, обмызганным слюной окурком. Люди не брезгают ничем перед голодом и зудом, вызванным тягой к вредным привычкам.

Фантазии быстро тлели, выделяя едкий дым реальности.

Задумавшись, девушка даже не заметила, как от дома отделился чёрный овал и устремился к поверхности, нацелившись на лодку, как голодная акула на тюленя. Стремительно приближаясь, овал увеличивался, приобретая очертания человека. Вытянутые вперёд руки сложены в острый наконечник. Мускулистые ноги. Ласты.

Овал не дышал. Его сердце медленно билось, экономя кислород. Метр за метром он набирал скорость. Молочная кислота служила горючим, а холодное течение — попутным ветром. И когда до поверхности было рукой подать, чёрное тело рвануло, словно пробка из бутылки шампанского, осушив адреналин в жилах.

Вначале девушка услышала всплеск воды, как будто кто-то швырнул двадцатикилограммовый булыжник с моста в воду. Затем вдох, какой можно услышать стоя рядом с умирающим человеком, получившим пулю в грудь. И только потом — крик отчаяния, охваченный страхом.

Крик оборвался раньше, чем она успела обернуться.

Мужские пятки чиркнули по резиновому борту и скрылись за лодкой, брызнув водой во все стороны.

Тишина...

— Слава?

Её глаза бегали по лодке, как сумасшедшие по столам в психиатрической клинике, протестуя против приёма пищи через клизму.

Тишина...

Капля пота выбралась из пучка волос на виске, и устремилась к подбородку, оставляя за собой жирный след.

От лодки пошли мелкие волны, нахлёстываясь друг на друга.

Каяк качнулся. Затем еще раз, но сильнее. Девушка вынула ноги из “кармана” и нырнула в воду.

Молча, не произнося ни звука, подплыла к лодке. Достала жилетку с баллоном; кое как надела её. Вставила в рот загубник, опустила маску на лицо и, окутав себя кольцом пузырей, ушла под воду.

Лучи солнца пробивались сквозь гладь воды, уходя под воду на несколько метров. Среди бесконечного множества золотистых трапеций плавали мятые пластиковые бутылки, парил кусок вывески местного супермаркета, а венцом было огромное пятно бензина, тянущееся радужной лентой сквозь два мужских силуэта.

Подплывая ближе, девушка увидела, как фигура, облачённая в камуфляжный гидрокостюм, прижимает к себе рыжебородого мужчину спиной и душит, сдавливая его шею локтевым суставом. Заметив ножны на ноге незнакомца, девушка насторожилась, но пути назад не было. Она уверенно приближалась, трезво оценивая ситуацию.

Жертва извивалась в объятиях незнакомца, дергала ногами, слепо махала руками. Оставались считанные секунды.

Подплыв вплотную, девушка вынула свой загубник и попыталась вставить в рот своему собеседнику. Его губы шевелились, но зубы были плотно стиснуты, как во время эпилептического припадка. Она схватилась за руку незнакомца, пробуя её оторвать от шеи друга. Бесплезно. Словно металлический прут обвился вокруг шеи.

Вот глаза жертвы начали закатываться. Лицо приобрело синеватый оттенок, появились множественные складки. Держась за ошейник из натуральных мышц, мужчина из последних

сил попытался хоть как-то себе помочь, но силы были не равны. Тело, охваченное агонией, устремило оставшиеся силы к голове. Шея вздулась, голова вжалась в грудь незнакомца, дав возможность открыть рот. Язык вывалился наружу, открыв путь мириадам пузырей, наполненных немым криком.

Взгляд девушки встретился с взглядом незнакомца. Сквозь пластиковую маску, она увидела зелёные глаза полные невозмутимости. Они смеялись над ней. Над её беспомощными попытками. Над её глупостью и наивностью. Но девушка не ступала. Протянув руки к его лицу, испещрённому кривыми бледными шрамами, она попыталась стянуть маску.

Взгляд мужчины изменился. Он испугался.

Женские пальцы практически коснулись пластиковой маски.

Мужская рука скользнула к ножнам. Страх сменился на гнев.

Девушка дёрнулась. Пальцы сжались в кулак, не успев прикоснуться к маске. Дикая боль вспыхнула в глазах ярким светом. Судорога пробежалась по телу. Зубы стиснулись, оставив характерный отпечаток на резиновом загубнике.

Лезвие вошло быстро, безболезненно и незаметно, словно врач местной поликлиники сделал вам укольчик, когда вы рыдали, поглядывая на изображения кошечек на стене. Но, когда рука потянула нож обратно, вспарывая мягкие ткани, мышцы и выпуская жир, — боль была нестерпимой.

Гренадиновая кровь струилась из раны, как табачный дым из кривой ноздри старухи. Кожа вокруг пореза вздулась и стала похожей на пухлые губы, с размазанной помадой после страстного поцелуя.

Девушка двигалась — губы что-то шептали. Девушка корчилась — губы кривились, выпуская очередную порцию дыма.

Мужские тела парили в кровавом облаке. Еще чуть-чуть и они полностью пропадут, запомнившись жуткими образами, созданными как раз для вашего сна или кошмара. Один посинел и закатил глаза. Другой убирал нож, наслаждаясь видом беспомощной жертвы, корчившейся от боли.

Тот другой, что появился из ниоткуда, внимательно наблюдает. Вот девушка зажимает ладонью рану под рёбрами, и он чувствует, как его пульс начинает расти. Она слепо машет рукой, пытаясь хоть за что-то схватиться, а в это время его фантазия рисует новый альбом грациозных движений. Пузыри воздуха вырываются из красивого личика, и летят к поверхности стайей круглых зеркал. В них отражаются выпученные глаза, молящие о помощи. Ему хочется снять маску, подплыть и почувствовать её запах. Запах страха и боли.

Незнакомец возбуждён. Хочет бесконечно наслаждаться картиной, но времени нет. Добыча крепко сидит в руках, не сопротивляется. Девушка медленно отдаляется. Он вынужден торопиться.

Хватка ослабевает. Голова рыжебородого мужчины выскользывает из мясного ошейника. Лицо сплющено, рот открыт. Один глаз закрыт, второй уставился на поверхность, ни на что не реагируя. Его вид и поза напоминают мертворождённого младенца, чья головка показалась белому свету, но хрупкие плечики застряли в чреслах матери. Пуповину отрезали, сняли с шеи, но уже поздно.

Мужчина хватает мертворождённого за шкурку и уплывает, оставив девушку сражаться за жизнь в одиночестве.

Косяки рыб взрываются салютом, пропуская плывущих людей. Медузы поглаживают

чёрную неопреновую кожу, но ужалить не могут. Двупалые лапы с прозрачной перепонкой посередине, придавали уверенную скорость своему хозяину. Даже не смотря на балласт, тянувшийся за ним, он ускорялся с каждой секундой. Конечно, с дельфином не потягаться, но вот обогнать ската плывущего к самке — легко.

Возле надувной чёрной лодки показалась голова в маске, через секунду еще одна, но без маски. Забравшись в лодку, мужчина затащил жертву и уложил её на дно.

— Потерпи, сейчас полегчает, — говорит мужчина, облизывая губы. В руках его нож.

Лезвие ныряет в рукав жертвы и несётся к локтю, разрезая неопрен пополам. Из рюкзака, лежащего в углу лодки, он достаёт металлическую шкатулку, покрытую множеством вмятин. Чёрным фломастером на крышке написано: “Кайф”. Сняв крышку, он кладёт её на неподвижный живот жертвы. Внутри два шприца и десять ампул с мутноватой жидкостью.

Незнакомец так увлечён, что даже не замечает, как прокусывает клыком кончик своего языка. Тёплая кровь пачкает губы, но ему всё равно. Он глотает слюну, чувствует вкус, тепло, и снова кусает язык.

— Я разбужу тебя, но ненадолго, — его губы в крови, словно в помаде. Голос спокойный. Дыхание ровное, даже не смотря на то, что последние минут семь он провёл под водой.

Лезвие ножа ныряет под воротник жертвы и несётся к пупку, разделяя на груди золотистую надпись на части: “ЗИЛ” и “СТРОЙ”. Он отдёргивает лоскуты костюма в разные стороны и видит мужскую грудь, покрытую рыжими кудрями. Кожа бледная, покрыта множеством родинок. Можно взять ручку и по точкам нарисовать созвездие малой медведицы, большой, а вот там — созвездие тощего мужика, чьи рёбра проступают наружу.

Мужчина лежит неподвижно. Он не дышит, не двигается, и даже не спорит.

Достав шприц, голос говорит:

— Сейчас я запущу твоё сердце, — игла вонзается в резиновую крышечку ампулы с надписью: “ЭПИНЕФРИН”. — Это адреналин, я введу иглу прямо в твоё сердце. Не бойсь больно не будет.

Он сдавливая язык зубами, чтобы чувствовать вкус крови. Набирает шприц и кладёт на неподвижный живот, упирая в край мятой крышки.

— Это может прозвучать парадоксально, но вот это, — он достал второй шприц и взял еще одну ампулу, но уже с надписью: “КЕТАМИН”, - снова погрузит тебя в сон. В очень глубокий сон.

Наполнив шприц, мужчина кладёт его рядом с адреналиновой ракетой. Рука снова потянулась к рюкзаку. Из бокового кармана он выудил красный жгут и перетянул им руку жертвы выше локтя.

Спящее сердце не раздувало зелёные вены, но их можно было увидеть под тонкой кожей, словно реки на снимках из космоса.

Стравив воздух из шприца, незнакомец наполнил вену кетаминном, как кишку фаршем.

— Полдела сделано, — язык отдаёт болью, от чего незнакомец начинает слегка шепелявить. — Мы уже у черты.

В правой руке он зажимает шприц с адреналином, а пальцами левой руки отсчитывает рёбра на груди жертвы. Раз, два, три, четыре. Игла касается точки возле указательного пальца и начинает медленно подниматься. В какой-то момент рука замирает. Незнакомец выдыхает.

Удар.

Два кубика адреналина впрыскиваются в сердечную мышцу. Шприц улетает за борт.

Сложив ладони в могучий кулак, мужчина обрушивает их на кудрявую грудь. Затем еще раз.

О чудо! Мертворожденный младенец ожил. Он распахнул глаза и открыл рот. Но вместо первого вдоха, фонтаном изверг из себя воду. Из зева вырвался острый кашель и только потом он смог жадно вздохнуть.

Спаситель улыбнулся. Провёл ладонью по щеке новорожденного и сказал:

— А теперь спать, — и резким движением стянул жгут.

Успевшие набухнуть вены сдулись, отправив по своим туннелям глубокий кетаминный сон напрямик в мозг.

Губы, прячущиеся за рыжими усами, скривились от страха, но сразу же расслабились, растянувшись в блаженной улыбке от нахлынувшего потока фантазий.

Медовый женский голос, действующий похлеще любого афродизиака, оторвал мужчину от изучения сложных чертежей будущего микрорайона, прячущегося от посторонних глаз под стеклянным колпаком. Только не сейчас, подумал он, но женская тень уже успела накрыть стол. Потерев переносицу, мужчина устало поднял глаза.

Богиня. Её волосы, цвета золотого слитка, вырванного из окоченевшей ладони, струились высокими волнами, накрывая хрупкие плечи. В её голубых глазах утопали многие, но только не он. Он — другой. Он умный. Он богатый. Он с лёгкостью плыл по бурунам идеального женского тела, растворяясь на пухлых губах, как сахар.

Она всегда могла поднять ему настроение, и даже самый тяжкий день превратить в праздник. Да еще какой! Но только не сейчас... Только не сегодня...

Сейчас самое главное — это поставить точку в вопросе обеспечения электричеством микрорайона по средствам четырёх гидротурбин, установленных на дне Москва-реки. Проект согласован, первый запуск прошёл успешно, и что не удивительно — появилось напряжение. Но есть острые вопросы. Когда заселять людей? Если пропадёт электричество — насколько хватит кислорода? Нельзя же вот так взять и рискнуть жизнями тысячи людей?! Они же не хомяки, бегающие внутри прозрачных трубок в поисках еды. Хотя — почему и нет? В этом углу он испражнился, в этом — поел. Корм будем насыпать через отверстие в куполе. Это будет настоящий Эдем.

Женские пухлые губы шевелились, но он слышал только свои мысли.

Если пропадёт электричество — насколько хватит хомякам кислорода?

Хомяки...

Вроде он сумел прочитать по губам: Хочу!

Кого? Или что?

Мужчина переспросил:

— Что ты сказала? Извини, я не расслышал...

— Илья Олегович, может, кофе хотите?

Он плыл среди складок её блузки, расстёгивая маленькие пуговицы. Всё, что он сейчас хотел — увидеть её обнажённую грудь и присосаться к ней, как новорожденный. Или, если пропадёт электричество — насколько хватит грудям воздуха?

— Хочу!

Она засмеялась. Заржала, как лошадь, отчего мужчина взмок и тоже начал смеяться.

Успокоившись, он еще раз сказал:

— Хочу! — но уже с хитрым видом.

Больше ему ничего не нужно было говорить или показывать. Его понимали с полуслова. С полбуквы. С полмычания, которое он издавал, залезая на очередной объект вожделения.

Приблизившись, Богиня скинула на пол свой вельветовый пиджак, задёрнула короткую юбку и поставила ногу на стол, испортив чертеж длинным каблуком.

— Кофе сварить горячим или обжигающим? — спросила она, закусив нижнюю губу.

Мужчина откинулся в кресле, громко скрипя кожаной обивкой. Поглаживая густую рыжую бороду, напоминавшую язык пламени из двигателя боевой “Сушки”, он произнёс:

— Хочу обжечься.

Затем резко вскочил, опрокинув кресло на бок, обошёл стол и вплотную приблизился к

женщине. Она пожирала его взглядом. Он вспотел и стал липким.

Схватив Богиню за талию, мужчина просунул руку под её поднятой ногой, и, как айкидоист с десятью данами, оторвал девушку от пола и аккуратно повалил на стол.

Он вдыхал запах золотистых волос, пробовал на вкус сладкие губы, прикусывал мягкую кожу на шее и носом утыкался в её острый подбородок. Он больше не фантазировал. Его лицо скользило по шелкам, чувствуя объёмные груди.

Он раздел её, она — его.

Если пропадёт электричество — насколько хватит ему кислорода?

Чертежи будущих квартир миллиардеров, желающих заниматься самоудовлетворением на дне морском, прилипали к спинам, комкались под мышками, тёрлись о ягодицы. Дубовый стол превратился во влажную кровать, а важные документы — в грязное бельё. Стоны были громче чавканья мокрых тел, кружившихся на бумажном ковре, как комок теста в муке.

Всё закончилось неожиданно.

Карандаш, спрятавшийся между наброском двухсотметровой студии и строчками: “Проект — Подводный квартал — одобрен”, вонзился в женскую упругую задницу. Стоны смешались с криком, и невозможно было понять — действительно ли мужчина настолько хороший любовник, или что-то пошло не так? Он ускорился, за что получил пощёчину.

— Остановись! — взвыла женщина, стиснув зубы. — Мне больно, животное!

— Разве? А я подумал наоборот, — и получил очередную оплеуху. — Да что с тобой не так?

Если пропадёт электричество...

Хрупкий кулачок с брильянтом в пять карат на среднем пальце, влетел в мужскую скулу, вырвал пучок рыжих волос и оставил глубокий порез.

Потеряв равновесие, липкий мужчина падает на пол. Он поднимает глаза и видит, как в женских руках появляется чайник, а из его носика вырывается обжигающий пар. Пронзительный свист сводит с ума.

Медленно, шаг за шагом, девушка приближается. Мужчина отрывает липкие ягодицы от холодного пола, и, словно паук на четырёх лапах, уползает. Он оглядывается то на её прелести, спрятавшиеся под налипшими чертежами, то на стену. То на дом из красного кирпича, то на обои с золотыми рыбками. Целые кварталы обвивают тонкую талию и лоскутами валяются к крохотным ступням с дорогим педикюром.

— Ты же хотел обжечься? — переспрашивает она.

— Что ты несёшь?

Тяжёлая тень наползает на дрожащее тело, скрывает ступни, колени, красное сдувшееся хозяйство. Накрывает тело, голову, но не скрывает белые глаза, смотрящие на Богиню.

Если пропадёт кислород — боль тоже пропадёт?

— Ты хотел обжечься! — кричит она, и окатывает мужчину водой из чайника.

Подбородок, поросший ржавыми прутьями, безмолвно задёргался, заскакал, стуча зубами. Крик порвал глотку. Гнойные волдыри изуродовали кожу.

Богиня подносит к своим глазам бриллиант и видит в кровавых гранях пятьдесят семь корчившихся тел. Пятьдесят семь красных телец крутятся на полу, хватая воздух руками.

Как он и желал: обжётся, только не кипятком, а ледяной водой.

— Мучения — твоя судьба! — говорит мужской голос. — Боль — дорога. Я помогу тебе закончить путь, ведущий тебя в никуда. Разум обретёт свободу, а тело еще послужит этому

бренному миру. Ну, давай же, открой глаза. — изуродованная ладонь, без мизинца, шлёпает по бледным щекам, цепляя рыжую бороду.

Кетаминный сон, подкреплённый барбитуратом, медленно отпускал. Очень медленно.

Тяжёлые веки разлиплись. Туман перед глазами превратил картинку в мутное пятно, переливающееся радугой. Давление внутри головы было настолько высоким, что со стороны могло показаться — еще чуть-чуть и глаза вывалятся, а из ушей ползет мозг, как мясо из ручной мясорубки.

Ледяная вода больше не кажется куском льда, сковывающим тело. Жизнь больше не реальность. Жизнь — набор иллюзий, сопровождающих тебя после зачатия. Ты снова беспомощный и голый новорожденный. Крутишь головой, пытаешься найти тёплую сиську, но видишь лишь стены, устланные белой плиткой, от которой холод ощущается за километр. В дальнем углу видишь шкафчики, с углов которых облезла зелёная краска, обнажив блестящий металл. И там, в глухой тени, кто-то шевелится. Человеческая фигура. Облокотившись о стену и скрестив на груди руки, она произносит:

— Тебе больше не понадобятся руки и ноги.

Мутное сознание возвращает взгляд в точку пробуждения. Картинка стала чуть чётче. Он лежит в ванной, по полечи вводе. На шее тугая удавка. Пропитанная водой, она извивается змеей за спину и цепляется за поручень на стене.

Вода спокойная и прозрачная, как пустота. Увидев свои конечности, цвета свечного парафина, мужчина первым делом попробовал ими пошевелить. Всё тщетно, он ничего не чувствует, даже ремни, стягивающие кожу до крови на плечах и бёдрах будто бы не существуют.

Мысли пульсируют в голове; волнами бьются о черепную коробку и, отразившись, возвращаются обратно — в точку отсчёта. Затем новый импульс. Волна разбивается о шершавую кость, — и ничего не происходит. Напоминает похмелье: в голове словно выгрызли дыру, в которую всё улетает. Единственное что ты помнишь — вкус прошлого вечера,двигающий тебя в сторону туалета, или дома, или к краю обрыва.

Кисловатый привкус кетамина может двигать только твои посиневшие губы. Страх уходит, приглашая безумие.

— М-м-м-м-м....

Гремя металлическими шкафчиками, из тени выплыл мужчина с овальным худым лицом и блестящими глазами. Свет струится по голому торсу, подчёркивая бугристые руки и спину. Он присаживается на колено возле ванны, обложенной всё той же белой плиткой, кладёт руки на бортик и наслаждается шевелением губ.

— М-м-м-м-м....

— Что ты там мычишь? — ладонь погружается в воду. — Холодная. Не бойся. Я тебя освобожу. Спасу от мучений, и спасусь сам.

Верёвка падает на пол, покрытый линолеумом. Спаситель запускает руки в воду, подхватывает тело и начинает вставать. Раздувшиеся вены напоминают червей, вылезших на мокрый асфальт после дождя. Они шевелятся, ползут по рукам, устремляются к шее.

Он прижимает к себе тельце, словно младенца. Смотрит на него и не может налюбоваться. Конечности у него окоченели, торчат сухими ветками, и никакой ветер их никогда не согнёт. Вода стекает на пол, на штаны, на резиновые сапоги.

Спаситель гордо идёт к двери. За ней в коридоре ждёт гостя кровать — стальной стол на резиновых колёсиках размером с шайбу. Мокрое тело ложится на холодный металл.

Спаситель наклоняется к уху, выглядывающему из копны рыжих волос, и шепчет:

— Не бойся умирать. Никогда. Ни сегодня, ни завтра, ни в следующей жизни. Сейчас я вернусь.

Он возвращается к шкафчикам. На липкое от пота тело надевает серую майку и коричневый фартук из кожи.

Вернувшись, берётся за резиновые ручки тележки и отправляется в конец коридора, где тускло и одиноко.

Мелькает свет. Мелькает счастливое лицо спасителя.

Трубы на потолке тянутся бесконечными лабиринтами, сворачивая то в одну комнату, то в другую, то просто исчезают в стене.

Заглушая скрип резиновых колёс, спаситель говорит:

— Каждую ночь я вижу один и тот же сон. Я сплю во влажной норе. Моё тело кишит паразитами, а в волосатую шкуру вгрызаются вши. Длинными когтями я расчёсываю зудящее место и продолжаю спать дальше. Мне комфортно. Тепло. Меня окружают мама и папа. Девять братиков и сестёр лежат вокруг меня. Мы все чешемся, а потом спим. Чешемся и спим. И нам хорошо.

Мелькает свет. Мелькает довольное лицо спасителя.

— В воздухе стоит вонь фекалий и белковых выделений. Даже во сне, по запаху мочи я могу определить — кто, где лежит. Мы сыты. Нас никто и ничто не беспокоит.

Мелькает свет. Мелькает грустное лицо спасителя. Его голос становится таким же грустным.

— Но, когда полотно лопаты вонзается в землю над нашими тельцами, проникает в нору и отрубает дюжину розовых хвостов, покрытых мелкими волосами, — воздух начинает бурлить оглушительным писком. Горячая кровь брызгает во все стороны, перемешивается с землёй, пачкает мне шкуру.

Удар — и сестрички с братиками похожи на выпотрошенных кур.

Удар — и больше нет мамы с папой.

Удар — и я просыпаюсь.

В следующей жизни мне будет сниться, как я умираю в этой жизни.

Стоит гул газовых ламп. Свет больше не мелькает на лице спасителя.

— Приехали, — говорит он.

Остановившись возле массивной двери, он подходит к голому телу. Глядя в глаза, еле заметные сквозь узкие щели век, он по-философски заявляет:

— Здесь заканчивается твой духовный путь. Ты обретёшь новое тело, оставив старое в дар обречённому обществу. Я позабочусь о нём, обещаю. Ты не поверишь, но после смерти твоё тело даст этому миру гораздо больше пользы, чем при жизни. Оно даст надежду.

Спаситель сделал пару кругов вокруг тележки, рассматривая каждый миллиметр кожи своего немого гостя.

— Ну всё, — его голос неожиданно дрогнул, — пришло время прощаться.

Спаситель замирает. Пальцами ведёт по белой руке, огибает костлявое плечо и запускает пятерню в рыжую шевелюру. Обхватив затылок, он отрывает голову от блестящей постели. Наклоняется и шепчет на ухо.

— Надеюсь, сон, держащий тебя за руку, в следующей жизни будет дарить только спокойствие, прочь разгоняя кошмары.

Четырёхпалая ладонь выныривает из кармана штанов. Пальцы пропущены сквозь кольца

вентиля, похожего на кастет. Он красного цвета с бурыми пятнами крови. Словно поцелуй перед сном, кастет нежно касается кожи на лбу спящего. Затем зависает в воздухе.

Спаситель делает вдох. Смотрит на рыжие волосы, бороду, на брови, похожие на ветки со спелой облепихой. И бьёт.

Кость черепа лопается, расплющивая лобную долю мозга крупным осколком.

Влажные тела, охваченные любовью, скатываются с дубового стола и улетают в пустоту.

— Я люблю тебя!

— И я тебя...

Если закончится кислород — сознание сможет протянуть семь минут, до полного выключения.

Розовый свет приятным теплом ласкает кожу спасителя. Влажный воздух пахнет зеленым. Принюхавшись, можно ощутить нотки озона, словно пару минут назад молния разорвала воздух и пробежалась по металлическим столам. Капли пота быстро выступили на гладком лбу, отражая потолок, увешанный парой дюжиной ламп.

Скрип колёсиков оборвался когда тележка остановилась возле стола с табличкой “5”.

— Твои золотые волосы — знак, посланный мне “волной”, — говорит спаситель, перекладывая тело, без рук и без ног, на стол. — Для тебя я хранил особые зёрна.

Резко обернувшись, спаситель кинул злой взгляд на дверь. Прищурившись, крикнул:

— Да, сестрички, особый! И вам их не отнять!

Ему никто не ответил. Лишь шуршание тонких пластиковых трубок, раскинувшихся паутиной на потолке, разбавляет тишину в помещении. Он возвращает взгляд на тело, и с неподдельной нервозностью, добавляет: — Нужно торопиться, но вначале...

Заиграла музыка.

Подогнав стул по высоте, спаситель уселся рядом с телом. Разложил инструменты. Приготовил необходимые жидкости. Нарвал тряпок; оставшимся куском вытер пот с лица и спрятал в карман. Тело обросло трубками, необходимых для поддержания жизни. Кровь и еда теперь циркулируют в шмате мяса и костей.

Волнение нарастало. Пульс спасителя можно было почувствовать всего лишь встав рядом, даже не поднося пальцы к его шее.

Облизывая языком губы, он выставил кулак над голым телом и медленно разжал пальцы. Среди содранных мозолей на ладони покоились семена пшеницы — богатство в умелых руках, и пыль в неумелых.

— Тридцать пять штук. Тридцать пять золотых колосьев вырастут, созреют и дадут одну тысячу семьсот пятьдесят новых зёрен. Тридцать пять надрезов я должен буду сделать на твоей, медленно разлагающейся коже.

Разметив на спине точки, он притронулся к холодной стали. Увидев своё отражение на скальпеле, его разум переместился в детство, где однажды он испортил коровью кожу дрожащей рукой. Пётр Михайлович — его беззубый дед — увидев оплошность нелюбимого внука, взорвался как вулкан, заливая испуганное лицо слюнями и бранными слова. Затем обернул руку восьмилетнего мальчика лисьей шкурой и начал бить по ней палкой. Больно, но зато без синяков. Под вечер дед заставил внука, собственноручно, заколоть козу, освежевать и приготовить шкуру к сушке.

Под крики Мика Джаггера, медицинский скальпель резал кожу, как полиэтиленовую

упаковку долгожданного подарка. Капли крови затекали под мышки, скатывались по коже, обвисшей между ребер, и успели набрать маленькую лужицу на пояснице, скрыв кудрявый пучок волос.

Спустя час можно было предположить, что это тело заключённого после расстрела. Его ставят лицом к стене. Палач заряжает тридцать пять золотых пуль в магазин, примыкает его к автомату и передёргивает затвор. Превращение кожи в решето с идеально ровными отверстиями произойдёт через:

3...

2...

1...

Голос Мика Джаггера тонет в рокоте выстрелов. Дымящиеся гильзы падают на землю, а тем временем золотые семена испещряют спину, проникая в тело до костей.

Приговор приведён в исполнение.

На языке ощущается привкус меди и кисловатого пота.

Заготовленными тряпками спаситель стирает кровь со спины спящего, аккуратно обводя отверстия. Кожа вздулась и покраснела, но он еще не закончил. Остался последний шаг — изюминка. Рука выуживает пластиковую бутылку из-под стола. Нога спасителя трясётся. Язык продолжает лизать губы, размазывая по ним кровь. Жидкость, похожая на выделения перегной после дождя, льётся на спину, заливая вздувшиеся отверстия.

Губы растягиваются в широкой улыбке, подчёркивая ровные зубы жемчужного цвета. Он достаёт из кармана тряпку и вытирает лицо. Ткань пропитывается липким потом, слюной и слезами. Редкие капли ускользают сквозь морщинки и растворяются в мелкой щетине на щеках.

— Цвети! — кричит он.

Фартук и майка летят на пол. Мужчина выходит на центр комнаты. Его мокрое тело вспыхивает розовым светом. Пальцами он проводит по животу, чувствуя выступающий шрам, его кривые края. Сросшаяся кожа стала тонкой и гладкой. Волосы на ней не растут. Шрам от ножа, вспоровший кожу от пупка до самых ребер. Боль давно ушла, но вот воспоминания — никуда не уйдут. Воспоминания заснули, спрятавшись где-то глубоко в голове. И спали бы дальше, не увидь он женские глаза сквозь пластиковую маску. Стиснув зубы, он представляет женский взгляд, окутанный облаком крови, и еще раз проводит пальцами по шраму, но уже грубо, терзая кожу содранными мозолями, словно наждачной бумагой. Затем еще раз проводит. Ему щекотно. Медленно, лицо расплывается в широкой улыбке.

Успокоившись, он вскидывает руки и начинает кружить, перекрикивая Мика Джаггера:
— Цветите!

Спаситель обращался ко всем, кто сейчас покоился на столах, уткнувшись носом в тёплый металл.

К женщине, чья спина покрылась разлапистыми листьями кабачка.

К мужчине, чьё посиневшее лицо выглядывало из-под тени нависшего сочного помидора.

К Рыжему, чьё лицо расплылось в луже собственных слюней.

Мик Джаггер кричит: Сумасшедший, ты сказал, что это всё у тебя в голове!

Каждый новый вдох приносил в сознание аромат сирени, окружённый нотками старины, которые вы могли слышать, посещая в больнице свою бабушку. Или дедушки. Запах странный, но он убаюкивал. Успокаивал, окутывая тишиной. Дарил тепло. В этот момент ничто не может тебя побеспокоить, а тем более разбудить.

Ничто.

Вдруг взрыв. И яркая вспышка стирает тепло, все запахи, и отпечатываясь белым бельмом перед закрытыми веками. А может это и не веки? Может — это вселенная приглашает тебя в бесконечное путешествие. Непонятно. Но бельмо точно горит, словно взглянул на солнце, приподняв солнцезащитные очки.

Два голоса, созданные яркой вспышкой от взрыва, смешались в один ровный поток. Как будто их кто-то поймал и положил в блендер, затем нажал кнопку пуска, выставив максимальный режим, но накрыть крышкой забыл. Созданный исходный космогенез брызнул в пожелтевший потолок, где смог родить инь и ян. Блендер затих, и стало слышно, как тужится вселенная. Тужится-тужится. Появилась головка, ручки, ножки — инь и ян не плачет, он кричит. Начинает спорить, ругаться. Чувствуется безразличие с непомерным переживанием. Непонятно? Представьте, что вы валяетесь на диване, смотрите новости, и вам жалко людей попавших в беду где-то на другом конце земного шара, и тут же начинаете возмущаться жёсткостью пружины, врезавшийся в вашу костлявую спину.

Инь и ян продолжает спорить. Сам с собой. Становясь громче, он увеличивается в размерах, затягивая потолок полупрозрачным полотном. И когда громкость уже на пределе — срывается вниз и накрывает девушку, лежащую на кровати без сознания.

Инь и ян вибрирует:

— Как она?

— Никак.

Чёртова сингулярность застряла в голове не давая разделить потоки.

— Нам надо уходить, — продолжает инь и ян.

— Уйдёте.

— Когда?

— Да хоть сейчас. Иди, буди.

— Как?

— Поцелуй.

— Поцеловать? — инь и ян начинает возмущаться, обретая мужские черты.

— Ну... можешь врезать ей в бок — точно проснётся! — женский голос проглотил мужской, растворив его в себе как бумагу в воде.

Вгрызаясь пальцами в рыхлую землю, девушка медленно выползала из могилы забвения. Грязная, обессиленная и злая, она ногтями вскапывает плотный грунт, высовывает губы, и делает вдох. Тёплый воздух, пахнувший стариной и сиренью, наполнил её лёгкие. Девушка разомкнула слипшиеся губы и прошептала:

— Не надо никуда бить.

— Помнится, — начал мужчина, — когда я проснулся — кто-то вмазал мне между ног!

Заливной пожилой смех наполнил комнату.

— Извини, — прошептала девушка.

— Давно уже! — мужской голос приблизился. — Как ты себя чувствуешь?

— Я...

— Не важно, — влез пожилой женский голос, — органы не задеты — жить будет, но мне любопытно — кто тебя так пырнул? И, что случилось с нашим рыжим другом?

Женский мозг закипел в жидкости воспоминаний. На поверхности выступила горькая пенка, отпив которую можно было ощутить острую боль в боку. Нет, не когда печень болит после пьянки, а когда острый нож рвёт кожу и мышцы. Ладонь сама потянулась к источнику воспоминаний, но чужие пальцы остановили её, схватив за запястье.

— Не надо! — мужской голос опустил женскую руку на кровать, а когда выпустил — нежно провёл своими пальцами по её коже, нечаянно. А может и специально. И спросил:

— Что там произошло?

Тысячи маленьких зеркал устремляются к поверхности, отражая два чёрных силуэта. Один убивает другого.

Боль...

Острая боль...

Кровавые протуберанцы волнами исходят от девушки и слизывают мужские тела, оставляя после себя пустоту.

— Он схватил рыжего. И... — ей тяжело говорить, воспоминания режут, — и утопил.

Глаза Рыжего, поросшие кровавой сосудистой паутиной, закатываются. Его синими губами шепчет течение. Признаки жизни отсутствуют. Пару пузырей выбираются из волосатых ноздрей и застревают в рыжих бровях.

Старый голос громко спрашивает:

— Как выглядел незнакомец?

Короткие волосы развиваются в воде как трава по ветру. Его глаза не прячутся за маской. Они спокойно наблюдают, а затем жадно вгрызаются в душу, хватают за плечи и закидывают в недалёкое прошлое, где чувства страха и беспомощности, впервые в жизни, соединились в уверенность, как роды инь и ян. И вот сейчас она уже не ведает страха. И может смело сказать:

— Обычный мужчина. В камуфляжном гидрокостюме.

— Антон! — восклицает мужской голос.

— Нет! — врывается старый голос, — Он не мог. Он мухи не обидит!

Девушка открыла глаза и посмотрела на голоса. Там Слава. Он с женщиной — по-видимому, это была Лариса Петровна — стояли в ногах кровати.

— Возьми, — женщина протянула Славе стакан, — дай ей попить, а я пока посижу. Устала стоять.

Она отошла в угол и плюхнулась в засаленное кресло.

Держа в одной руке гранёный стакан, а в другой — газовую лампу, освещающую комнату четырьмя квадратами света (по одному на каждой стене), Слава приблизился к Даше.

— Вышей.

— Мне жарко...

Она откидывает толстое одеяло. Старушка приподымается в кресле, Слава опускает взгляд, Дашины глаза округляются. Одеяло молниеносно возвращается на место, но уже поздно. Все всё увидели. Гидрокостюм отсутствовал, а некогда белый лифчик и трусы пропитались кровью и стали похожи на лоскуты медицинского бинта, снятого с рваной

раны. Кстати, тут был и бинт — в несколько слоёв он опоясывал женскую талию, скрывая рваную рану.

— Мои вещи, — пробормотала Даша.

— Не переживай, — сказала женщина, — Я одолжу тебе свои.

Кресло затрещало под женщиной, когда она начала вставать.

— Не надо! — Даша хотела звучать громко и уверенно, но хрип всё испортил. Расхаживать в чужом белье она точно не собиралась. Хотя надо признать — 90 % её гардероба состояло из найденных вещей. Но это другое. И что значит — одолжу... Его потом надо будет вернуть? Апофеоз цинизма.

Каждое слово, сыпавшееся из Дашиного горла, проходило наждачной бумагой по мягким тканям.

Забрав кружку, она сделала глоток. Вначале её лицо скривилось, словно какая-то кислота омыла язык, но уже через пару секунд жадно присосалась к кружке, осушив её до последней капли. Это был вкус инь и ян. Кислый и сладкий. Кисло-сладкий инь и ян. Если когда-нибудь Макдональдс возродиться в нашей стране — обязательно предложу им такое название для соуса.

Облизнув губы, Даша спросила:

— Что это?

— Гриб.

— В смысле?

— Чайный гриб, но не обычный. Одно из детищ моей лаборатории.

— Вы работали в лаборатории над созданием чайного гриба?

— Нет конечно. У меня на подоконнике стояла банка, ну и мы с коллегами постоянно туда что-то добавляли. Мы хотели стать как Флеминг, открывший пенициллин, но смогли лишь вырастить гриб, способный очень хорошо взбодрить.

— У вас получилось.

— Я знаю.

— Ей можно двигаться? — спросил Слава у женщины.

— Можно, — кивнула женщина, — За что ты переживаешь?

— Швы не разойдутся?

— Нет, если не будешь на ней скакать, как на лошади.

— Сколько я пробыла без сознания?

— Два дня.

— Два дня?! Вы серьёзно?

Слава кивнул.

— Нам нужно торопиться, — она снова откинула одеяло, и тут же снова вернула его на место. — Можете выйти? Мне нужно одеться.

Кряхтя, женщина вылезла из кресла и, встав у двери, поманила Славу рукой.

— Пойдём, — переведя взгляд на девушку, добавила: — Вещи твои на стуле, там же найдёшь халат. И уходя — не забудь потушить свет.

Слава закрыл за собой дверь, оставив газовую лампу на тумбе.

Когда все вышли, Даша, наконец, скинула одеяла, не боясь посторонних глаз. Поставила ноги на пол. Линолеум был холодным. Пробежавшись глазами по полу, она увидела тапочки, стоявшие неподалёку. Натянув на свои ступни синих заек, Даша подошла к стулу. Халат ей сразу не понравился. Какой-то жёлтый, с изображением двух тюльпанов (третий прятался

где-то под мышкой). Она положила его на кровать, с мыслью, что никогда не наденет такую безвкусицу.

А вот эту вещь она наденет с радостью, даже не смотря на её происхождение. Даша приподняла гидрокостюм, но что-то вдруг рухнуло на глаз синего зайки. Опустив глаза, она увидела кусок мыла. Может и верёвка где лежит, подумала девушка, но догадавшись — для чего положили мыло — подняла его с пола. Под стулом прятался тазик с водой. Она запустила в него ладонь с мылом. Тепло разлилось по коже. Ей захотелось целиком забраться в маленький таз, омыться и просто полежать в нём, забывшись. Запахло сиренью. Какая ирония: есть мыло и вода, но помыться нельзя. Она понюхала свою кожу — снова запах сирени. Стало любопытно: кто её помыл?

Намылив руки и ноги, Даша взяла со стула гидрокостюм. Он был чистым, сухим. Поднеся его ближе, она принюхалась. От костюма разило как от подростка, обнюхавшегося клеем моментом. Кто-то заклеил дыру? Надевая костюм, Даша в этом убедилась. Чёрная заплатка, по-видимому, от машинной камеры, была приклеена изнутри, а снаружи разрез стягивала рыболовная леска. Интересно, подумала Даша, там, под окровавленной повязкой она увидит такой же ровный стежок или металлические скобки, заплывшие гноем?

В ней проснулся какой-то нездоровый интерес. Она надавила на рану ладонью. Не сильно, боясь испытать резкую боль, как ту, что испытываешь сидя у стоматолога, когда его инструмент пролезает через дырку в зубе и цепляет нерв. Так можно и сознание потерять, но Даше не было больно. Она надавила сильнее — пульпоэкстрактор вырывает нерв, заставляя вас дергаться и визжать как шестилетний ребёнок.

— Зараза! — стиснув зубы, прохрипела Даша и завертела головой.

Когда вспышка боли отпустила, девушка увидела деревянную полку, висевшую на стене. Женский взгляд зацепился за содержимое. Она подошла. Встав на цыпочки, заглянула внутрь. За пыльным стеклом стояли два десятка стеклянных колбочек вперемешку со свечами. На каждой колбе был приклеен кусок белого пластыря с кривой надписью. На одной можно было прочесть: “Шанель-55”, на второй: “Сучи”, на третьей: “Херов бос” (да-да, с одной “с”). Женский набор духов на случай апокалипсиса, только не такой, когда дымный гриб всё испепеляет, а другой — влажный, тихий, делающий воздух чистым и свежим, а солнечный день длинным и жарким. Что даже если утонешь, всё равно тело найдут по запаху туалетной воды, а если начнёшь разлагаться — своей вонью не будешь беспокоить соседей, хотя бы первое время.

Ей захотелось вдохнуть аромат прошлого. Аромат старой работы. Аромат страсти и счастья.

Отодвинув стекло, Даша протянула руку к запахам прошлого. Дрожащие пальцы коснулись колбы с надписью “Лей Витян”.

В дверь постучали.

По женскому телу пробежала волна испуга. Она выдернула руку, чуть не вывалив содержимое на пол. Она почувствовала себя маленькой девочкой, застуканной родителями за воровством. Кожаный ремень уже готов рассечь её нежную кожу на заднице, но вместо шлепка она слышит:

— Ты там жива?

Она выдохнула, вспомнив, что дверь закрыта.

— Да! Иду.

Закрыв полку, Даша подошла к комоду затушить газовую горелку, и увидела компас,

лежащий рядом. За это недолгое путешествие зелёная пластиковая коробочка обросла новыми царапинами и сколами, прям как хозяйка. Девушка открыла крышку, не сомневаясь ни на секунду, что увидит красную стрелку, пульсирующую в магнитном потоке подобно её сердцу, бьющемуся в груди.

Повесив дорогой подарок на шею, девушка затушила горелку и вышла из комнаты.

На кухне, под жёлтым треугольником света, Слава вместе с хозяйкой накрывали стол.

Женщина как раз заканчивала раскладывать тарелки, когда услышала шарканье по полу.

Повернувшись к Даше, она протянула руку.

— Меня зовут Лариса Петровна, — представилась женщина, — можно просто Лара.

Девушка пожала её ладонь, обратив внимание на очень мягкую и нежную кожу.

— Очень приятно! Меня Даша!

— Садись, тебе нужно поесть. Бледная, как утопленник! Халат могла и надеть, в грязном сидеть за столом...

— Нам надо уходить.

— Успеете, десять минут погоды не сделают, — Лариса Петровна подтолкнула девушку в спину, приглашая за стол.

Слава раскладывал приборы на столе, а Лариса Петровна принесла большую кастрюлю с изображением яблок. Поставив её на центр стола, она открыла крышку. Даша сразу почувствовала запах свежих овощей. Она жадно заглянула внутрь: рубленые огурцы и помидоры, залитые подсолнечным маслом, были похожи на вывалившиеся кишки, но всё равно — выглядело аппетитно!

Даша чуть с ума не сошла. Слюна наполнила рот, а живот свернуло узлом. Чуть не подавившись, она спросила:

— А майонез есть?

Лариса Петровна усмехнулась.

— Нет. Разводить кур мне еще не хватало. Но ты знаешь, если я когда-нибудь их заведу — обязательно сделаю майонез, — она перевела взгляд на Славу, — Слава, ну что ты там возишься, давай, поухаживай за девушками.

Он послушно начал ухаживать. Тарелки наполнились салатом, а женские чувства — гордостью.

Между делом, он спросил:

— Антон может вернуться?

Лариса Петровна взяла вилку. Насадив кусочек помидора, она покрутила его перед глазами.

— Нет. Перед “волной” он ни разу не приходил. После. Видимо, как и многие, где-то переживает.

— Почему у вас не остаётся?

— А я почём знаю, — помидор отправился в рот, — Я не просила, он не предлагал. Да и кислороду может нажечь столько, что и весь мой “райский сад” не справиться. Вы, кстати, тоже тут нажгли прилично. Голова только у меня кружится?

— Мы сейчас уйдём.

Даша уже собиралась встать из-за стола, как вдруг морщинистая рука схватила её за запястье.

— Ты не правильно меня поняла. Вас никто не выгоняет. Я хочу донести, что и сама не знаю, насколько хватит нам кислорода. У меня не было возможности пригласить к себе

толпу и закатыть безудержную вечеринку только ради того, чтобы проверить: через сколько часов все умрут от удушья. Понимаешь?

— В любом случае мы уйдём. Мы должны успеть вернуться до “волны”.

— У вас в запасе часов шесть, может семь.

— Нам хватит, — Даша вдруг выпучила глаза и резко повернулась к Славе, словно вспомнив что-то важное. — Что с нашим каяком?

Проглотив еду, Слава заломил бровку и, насаживая очередной кусок огурца, сказал:

— С моим каяком всё в порядке. Когда стало ясно, что опасность тебе не грозит, я сплавал на разведку. Каяк уплыл недалеко, а вот лодку я так и не нашёл. Да если честно — я и не искал.

— Бензин, — сорвалось с Дашиных губ.

Она так ничего и не съела. Отодвинула тарелку, положила рядом вилку. Молящим о помощи взглядом посмотрела на Ларису Петровну.

— Вы дадите нам овощей? Мы вам всё вернём!

— Яблоками?

— Нет.

— Я пошутила. Конечно дам, но обещайте мне, что вернётесь и составите мне компанию. Только не такую мрачную, как сейчас.

Выудив из-за кастрюли пустую рюмку, Слава покрутил её перед глазами и, поставив на место, произнёс:

— Обещаем.

— Ты пил?!

— Нет!

— Он не пил, — подтвердила Лариса Петровна, — за тебя переживал. Стоял у постели как верный пёс. Ждал, когда ты проснёшься.

— Ладно вам, не было такого!

Женщина звонко засмеялась.

Даша попыталась снова выйти из-за стола, и снова ощутила нежную кожу на своём запястье.

— Пока не поешь — никуда не выпущу!

Сопrotивляться было бесполезно, да и глупо. Она была голодна. Даже пролежав два дня в кровати, она не чувствовала фонтана сил, бьющего из всех щелей. Посмотрев на еду, Даша согласно кивнула.

Закончив трапезу, девушка всё же встала из-за стола, поблагодарила хозяйку и, торопливо, направилась к двери. Подняв жилетку с баллоном, Даша раздосадовано произнесла:

— Кстати, у нас еще одна проблема, — контрольный манометр, тянувшийся от редуктора на баллоне, показывал около 30 bar.

— Не хватит, — констатировал Слава, увидев показания.

Он лихорадочно начал думать. Можно было взять баллон и отправиться в логово рыжего. Заправить и вернуться. Успеет? А вдруг собьётся с маршрута. Потеряется как ребёнок в лесу, и кричи потом: АУ-АУ. Только на зов придут не добрые охотники, а трёхсотметровая скала воды. Проглотит, переварит и выплюнет где-нибудь на другом конце света.

— Успокойся, — сказала Лариса Петровна, положив руку Славе на плечо, — я одолжу

вам свой, а ваш оставлю себе. Но вы обещайте, что проведаете старуху! Если с Рыжым что-то случилось — баллоны мне некому будет заправить, а отказываться от похода по магазинам я не готова.

— Обещаем, — девушка сняла синих заек и принялась натягивать розовые ласты.

Пока ребята собирались, Лариса Петровна куда-то ушла, а когда вернулась — держала пластиковый пакет, набитый доверху овощами.

— Вот, держите, — она протянула презент Славе, — надеюсь он вам поможет. Слава рассказал мне о вашей миссии, и я была счастлива, узнав, что в наше время еще остались люди, готовые пожертвовать собой ради спасения ребёнка. Это очень благородно.

— Еще скажите, что у вас проснулась вера в человечество, — с улыбкой произнесла Даша.

— Проснулась! И наш гражданский долг никто не отменял!

— Еще раз, спасибо вам большое, но боюсь, что одними овощами мы не запустим генераторы в здании.

— Ага, — вешая розовый халат на вешалку, подтвердил Слава. — А из мыла можно сделать свечи?

Даша замерла. Взгляд улетел в пустоту, но постепенно начал возвращаться, фокусируясь на Славе. Её губы медленно растянулись в улыбке.

— Свечи!

— Свечи? — удивилась Лариса Петровна.

— Да, Свечи! Если мы принесём свечи — нам зачтут!

— Зачтёт ваш этот... Антиквар?

— Он самый.

— Я смотрю, он интересная личность. Коллекционирует картины. Оказывается и свечи любит. Романтик. Так чем он занимается?

— В башнях образовалось что-то наподобие правительства...

— Молодой человек, мне не интересно образование вашего государства. Избавь меня от траты драгоценного времени. “Правительство!” И кто же его назначает?

— Так вам интересно или нет?

— Нет.

— Антиквар управляет башней, в которой мы живём, — сказал Слава.

— Живёте?

— Существоем, — уточнила Даша.

— Верно, где мы существуем. Но я, в отличие от остальных, там живу!

— Вячеслав, я уже сказала — мне наплевать. Можно по существу?

— Антиквар хочет раздеться догола и, взявшись за стальные балки здания, уходящие в землю, ощутить удар волны. При свечах.

— Таких подробностей я не просила...

— Но вы просили по существу! Я и рассказал.

— Если свечи вам помогут...

— Помогут!

— Хорошо, сейчас принесу. Но знайте — ваш долг растёт в геометрической прогрессии!

Лариса Петровна растворилась в коридоре. Раздались звуки бьющегося стекла, женская ругань и шипение кота. Когда она вернулась, ребята увидели влажное пятно на её кардигане, а затем ощутили приятный аромат дорогих духов.

— Вот, — её ладонь сжимала пять разноцветных длинных свечей, — Ваш друг может выложить на полу звезду, встать в её центр и попробовать призвать не только “волну”, но и кого пострашнее.

— Мы ему передадим.

— А это тебе, — Лариса Петровна выудила из кармана пузырёк с надписью: “ЛаКости” и протянула его Даше. — Смотри, кто-то любовался моей коллекцией?

Лёгкий румянец украсил Дашины щёки. Принять подарок она не решалась.

— Бери! — настаивала женщина. — Перебьёшь свой запах селёдки. И не смотри так на меня! Когда я тебя раздевала — мечтала надеть противогаз. Жаль не было под рукой.

— Я растиралась жиром...

— Милочка, это меня не интересует. Главное, что сегодня ты воспользовалась мылом и пахнешь как молодая девушка: розами и сиренью. И я надеюсь, ты продолжишь в том же духе.

Даша довольно улыбнулась. Забрала подарки. Аккуратно разместила всё в боковых карманах жилетки, которую помог ей надеть Слава.

Когда ребята собрались, Лариса Петровна сказала:

— Ну всё, пора прощаться.

Она подошла к двери и нажала кнопку, расположенную на стене.

Шипя, дверь приоткрылась.

Ребята юркнули в шлюзовую камеру, отделяющую уютную квартиру от ада, разверзшегося за двадцатисантиметровой металлической дверью.

— Жду вас! — сказала Лариса Петровна, закрывая дверь.

В уменьшающуюся щель она успела увидеть, как ребята кивнули ей в ответ, затем девушка надела маску, взяла в рот загубник, а мужчина начал часто дышать.

Включился компрессор. Загудел электромотор.

— С богом! — крикнула Лара и ударила ладонью по двери.

Глава 21

Когда шлюзовая камера наполнилась водой, Слава открывает дверь. Включает фонарь. Луч света разгоняет подступающую тьму и освещает стены подъезда. Мелькают пустые квартиры, лестница, ведущая на верхние этажи, и ржавые прутья “сталинских” перил, торчащие из бетонных ступеней, словно рёбра из раздавленной груди.

Прежде чем выйти наружу, Слава поворачивает Дашу к себе спиной. Хватает красный карабин, болтающийся на жилетке рядом с баллоном, и цепляет на него пакет с овощами, предварительно завязав ручки бантиком. Затем берёт Дашу за руку и плывёт в узкий коридор, ведущий к выходу из подъезда.

Мимо проплывает длинная рыбина, не обращая внимания на посторонних.

Даша с силой сжимает ладонь Славы, и он чувствует, как поток волнения разливается по её телу. Он окутывает кости, мышцы, добирается до головы и, как вредный сорняк, пускает корни.

В свете фонаря блестят мальки; они похожи на хлопья пыли, парящие в воздухе. Как в солнечный день, когда золотистые лучи проникают в комнату, и мы видим мириады плывущих частиц нашей кожи. Слава движется вперёд — и пыль разлетается в стороны. Пузыри, вырывающиеся из резинового загубника, бьют в потолок, проникают в трещины и отскабливают куски многослойной краски. Даша оглядывается через плечо. Она боится увидеть мужчину в камуфляжном гидрокостюме. Боится, что он выскочит из ближайшей квартиры и схватить её, как Рыжего.

Вглядывается внимательнее.

И ничего не видит, кроме тьмы.

Ребята выплывают из подъезда. Слава рыщет фонарём возле дома. Заглядывает в каждый угол, опасаясь сюрпризов. Даже светит в окна соседних квартир. Но там пустота. Никто их не ждёт.

Успокоившись и убедившись, что всё чисто, Слава плывёт вперёд, продолжая держать Дашу за руку.

Прежде чем всплыть, ребята смотрят на окна, светящиеся розовым цветом. Старушка машет рукой. Она их не видит, лишь звёздочка яркого света на чёрном полотне говорит ей, что они там. Лариса Петровна продолжает махать, провожая звёздочку к небесам, словно она падает, только наоборот.

Звёздочка подплывает к крыше и замирает. Даша видит трос, тянущийся к поверхности от железной арматурины, вонзившейся в стену сильным течением. Они подплывают ближе. Слава отпускает Дашу и касается троса. Он натянут как струна. Слава понимает, что когда его отвяжет — как уже ничто не будет удерживать, и он начнёт уплывать, гонимый волнами на юг. И если сейчас не ухватиться за трос, то всё, больше они его не увидят.

Слава показывает Даше, что ей нужно схватиться за трос. Крепко, словно душишь кого-то тебе ненавистного. Даша с пониманием кивает и начинает душить трос; перебирая руками, всплывает. Слава отвязывает трос и устремляется следом.

Трос холодный и скользкий. За два дня к нему успели прицепиться трухлявые ветки, рваные пластиковые пакеты и желеобразные водоросли. После такого прикосновения — ладони не отмыть. Но тебе будет плевать на грязные руки, если ты будешь всплывать слишком быстро.

Слава одёргивает Дашу за ногу. Она замирает, опускает голову и видит Славу несколько взволнованным. Он ровняется с ней. Заглядывает в глаза. И начинает руками показывать, что, если она продолжит всплывать с такой скоростью — её кровь закипит, как борщ на огне. Ага, прям так и показал. Как борщ.

Даша кивает с пониманием. Всё поняла. Поднимает голову и видит, как над водой загораются и сразу гаснут маленькие лампочки. Их сотни. Тысячи. То они загораются змейкой, то произвольно.

Начинается, подумала Даша. Будь она одна, разогналась бы сейчас что есть сил, и вынырнула бы из воды как дельфин, быстро залезла в каяк и умчалась бы в башни. Но, слава Богу, она не одна, иначе — тёк бы борщ по её жилам, а бедный дельфин стал бы кормом для местной живности.

Спустя пять минут они достигают поверхности.

Без приключений.

Без нападений.

Без удушения.

Да, просто всплыли, держась за трос. Каяк качался на волнах, ожидая хозяев.

Первое, что они видят — плотный туман. А возможно это облака упали с небес, сразу не разберешь. Но ощущение от увиденного — жуткое, как будто заблудился во влажном лесу в полнолуние. Во время дождя. А еще эти слепящие вспышки с раскатами грома. И безумно яркая луна; не такая, как мы привыкли видеть, а больше — раз в десять.

И вот этот яркий шар светит сквозь непроглядный туман, словно лампочка на занюханной кухне, где собралась громкая компания за игрой в дурака. Они курят одну за одной, затягивая потолок густым дымом, бранятся, и бьют опустевшей посудой о стол. Бьют так, что слышат соседи. Так, что сигнализация за окном не может заткнуться и гудит шестой час подряд.

Бах! — кто-то простит добавки. Можно и пива, но, если есть что-то по крепче, я не откажусь. И выпускает из ноздрей свежий дым, пряча луну.

Бах! — козырная шестёрка накрывает туза червей. И кто-то пускает дюжину колец, сжав губы кольцом.

Бах! — и Даша испуганно оглядывается по сторонам, пытаясь найти горизонт. Найти башни.

Но видит только туман.

Смотав трос, Слава помогает Даше снять жилетку с баллоном. Затем закидывает её на центр каяка, цепляет к лебёдке. Пакет с овощами убирает в ноги своего места.

Яркие огоньки продолжают вспыхивать, создавая кольцо плотного света.

Крупные капли дождя бьют по макушке, по рукам.

Вспышка, и женские глаза шепчут:

— Начинается, — шепчут так, словно бояться накликасть беду.

Вспышка, и мужские губы шепчут в ответ:

— Успеем! Не бойся, — губы шепчут настолько уверенно, что даже в самой безвыходной ситуации находится выход.

Вспышка. Где-то раздаётся хлопок. Капли дождя бьют по пластиковому каяку, издавая звук похожий на хруст костей, угодивших под колесо автомобиля.

Спустя сотню переломов, Слава говорит громче, и всё так же уверенно.

— Ты с этой стороны залезай в каяк, а я попробую с другой. Если будем действовать

синхронно — не перевернёмся.

— Хорошо.

Слава огибает каяк, подплывает к борту. Хватается за края своего места и спрашивает:

— Готова?

— Готова, — Даша сжимает пальцами зелёный пластик, и когда слышит команду от Славы, начинает грести ногами что есть мочи. Показалась попа. Выпрямились руки. Еще рывок и правая нога заносится над каяк. Еще усилие — и боль в боку разливается по всему телу. Даша вскрикнула, но тут же замолчала, взяв себя в руки.

— Что с тобой? — Слава уже усаживался на своё место.

— Всё хорошо! — Стиснув зубы, она уселась на каяк, поджала ноги к груди и спокойно продела их в посадочное место. Выдохнув всю боль через ноздри, она наконец выпрямила спину и откинула голову, подставляя лицо каплям дождя.

— Я поведу, — настоял Слава, — ты только скажи куда.

Девушка взяла компас, висевший на шее. Открыла. Через плечо глянула на горизонт и произнесла:

— Туда! Против ветра!

Слава грёб что есть мочи, но каяк сопротивлялся, отказывался ускоряться. Стоило на секунду остановиться, перестать грести — и каяк разворачивался, уходя с маршрута. Даша всё видела. Сидеть сложа руки она не могла. Если она не поможет — они не успеют. Взяв весло, она начинает грести. Слава запротестовал, но был грубо осажен. Аргументы типа: я помогаю себе, а не тебе — имеют отрезвляющий эффект для мужчин. И вы уже думаете по-другому: да как скажешь, хоть обгребись себе на здоровье! Заткнувшись, Слава продолжил грести, гневно сверля Дашин затылок.

Поначалу девушка взяла хороший темп; каяк заметно ускорился, несмотря на волны, но прошёл час — и появились паузы. А потом и вовсе весло замерло в воздухе.

— Что случилось? — спросил Слава, хотя и догадывался в чём причина.

— Всё нормально, — соврала Даша.

Она пытается грести, крутит торсом, делает всё, чтобы не сидеть сложа руки, и не смотреть на то, как всё катиться в тартарары. Но боль никуда не уходит. Сжав губы, она тихо постанывает. Ей кажется, что под её ребрами образовалась гигантская болячка, похожая на сморщенную кору дуба, и с каждым движением невидимые пальцы медленно срывают её. Медленно-медленно, стараясь оторвать большущий кусок.

— Не мучайся, — говорит Слава, — положи весло.

— Если я положу — мы можем не успеть!

Славино молчание Даша расценивает как согласие, но от этого ей не легче. Хуже. Она крепко сжимает черенок; пластиковая лопасть касается воды, и тут девушка слышит слова, которые мечтала услышать.

— Успеем, — но в голос закралось сомнение.

Она обернулась. Ей нужно заглянуть в Славины глаза, прочитать, что у него на уме.

Яркие вспышки освещают мужское лицо, словно они сейчас на какой-то крутой вечеринки, с фотографами, снующими исключительно возле самой красивой пары вечера. Свет затухал на мужском лице, подчёркивая глубокие шрамы. Крупные капли дождя вытекали из волос и проносились через всё лицо к уголкам губ. Слава напоминал манекен, выброшенный на помойку. Его волосы, его лоб, его губы. Всё пластиковое с искусственным блеском. Но глаза настоящие; блестящие и целеустремлённые. В них не было унылой

пустоты или страха. Не было потерянности. Слава улыбнулся пластиковой улыбкой, и Даша прочла на его лице то, что хотела.

— Я хочу помочь тебе, — говорит она, — но не могу. Каждое движение...

— Не продолжай, я всё понимаю. И я не садист, заставляющий девушку испытывать постоянную боль.

Впереди громыхнуло так, что Даша резко дёрнулась от испуга.

Вспышка; яркий всполох освещает мужское пластиковое лицо залитое безмятежностью.

Он кивает головой снизу-вверх, указывая на невидимый горизонт.

— Следи за компасом, — говорит он, а затем спрашивает, — Куда плыть?

Даша отвернулась. Повесила весло и взяла компас. Её руки дрожат. Капли громко бьют о защитное стёклышко компаса, размывая картинку. Она подносит его ближе к лицу и накрывает ладонью.

Направление верное, но где сейчас они находятся — она понятия не имеет. И сколько еще плыть до башен — неизвестно. Тучи стёрли небо и горизонт, словно кто-то ластиком усердно стирал нарисованный карандашом пейзаж. Вспышки — белые кляксы — слёзы, оставленные художником в момент убийства своего шедевра.

— Может, вернёмся к Ларе? — спрашивает Даша.

— А ты знаешь куда плыть?

— Знаю. Примерно. Радиус поисков будет метров пятьсот.

— Я считаю, у нас больше шансов доплыть до башен, ежели искать точку входа на бурлящей воде.

Слава имел ввиду, что доплыть до Лары шансов практически нет. Лучше плыть вперёд, чем блуждать по лесу, пытаясь найти избушку на курьих ножках, ориентируясь на мох. Нужно всегда идти вперёд, не отступать от цели, и только так вы увидите лунный свет в конце туннеля.

— Что это? — воскликнула Даша. — На вспышки не похоже. Блестит! Слава, там что-то блестит, на небе!

Слава вытирает с лица капли дождя, прищуривается. Наконец-то пришло время для искренней улыбки.

— Не может быть, — воскликнул он, — вот ведь повезло!

Даша достала трофейный бинокль.

— Звезда! — кричит она. — Звезда! Это МГУ!

И что с того, промелькнуло у неё в голове. Чему она обрадовалась? Посчитав, Даша поняла, что они прошли только полпути, а времени потратили часа три.

Башни.

Они не успеют. Уже точно.

Слава давно всё понял, и прекрасно понимал, что может блестеть в облаках, возвышаясь над невидимым горизонтом.

— Это наш шанс! — заявляет он.

— Шанс? На что?

— Слухи. Мы или подтвердим их, или развеем.

— Да, и как же мы их развеем?

— Послушай, я не вижу других вариантов. Давай смотреть правде в глаза — это наш шанс. Вперед плыть самоубийство.

— А лезть в здание МГУ не самоубийство?

— Легитимное самоубийство — плыть вперёд, а умереть в здании МГУ — самопожертвование. Представь, когда мы вернёмся в башни и расскажем, что в здании МГУ можно переждать “волну”...

— Нас объявят выдумщиками и сумасшедшими. Скажут, что мы в “око” пересидели, и всё. Нам никто не поверит.

— Мне нравится твой оптимизм. Но другого пути нет, признай это.

Сейчас, в башне на 75 этаже, рождает женщина. Возможно в грязи, в темноте. В окружении неизвестных людей, чьи моральные качества за последние три года разложились на злость и ненависть. На жадность и на постоянный страх. На зависть, сжигаемую изнутри при виде любой безделушки в грязных пальцах соседа. Но если бы всё было так плохо — Даша ни за что не отправилась бы ни в какое путешествие. Там — в комнате на 75 этаже — она увидела искорку надежды в протянутой руке помощи. Увидела людей, готовых помогать, несмотря на все тягости жизни. Увидела их прошлое, когда они были ячейкой общества. Возможно, общество сохранилось. И возможно, именно это общество, будучи на 75 этаже, помогает женщине родить, прекрасно понимая — помощь не придёт.

— Плывём в МГУ! — говорит Даша.

Для неё Славина улыбка — подарок, а взгляд — ну, он даже не смотрит в её сторону. Его взгляд прикован к звезде.

Оставшееся от звезды величие можно ощутить только через её размеры. Огромная пятиконечная конструкция вонзалась в небо тупым копьём, оставляя в гуще тумана рваную рану. Большую часть своей чешуи, состоящей из желтых стеклянных пластинок, она растеряла и напоминала улыбку хоккеиста, поймавшего шайбу зубами. Но, тем не менее, те редкие пластины, держащиеся за ржавый каркас, всё ещё могли раздвинуть плотные тучи своим ярким сиянием. И это спасало.

Даша вскидывает руку и указывает на окна музея. Пустые оконные рамы, в высоту около двух метров, приглашали любого путника посетить огромную зеву музея, заполненную жуткой тьмой.

Слава отрывает взгляд от небесного сияния. Он больше не боится потерять из вида звезду.

Туман расступается, и каяк касается влажной стены.

Подплыв в полную, становится ясно — внутрь музея, расположенного на 29 этаже здания МГУ попасть будет сложно. Высота от каяка до балкона, опоясывающего музей, метра два. Рукой не достать. Даша щупает стену; серые мраморные плиты с белым вкраплением обвалились, оставив после себя щербатый бетон с глубокой эрозией.

Подпрыгнуть — Даша пробует: прижав руки к стене, она просовывает ладонь в глубокую трещину. Бетон холодный и мокрый, на пальцах чувствуется песчаная крошка. Спина медленно выпрямляется, и каяк немедленно реагирует; он начинает раскачиваться.

— Ты что задумала? — спрашивает Слава, разволновавшись.

— Хочу подпрыгнуть. Если я выпрямлюсь и подпрыгну — точно достану.

— Прекрати! Ты перевернёшь каяк. Сядь на место!

— Но...

— Сядь!

Даша послушно уселась.

— И как быть?

— Я думаю!

Если нельзя попасть на небеса, то можно залезть обратно под землю. Вниз. Туда где крошечная темень постоянно сгущается и обволакивает неудачников.

Слава кидает взгляд на воду. Всматривается. Включив фонарик, погружает его под воду. Луч золотистого света скользит по стенам, тянущихся к самому дну, но конца им не видно. Прямо под каяком виден советский герб (серп и молот на чёрном шаре, накрытом париком из тины), а под ним огромные буквы: СССР.

Закончив исследования, Слава вынимает руку и принимает решение:

— Будем нырять, — произносит он спокойно, даже не смотря на то, как волны взрываются мелкими иглами, ударяясь о стены.

Слава продолжает:

— Зайдём в холл, расположенный этажом ниже, а там вверх по лестнице.

— А с каяком как быть?

Слава подмигивает Даше, и снова спокойно произносит:

— Не волнуйся, у меня есть план, — и вылезает из своего места. Завязывает узелок на защитной юбке, чтобы вода не испортила вещи. Затем соскальзывает с борта в воду так, что ни одна капля в воздух не взлетает.

Натягивая маску на лицо, он произносит:

— Жди.

— Чего? — кидает Даша, но уже поздно.

Слава скрылся под водой.

Круг света изламывается на Сталинской архитектуре; прыгает со стены на стену и вдруг исчезает, проникнув в холл через оконную раму.

И снова он оставил её одну. Даше хочется кричать от обиды, злости и боли. И она начинает кричать. Задирает голову и просто орёт во всё горло; губы растягиваются по зубам словно гармонь, язык сжался пружиной, а из глаз, смешиваясь с каплями дождя, потекли слёзы.

Проплыв сквозь оконную раму, Слава очутился в просторном круглом холле. Фонарь описывает дугу; свет выдирает из тьмы деревянную мебель, валяющуюся на полу желеобразной кучей, и потолок, затянутый тиной, словно копотью после пожара.

Заплыв на центр, Слава начинает крутиться, пытаясь найти намёки на лестницу, или хотя бы увидеть проход, ведущий к ней. И он его замечает.

Луч света освещает коридор и упирается в стену красного цвета. Как в фильмах ужасов, думает Слава, и что же там, в конце страшного лабиринта меня ждёт? Рыбы убийцы, утопленники, или снова, оголтелые бабы, жаждущие моей смерти? Не проверишь — не узнаешь. Да и в принципе коридор не может заканчиваться тупиком. И действительно; доплыв до конца коридора, перед Славой открылся еще один проход, ведущий к винтовой ветхой лестнице, уходящей именно туда, куда надо.

Спустя двадцать пять бетонных ступеней, Слава делает вдох. Он не жадничает. Спокойно вдыхает, надувая свои биопакетики влажным воздухом. Затем выдыхает, осматриваясь вокруг.

Частые вспышки, как светильники, проникают сквозь оконные рамы, освещают круглый зал и, огибая потрескавшиеся колонны, срывают покров тьмы с мебели, похожей точь-в-точь на желеобразные кучи этажом ниже. словно кучи собачьего дерма, наваленные где не попади. На коврах, в углах, и даже на стенах, стекая коричневыми каплями на пол.

Слава снимает маску, ласты и кладёт их возле выхода. Хлюпая водой и хрустя стеклом,

бежит через зал. Выходит на балкон и начинает искать Дашу.

— Я тут! — кричит он, обращаясь к орущей во всё горло девушке.

Даша резко замолкла. Улыбнулась, как ни в чём не бывало.

— И что дальше? — спрашивает она.

И Слава кричит:

— Размотай трос лебёдки и закинь мне крюк!

Она разматывает скользкий трос, ставит на лебёдке замок и, взяв крюк в ладонь, как камень, швыряет его Славе.

Мимо.

Крюк откалывает маленький кусочек бетона, отскакивает и плюхается в воду рядом с Дашей, чуть не заехав ей по руке.

— Мазила! — кричит Слава. — Давай еще раз! Целься не в меня, а выше! И сильнее! Не заставляй меня спускаться и делать твою работу!

Сейчас Даша хотело только одно — чтобы крюк угодил ему прямо в лицо. Посмотрела бы она, как он замахнётся со всей силой, имея в боку десяти сантиметровое отверстие. Надеюсь, еще не заплывшее гноем.

Вытянув крюк, Даша снова прицеливается. Выше, надеясь, что металлический камень выскользнет из мужских рук, и хоть чуть-чуть умерит его самодовольный тон.

Слава подносит ладони к лицу, резко вскидывает руки и ловит крюк над головой. Из Славиных перчаток еще ничто не ускользало. Намотав трос на мраморные перила балкона, он кричит:

— Натяни трос и зафиксируй лебёдку!

— Зафиксировала!

— Собирайся!

Провозившись минуту с жилеткой, с молнией и с баллоном, Даша кричит:

— Я готова!

— Лови! — Слава кидает фонарь.

Сделав несколько оборотов, фонарь оказывается в женских руках.

— Теперь слушай меня внимательно, — кричит Слава. — Заплывай в первое попавшееся окно, дальше держись левой стороны, — там найдёшь коридор.

Коридор. От этого слова у Даши в груди что-то сжалось. В памяти закружилась плёнка, сменяя кадры воспоминаний один за другим, словно она смотрела старый диафильм из далёкого детства. Кадр за кадром дышать становилось всё трудней и трудней.

— Ты слышишь меня? — кричит Слава.

Кадр за кадром.

Перед глазами двоится. Картинка медленно сводится воедино, Даша поднимает глаза и пытается отыскать Славу.

Кадр за кадром.

Вспышка освещает его лицо. Удар грома возвращает в реальность. Она находит Славу и понимает, — страх закончился, как и кадры.

— Поняла? — кричит он.

— Поняла! — кричит она.

Вытащив ноги из кармана посадочного места, она садиться на каяк. Вспышка, и глянцевые пальцы завязывают узел защитной юбки, чтобы вода не испортила вещи. Надевает маску, зажимает зубами загубник. Включает фонарь и ныряет.

Двигаясь по Славиной инструкции, она оказывается в круглом холле. Находить злосчастный коридор, и понимает, что он не такой уж и страшный, а если в него ударить светом — он превращается в длинную комнату. Она заплывает в неё. Стены сжимаются, но плыть можно. Вместо того чтобы приближаться — красная стена отдаляется, а сам коридор словно вытягивается, как карамель в шоколаде, но Даша понимает, что это только у неё в голове. Она закрывает глаза и начинает еще сильнее двигать ногами, пока не упирается головой в стену. В ту самую красную стену. Видит лестницу, и поднимается по ней на этаж выше.

Слава помогает Даше снять снаряжение. Укладывает всё возле стены, там, где уже лежат его маска и ласты. Хочет забрать фонарь с собой, но кладёт его рядом с вещами.

Они бегут через всю комнату, и Слава спрашивает:

— Ты чего там орала?

Под ногами хлюпает вода, словно они бегут по лягушкам, вылезшим на дорогу.

— Не важно. Выпускала пар.

Раздаётся хруст стекла.

— Выпустила?

— Выпустила.

Сквозь оконную раму они выходят на балкон и подходят к ограждению.

Слава говорит:

— Теперь поработаем.

Он ложится животом на мокрые перила, опускает руки и хватается трос.

— Я сейчас его подтяну чуть-чуть, а ты там уже перехватывай.

Даша кивает головой и встаёт рядом, бок о бок.

Слава тянет и понимает — это труднее чем он думал. Это вам не ведро родниковой воды выуживать из колодца. И не пять. Где-то десять. Может, чуть меньше.

Тело Славы напрягается. Мышцы выступают сквозь костюм, и частые вспышки подчёркивают узловатый рельеф. Капли дождя затекают на его губы и тут же стряхиваются громким рёвом.

Но Славин рёв меркнет на фоне женского крика, искажённого безумием и ненавистью.

За их спинами вырастает тень. Слава оборачивается на звук, и в тот же миг изображение перед глазами тухнет.

Ржавая труба свистнула где-то рядом и врезалась в Славин затылок.

Мужчина теряет сознание. Обмякает, как марионетка на мёртвой руке. Трос выскользывает из его рук. Тело падает на перила, перевешивается и соскальзывает вниз. Даша пытается ухватить Славу за штанину, но не может; очередной свист трубы заставляет её отскочить в сторону. Отпрянув, она видит сквозь мраморные колонны ограждения, как Слава улетает вниз. Через секунду раздаётся всплеск воды. Вспышка, и гром снова рвёт всё вокруг.

— Ну что, сука! — кричит тень, вылетевшая из разбитого окна. — Теперь и ты осталась без мужика!

Ржавая труба размером с бейсбольную битку с грохотом ударяется своим концом о мраморную плитку. Секундой ранее, труба успела выкинуть с балкона Славу, а теперь, издавая скрежет и металлический лязг, приближалась к Даше.

Ловко увернувшись от первого удара, Даша отскочила в сторону и присела на корточки, готовая сорваться в любой момент, словно кошка, загнанная в угол гадкой малышней.

Черeda вспышек прокатилась вблизи балкона. Даша чуть дёрнулась, прищурилась. На мгновение тень растворилась, открыв лицо незнакомки. Перед Дашей стояла женщина, что пыталась забрать у неё зажигалку в самом начале путешествия. Слава тогда отправил на дно её спутника и уже собирался следом закинуть эту сучку, но передумал. А зря, подумала Даша, надо было закинуть. Пощада обернулась мстью. Ну, этого можно... нужно было ожидать. Да и пощадой назвать это сложно. Убили напарника, забрали вещи и отправили на все четыре стороны посреди затопленного города. Такая себе “пощада”. Сострадание здесь было бы уместнее: нож в сердце и на дно — и больше никаких мучений, мести, а тем более маниакальных преследований.

Вспышка, и Даша не видит на лице тени ни злости, ни безумия. Только умиротворение. Крупные капли дождя скользят по её гладкому лбу, скользят по красным щекам, скользят по дерматинovому плащу, стёртого до дыр на груди.

— Я сразу вас вспомнила, — кричит тень, стараясь быть громче грома, волнами накатывающий вокруг здания МГУ, — Нашла эту трубу, — она приподнимает кусок водопроводной трубы и бьёт ей о мраморную плитку возле ног, стряхивая ржавые хлопья, — и решила не медлить, как некоторые! Видела, как я его приложила? Бац, — кричит тень, — и твой мужик — не мужик!

Даша внимательно слушает, и каждую секунду бросает взгляд за балкон, пытаясь разглядеть Славу.

Вспышка накидывает улыбку на лицо тени.

— Моё предложение в силе.

— Ты о чём? — спрашивает Даша, медленно приближаясь к мраморным перилам.

— Ну как же, ты забыла?

— Забыла, — спокойно отвечает Даша. — Напомни, пожалуйста, — и, положив голову на плечо, смотрит на воду. Тело Славы болтается на волнах рядом с каяком. Вспышка, и Даша видит его закрытые глаза, чуть приоткрытый рот. Живой? Дышит? Не видно. Путь к Славе один — через тень. И Даша пройдёт этот путь, каким бы сложным он не оказался.

Лязг трубы быстро нарастал.

— Пойдём со мной, — тень больше не кричит, она приблизилась и находится на расстоянии, которого хватит чтобы размозжить череп Даши. Но не бьёт. — Возьмём каяк и отправимся к Меркурию!

— Мы не успеем!

— Успеем!

— Плыви одна, — бросает Даша, — Забирай каяк, и уплывай!

Тень заглядывает за перила. Смотрит туда, куда и Даша. И улыбаясь говорит:

— Нет. Ты мне нужна.

— Я ранена. От меня никакого проку. Забирай каяк и уплывай. Оставь нас!

— Ты думаешь, я позволю тебе забрать его? — и кидает взгляд на тело Славы, накрываемое волнами. — Если я доберусь до каяка — прикончу твоего дружка, как он... — голос тени начинает буксовать, словно готовый сорваться в истерику, — Я добыю его, а тебя оставлю в гордом одиночестве, дожидаться своей смерти! Дура! Идём со мной!

— Нет! — Даша припадает к мраморному поручню, смотрит на Славу и, словно обезумевшая, начинает вопить: — Слава! Ты живой! Плыви сюда, быстрее!

Хитро. Ну а как еще?

Вспышка, и Даша замечает испуг на лице женщине. Та отводит трубой за спину, чтобы не мешала облокотиться о перила, и, раскрыв широко глаза, начинает хищным взглядом рыскать под балконом. И не понимает. Тело мужчины всё так же безжизненно покачивается на волнах... и тут доходит, но как всегда — поздно.

Кошка прыгает вперёд, минуя сальные руки злых подростков.

Подбежав к тени, Даша поджимает правую ногу к своему животу и бьёт. Розовый кроссовок попадает точно в рёбра, откидывая женщину на мокрый пол. Вспышка, и видно как лицо тени кривится от боли. Всё по плану. Даша снова прыгает вперёд. Поднимает ногу, и не знает куда бить. Лицо? Грудь? Живот?

В такой ситуации думать вредно. Положитесь на инстинкт или интуицию — они не подведут. А иначе будет так: Даша вдруг дико заорала. Острая боль пронзает её ногу и заставляет отступить. Она прихрамывает, но успевает среагировать.

Ржавая труба снова описывает дугу возле ног девушки, и промахивается. Закруглённый наконечник ударяется о мраморную колонну, выбив хлопья из песка и камня.

Крича от обиды и брызгая слюной, тень вскакивает на ноги. Заносит трубу и прыгает в сторону Даши.

Кусок металла свистнул в воздухе: пролетел над головой Даши и, храни Господь законы физики, утащил за собой хозяйку, словно её кто-то схватил за рукав и со всей силой дёрнул.

Воспользовавшись моментом, Даша разворачивается и начинает убегать, куда угодно, лишь бы подальше от разозлившейся не на шутку бабы. Нужен план. Хороший план.

Розовые кроссовки несут девушку вперёд. Подошва вгрызается то во влажный бетон, то чиркает о сохранившиеся куски плитки, затянутые паутиной трещин. Горячий воздух вырывается из лёгких.

Прыгай с балкона, раздаётся в Дашиной голове. Найди Славу, обними его и будь что будет. Прыгай! Лететь всего пару метров.

Вспышка — мелькает окно. Мокрые волосы хлещут спину, опадая то на левое плечо, то на правое.

Прыгну. И что дальше? Дыхание рот в рот. Бить по щекам, пока не проснётся. А вдруг, вообще не проснётся? Нет! Прочь! С ним всё в порядке!

Свежая рана напомнила о себе. Лицо Даши скривилось от боли, рука сама потянулась к боку. Ладонь с силой надавила на дырку от ножа, зияющая где-то между тазом и ребром. Возможно, это был адреналин, но голова Даши взорвалась мыслями о Славе, о той тени, что осталась позади, и волны пульсирующей боли вдруг отступили. Нахлынула эйфория, затем злость.

Вспышка — мелькает окно. Затем еще одно.

Пора принимать решение.

Вспышка, и Даша юркнула в окно, минуя острые осколки, торчащие по периметру оконной рамы.

Под ногами чавкает ковёр, хрустят куски стекла. Прижавшись к стене, Даша начала оглядываться. Прислушалась. Раскаты грома и кромешная тьма полностью обесценили её основные органы восприятия. Вспышки яркого света мерцали везде, но в комнату свет не просачивался. Мышцы ног налились так, что Даша ощутила натяжение костюма. Сердце колотится в груди. Глаза постепенно привыкали к темноте. Вот показалось очертание круглого потолка. Изгибы стен. Пол. И коридор, ведущий к лестнице.

Даша оторвалась от стены. Когда она уже была не середине комнаты, за окном, напротив, грянул гром, а затем сверкнуло так, что вспышка “мыльницы” покажется вам безобидным солнечным зайчиком, кинутым от лезвия столового ножа. Видя лишь отпечаток белого пятна перед глазами, Даша продолжала бежать вперёд, выставив руки.

— Не убежишь! — услышала Даша где-то сбоку, и в тот же момент ощутила ладонями холодную влажную стену. Упала на колени. Руки сразу начали работать, стараясь нащупать вещи. Даша моргала, но картинка яснее не становилась. Пальцы нащупали холодный металл — баллон.

— Ну как хочешь! — продолжал женский голос, приближаясь. — Я уплыву одна.

Даша почувствовала ткань жилетки, резину — вроде ласты, маску. Там что-то было еще, что-то важное! Ага, вот!

— Ты только не оборачивайся, — голос нарастал, еще чуть-чуть и навалиться всем весом, — и не дёргайся! С трудом тебя различаю.

Закатившись истерическим смехом, тень занесла трубу. Слово гольфист, она готова была врезать. Врезать так, чтоб девичья голова улетела к подножью этих чёртовых небоскрёбов.

— Сука, — желчно произносит тень, — бинокль мой сохранила? — и резко опускает трубу, нацелившись в висок.

Даша припала к полу спиной, выставила руки и нажала кнопку на металлическом корпусе. Луч яркого света, подобно фарам дальнего света, ударил в глаза тени, заставив её захлебнуться в громком вопле. Представьте, как ночью вы идёте в туалет, — может простата, почки или еще там чего, — ваши глаза уже привыкли к темноте, и перед тем как включить свет, вы прикрываете веки. Ага. Чтобы в мозг не ударил ослепительный луч. Теперь помножьте яркость света на 100, и веки — их у вас нет. Вот такой силы фонарь Славы.

Труба упала возле Даши. Продолжая вопить, тень отпрянула в сторону, усердно растирая ладонями ослеплённые глаза.

Дашиним глазам больше ничего не мешает: белое пятно развеялось. Она кладёт фонарь на пол, и направляет луч на тень, хватая её в кольцо света. Тень отпрыгивает на стену, оставляя хозяйку стоять на полу, возле Даши.

Со всего размаху, Даша бьёт кулаком женщину в щёку. Кулак скользит по мокрой коже и уходит прямоком в глаз. Голова откидывается в бок как боксёрская груша. Раздаются стоны. Крики. Брань.

— Сука!

Даша снова бьёт — левой рукой.

Опять раздаются стоны, крики, брань. Дашин кулак расплющил нос и ушёл вниз, скользнув по влажной коже.

— Шука! — тень шепелявит: верхняя губа лопнула, нижняя — треснула. Из ноздрей

хлынула густая кровь, ярко поблёскивая в свете фонаря.

Адреналин разливается тёплой энергией по Дашиному телу. Хоть её руки и лихорадит, ей не страшно. Это злость. Злость дрожит подбородком. Злость вздымает грудь. Злость движет кулаками.

Она снова бьёт и разбивает костяшки о гнилые зубы, торчавшие айсбергами из воспалённых дёсен.

Бьёт, и думает о глобальном потеплении, о луне, приблизившейся к земле в самый не подходящий момент. Ну почему сейчас? Почему не через двадцать лет? Не через тридцать?

Бьёт снова, и думает о том, как бы не словить заразу, следующую за человечеством не зависимо от происходящего на земле. СПИД, сепсис или гепатит. Диагноз поставит время, превратив тело в ходящий ящик с множеством пробирок всяческих болезней, уничтоживших иммунитет.

Давно она так никого не избивала. Да что скрывать — она ни разу никого не избивала. Вот так, когда кулаки измазаны тёплой кровью, а подбородок смахивает на кювет, в котором течёт струйка багровой грязи.

Даша бьёт снова и мажет. Кулак пролетает мимо разбитой щеки. Обессилив, тень валиться на колени и начинает рыдать.

— Почему ты не уплыла в башни? — спрашивает Даша, чуть успокоившись.

Тень поднимает голову. Глаза закрыты, с уголков разбитых губ к полу тянутся густые кровавые нити. Одна из них лопается и летит к мокрому полу, собравшись в воздухе в большую каплю.

— Он шабрал лодку, — шепелявит тень.

— Кто?

— Мушик какой-то, — тень начинает посмеиваться, растирает рукой кровь по щеке, — в камуфляжном гидрокостюме.

Испугавшись, Даша оглянулась.

— Он здесь?

— Обещал вернуша. Ша мной!

— Когда?

— Он спрашивал про вас. Я ему всё рашкашала. Рашкашала, што вы убийшы и воры! Он шкашал, что найдёт ваш и убьёт, а мне лишь нушно шдать.

— И ты ему поверила?

— Он зашал мне рот своей тёплой ладонью и приштавил к горлу нош, — она сплёвывает кровь на пол, но попадает на свои джинсы. — Но я поверила не иш-ша этого. Его проншительный вшгляд, его белые шубы — в наше время таких мушиков не шишкать. И даше то, что у него всего четыре пальца на руке — меня не отпугнуло. Не бывает идеальных.

Слава — мелькнуло в голове у Даши, словно машина на встрече моргнула дальним светом.

Даша быстро вернулась к вещам. Надела ласты, жилетку с баллоном. Повесила фонарь на запястье. Натянула маску.

Зашла в коридор и приблизилась к лестнице. Погрузившись по пояс в воду, она вдруг ощутила, как на неё навалилось что-то тяжёлое. Что-то испускающее женские вопли. Проклятья и брань.

— Шука! — успела услышать Даша, прежде чем целиком уйти под воду.

Розовые ласты несут двух женщин на дно просторного холла, заполненного водой до

самого потолка. Круг света прыгал со стены на пол, с пола на потолок, в точности повторяя движения Дашиной руки. Она пыталась смахнуть с себя лишний груз, скинуть балласт, тянувший свои корявые пальцы к её маске. Даша завертела головой. Ногти, не видевшие маникюра пару лет и стриженные исключительно зубами, царапали щеки, сдирали кожу на подбородке. Даша наотмашь ударила фонарём — попала. Чужие пальцы отступили. Даша ещё раз ударила — фонарь никого не задел. В туже секунду её шею сдавило. Сильно, но не смертельно. Дышать через загубник не мешало. Лёгкие наполнялись кислородом и тут же скидывали углекислый газ, отправляя прозрачные пузыри к потолку.

Лёгкие обезумевшей женщины, впившейся в Дашу как пиявка, начало жечь. Её пальцы выпускают шею Даши и пытаются оторвать загубник. Вырвать его, зажать зубами и сделать самый глубокий вдох, который только возможно было себе позволить в данной ситуации.

Фонарь описал дугу, разрубая кровавые лоскуты, парящие вокруг женщин, и врезался в сломанный нос тени. Тень содрогнулась, замахала руками и ногами.

Дашу больше никто не держал. Работая ластами и ладонями, она развернулась. Корчившееся тело, хватающееся руками за пустоту, отталкивающееся ногами от невидимого пола, пыталось уплыть.

Кольцо света сомкнулось вокруг женщины. Тень вылезла на стену. словно индеец, пляшущий возле костра, она постоянно подпрыгивала и вскидывала руки, дёргая ими из стороны в сторону. Такой вот танец смерти. Наблюдать за мучениями было противно. Жутко. Даша хотела помочь, дать загубник, но к чему это приведёт? Она снова нападёт. Вгрызётся в шею и утопит не моргнув. Вот и черта, перейдя которую ты уже не будешь таким как раньше. Нужно просто опустить фонарь, развернуться и скатертью дорожка. Но что-то держит.

Танец продолжается. Но энтузиазм затухает. Движения вроде стали оживлённее, но ненадолго. Вот ноги перестали двигаться. Руки замерли, вцепившись в свитер на груди. Тело дёрнулось. Еще раз.

Черта пройдена. Или нет? Может подплыть, думает Даша, проверить. Может еще смогу хоть чем-то ей помочь?

Тело сделало оборот и опустилось на серый ковёр, замерев в скрюченной позе. Волосы нависли облаком над головой, подол плаща развивается как парус.

Всё кончено, тут уже никто не поможет. И Даша говорит себе, что в этом она не виновата. В свете фонаря сверкнули глаза утопленницы, и души в них больше нет. Больше нет боли. Нет страха перед “волной”. Нет мучений. Вот она — свобода.

Даша проплыла через широченную круглую комнату, в центре которой кольцо из дюжины колонн образует некую аудиторию. Совсем не давно, еще до “волны”, люди приходили сюда за знаниями, усаживались на стулья и заслушивались лекциями. После, отправлялись рассматривать различные экспонаты, пылящиеся в каждом углу. На белых блестящих колоннах можно было увидеть экспозиции в виде сотни высушенных бабочек, припиленных иголками к доске. С одной стороны скуотища, но стоило только влиться, и твой разум полностью погрузался в эстетику мира насекомых.

Делая круг по музею, невозможно было пройти мимо панорамных окон. Стоило только отодвинуть занавеску — и вся Москва у тебя на ладони. Все улицы, все парки, все высотки — вот они, у тебя перед носом, наваливаются друг на друга, напоминая просёлочную дорогу, устланную серой щебёнкой. И в какое бы окно ты не заглянул — дорога заканчивалась линией горизонта. Но теперь вид другой. Больше нет линии горизонта. Лишь видна стена

воды, меняющая свой цвет в зависимости от погоды. И еще видно девушку в чёрном гидрокостюме, на спине которой висит жёлтый баллон. Она выплывает из окна, задирает голову. Её глаза сразу же цепляются за поверхность — ищут Славу. Вот и он. Болтается на волнах рядом с каяком, напоминая ангелочка, которых рисуют дети своими тельцами на снегу. Не отрывая глаз от ангелочка, Даша всплывает. И молиться про себя только об одном — Слава живи. Молится, выплёвывая загубник. Молится, поднимая маску как забрало.

— Слава! — кричит Даша.

Она подплывает со спины, продевает свои руки через его подмышки и прижимает к себе. Её губы оказываются возле его уха. И она снова кричит:

— Слава!

Он молчит. Голова свободно болтается на мелких волнах.

— Слава, проснись! Слышишь меня? Проснись!

Она прижимает два пальца к его шее. Пульс. Подушечки пальцев ощущают слабые удары сердца.

— Живой! — кричит Даша и прижимает его к себе еще сильнее. Слабая струйка крови сочится сквозь мокрые волосы на затылке. Царапина. Труба хоть и отправила Славу в нокаут, но кожу лишь слегка содрала.

Насладившись умиротворённым мужским лицом, Даша вспоминает, что они болтаются на воде, возле здания МГУ. Скоро ударит “волна”, и пора уже шевелиться. Да не просто шевелиться, а уплывать, как тюлень от касатки. На помощь никто не придёт. Всё в Дашиных руках. Всё сама. Дождь усилился, вспышки стреляли тут и там.

Две жизни в одних руках.

Она накрывает лицо Славы своей ладонью и с силой сжимает пальцы, не давая ему сделать вдох или выдох. Гребя ластами, чуть приподнимается над водой, и всем весом наваливается на Славу, поджимая его под себя. Давит. И скрывает под водой, словно диснеевская русалка, только не та, что с красными волосами и парой ракушек, скрывающих третий размер, а та, что с острыми зубами и серой чешуёй, покрывающей скользкий хвост.

Они заплывают в окно, плывут через комнату. Даша замешкалась. Помимо того, что ей нужно удерживать бессознательного мужика, так еще надо держать фонарь. Снова искать коридор, вечно прячущийся в крошечной тьме. Зараза, это не так просто.

Кольцо света проваливается в тот самый коридор.

Пять метров до цели...

Даша сильнее прижимает к себе Славу, сильнее сжимает свои пальцы, боясь, что он хлебнёт воды. Плывёт вперёд.

Четыре метра до цели...

В объятьях Даши Слава напоминает торпеду, прикрепленную на днище самолёта. Он такой тяжёлый, что когда видишь цель, так и хочется жажнуть по кнопке спуска и запустить его напрямик в этот чёртов коридор.

Три метра...

Мужские пальцы впиваются в Дашину ладонь. Сжимаются как тиски, причиняя боль.

Испугавшись, она кидает взгляд на Славу и видит его беснующие глаза, бегающие из стороны в сторону как у сумасшедшего. Радость переполняет Дашу, но боль чувствуется острее. Слава пытается сорвать её ладонь со своего лица. И делает это. Затем хватает девушку за шею, абсолютно не понимая, что происходит. Он в панике. Легкие горят, по телу пробегает судорога. Хочется сделать вдох, но мозг запрещает. Мозг просит выбраться

наружу, на поверхность, и заставляет его грести ногами. Он пытается нащупать поверхность, оттолкнуться от неё, но ощущает что-то мягкое. Снова задирает ногу, и снова что-то мягкое ударяется о его колено.

Лёгкие полыхают.

Славино колено вновь бьёт Дашу в живот, — и девушке хочется кричать от боли. Она с трудом перебарывает желание двинуть ему в пах, но нужно срочно его уговорить, чтоб он замер, хотя бы на минуту, иначе они оба останутся тут навсегда.

Выпустив фонарь, она впивается ладонями в его запястья. Прокует оторвать руки от своей шеи, но ничего не получается; вцепился как орёл своими когтями в крохотного зайку. Другого выбора нет.

Даша бьёт. Бьёт коленом в пах, но в воде это ощущается по другому, ни как на поверхности, когда тебе мешает только воздух. Вода замедляет, смягчает удар, — наверное, так даже лучше.

Слава успокоился. Взгляд отрезвел. Он снимает руки с её шеи и тянет пальцы к её губам. Девушка всё поняла. Она вынимает загубник и подносит его к посиневшим мужским губам. Зубы жадно вгрызаются в кусок резины, сдавливают, и прохладный поток кислорода тушит огонь в лёгких.

Выдох.

Вдох.

Выдох.

Вдох, и Слава понимает, что баллон опустел, а Даша просит загубник обратно. Её глаза умоляют, пальцы тянуться к куску пластика, прекратившего из себя извергать пузыри воздуха.

Он перехватывает её руку, пытается стянуть фонарь. Она пытается вернуть себе загубник. Повесив фонарь на своё запястье, Слава вынимает загубник и крутит головой, пытаясь дать понять — он бесполезен.

Она не понимает. Не понимает, что задумал Слава. Шутит так? Если да, то юмор у неё совсем не смешной. Тупой какой-то. Не к месту.

Она вырывает загубник и жадно присасывается к нему губами, как к горлышку бутылки с ледяным напитком в 40 градусную жару. Но ничего не льётся в рот, не охлаждает плотку, не наполняет лёгкие прохладным кислородом. Ещё попытка — ничего, чувствуется острое жжение и нарастающая паника.

Слава уже подхватил Дашу. Стянул с неё маску. Определил, где расположен коридор и устремился к нему, гребя одной рукой и ступнями, лишённых резиновых ласт. Ему необходима помощь Даши, иначе они не доплывут. Но она не помогает. Вцепилась пальцами в его костюм и тупо смотрит. Освободив губы, пытается что-то прошептать. Редкие пузырьки воздуха срываются с её уголков губ и устремляются к потолку. Слава делает ещё рывок, — и этого мало. Они не проплыли даже метра.

Её губы снова что-то шепчут. В ответ, Слава указывает головой в сторону коридора, свети в него фонарём. Ему хочется крикнуть ей в лицо: “Греби! Греби, мать твою! Греби!” Затем проводит ладонью по её щеке и целует. Короткий выдох и девушка чуть успокоилась.

Три метра до цели...

Розовые ласты изгибаются восьмёркой, толкая тела к цели. Обнявшись, они единым целым устремились к коридору, Славе оставалось только рукой корректировать движение, чтобы не угодить в стену.

Два метра до цели...

В груди у Даши полыхает как в сухом лесу. Пламя перекидывается на ноги, на руки, сжигает шею и тянется к головному мозгу. Плавное движение ласт нарушается рывками. Слава видит, как Даша жмуриться, а затем утыкается лицом в его грудь.

Метр до цели...

Даша откидывает голову и на её лице улыбка. Слава ощущает ускорение. Теперь понятно, что имеют в виду, когда говорят о втором дыхании. Жжение прошло, ушла усталость. Организм словно откупорил бутылку с жизненными резервами, и быстро её осушил. Интересно — насколько хватит. И еще интереснее — сколько осталось бутылок в запасе.

Они заплывают в коридор. Рывок, и ноги касаются бетонных ступеней. Как только линия воды опускается до губ, Даша задирает голову. Делает глубокий вдох. Следом всплывает Слава, и так же делает вдох, но гораздо громче. Отхаркавшись водой и отдышавшись, он говорит:

— Тебе нужно научиться задерживать дыхание. Из-за тебя мы чуть не погибли.

Даша остановилась. Волосы облепили лоб и щеки, с подбородка капает вода. Она прикладывает ладонь ко лбу и закидывает волосы назад. Резко оборачивается к Славе и отвечает:

— Ты серьёзно? Я одна нас вытащила...

— И чуть меня не утопила!

Она стягивает ласты. Слава подсвечивает лестницу, и видно, что до выхода рукой подать. Даша начинает подниматься, молча. Она злиться. Встав в дверном проёме, от обиды она кидает:

— Надо было тебя там оставить! Вместе с твоим каяком!

— Прости, — говорит Слава и добавляет, — спасибо! Спасибо, что спасла меня.

Даша улыбнулась, но это видно лишь одной луне, украдкой заглянувшей в холл. Слышны раскатистые всполохи молний. Еле заметны вспышки, беснующиеся у подножья МГУ. Шумит дождь. Слава нагоняет Дашу, успевшую скинуть с себя жилетку на пол, и спрашивает с любопытством:

— Кто меня ударил?

— Долгая история. Но минутой ранее, я сама была бы не прочь тебе веслом заехать.

— Ты мне уже заехала, дважды... в одно и то же место.

— А хотела по голове. И ты знаешь, — до сих пор хочу.

— Я же извинился.

— Ну и что?

— Ладно, пошли. Нужно достать каяк, пока нас не накрыло.

Провозившись с тросом пару минут, они достали каяк. Внутри положили ласты, маски, сверху накинули жилетку с баллоном. И спрятали каяк в коридоре, чтобы не уплыл, когда вода заполнит холл. Слава не стал наматывать трос на лебёдку, а обвязал его вокруг колонны, рядом с входом, — на всякий случай.

Даша надела свой дорожный плащ, Слава надел свой не столь броский. Они поднимаются по сгнившей винтовой лестнице, и Даша с такой силой бьёт по ступеням, что на Славу сыплются ржавые мелкие осколки. Гулкое эхо уходит вверх и с каждым шагом становится всё ближе.

Когда лестница закончилась, они вышли на маленькую дорожку, с обеих сторон

окружённую ограждением из тонких стальных прутьев. Ребята поднимают головы и видят над собой исполинский остов звезды, окутанный серебряными тучами. Звезда напоминает гимнаста, поставившего ноги на ширину плеч, руки вскинута в сторону. На него выливают раскалённое золото; оно плавит кожу, сжигает мышцы, и быстро застывает в виде обвисшего гамака, привязанного к костям. Сквозь зияющие дыры проносится ветер с крупными каплями дождя. Когда вспышка ударяет где-то за спиной, ребята видят своё отражение на позолоченных лоскутах, готовых отвалиться в любой момент.

— Нужно выше, — говорит Слава.

— Куда?

Под ногами вдруг затряслось. Со здания срываются редкие массивнее плиты, украшающие фасад, и с грохотом падают в воду. Кусочек позолоченного пластика, способный распилить человек пополам, пролетел мимо Даши. Она хватается за ветхий металлический поручень, кидает взгляд на Славу и кричит:

— Начинается!

— Нам туда, — кричит Слава и указывает пальцем на звезду, — на самый верх! Быстрее!

Он светит фонарем, и Даша замечает отверстие, между двумя нижними лучами звезды.

— За мной! — командует Слава.

Они подходят к металлической сетке; сквозь отверстия её пронизывают толстые резиновые кабели, выползающие из пола к самой звезде. Слава хватается за один. Тянет на себя, проверяя прочность, — и тот обрывается.

— Зараза!

— Попробуй другой, — подсказывает Даша.

Слава хватается тот, что висит рядом. На вид даже прочнее. Чувствуется, что он натянут. Слава тянет на себя. Затем виснет на нём.

— Всё в порядке. Ползи за мной.

Они взбираются по тросу, словно по лиане во влажных джунглях Африки. Пару метров — и сквозь отверстие в звезде они видят прутья. Слава хватается за ближайший, подтягивается. Перехватывает другой, что выше, и полностью исчезает внутри звезды. Даша следует за ним. Внутренне убранство звезды напоминает “Паутинку” — уличный аттракцион из детства, похожий на панцирь черепахи. Несколько поколений детей поломала себе руки и ноги, пытаясь пройти по прутьям без помощи рук, а уж сколько было потеряно зубов — не сосчитать.

Даша следует за Славой, и теперь ей на лицо, на плечи дорожного плаща сыплется ржа.

— Быстрее! — подгоняет Слава, двигаясь как шимпанзе в зоопарке.

Вот он подтягивается и видит перед собой ребристый лист металла. Пол. Закидывает на него ноги. Встаёт, отряхивает перчатки и помогает Даше влезть. Оказавшись на горизонтальном луче звезды, огороженного с обеих сторон ржавым и изогнутым заборчиком высотой по грудь, ребята оглянулись.

— Что дальше? — спрашивает Даша.

Здание потряхивало. Тучи бурлили из-за частых вспышек и брызгали молниями. Дождь продолжал заливать, только теперь могло показаться, что в лицо тебе выливают целое ведро воды.

— Молимся, — отвечает Слава, усаживаясь на металлический пол. Ноги он продевает между прутьев заборчика и свешивает над огромным городом. Накидывает капюшон.

— Всё будет хорошо? — спрашивает Даша, пряча глаза.

— Конечно, всё будет хорошо, — отвечает Слава, — не стесняйся, присаживайся рядом.

Под тенью капюшона виднеется улыбка.

Она пытается сесть рядом. Пробует, но не знает как. Слава хватает её за руку и усаживает к себе на колени. Она думает, что он хочет её обнять, но вместо этого, его руки проскальзывают сквозь прутья, а ладони складываются в замок.

— Не бойся, — говорит он ей на ухо.

— Ты уже проделывал подобное?

Слава не отвечает. Даша накидывает свой капюшон. Крепко обнимает Славу, продев руки под его плащом. Чуть дрожа, утопает в его груди, слушая, как часто бьётся его сердце. Девушка тихонько, совсем тихонько плачет, боясь, что он может её услышать, но Слава давно уже всё понял, ощутив её дрожь и содрогание.

Он утыкается подбородком в её волосы и что-то произносит.

Громкий гул стирает его слова. Ветер пронизывает музей насквозь, стреляя свистом как из пулемёта. Наваленные друг на друга листы металла гуляют волнами на ветру, издавая противный скрежет.

Слава пытается говорить громче — бесполезно.

Вот он уже не слышит самого себя. Ветер подхватывает длинную прядь Дашиных волос и нагло выдирает её из-под капюшона. Мокрый хвост хлещет Славу по лицу, но это его не беспокоит. Страх сковал его. Он человек. И как любой человек — он боится. Боится смерти. Природу не обманешь. Его ноги уже онемели, пальцы под перчатками побелели, но это не важно. Главное — он крепко держит Дашу. Держит их обоих, приковав себя к ограждению, словно наручники.

Он поднимает глаза и устремляет взгляд на юг, на город, обнаживший зубы из бетона. Под лунным светом он блестит. Вода ушла, но лишь для того, чтобы обрушиться с новой силой. Что происходит за спиной — Слава знать не желает. Видел один раз в окно, на 97 этаже, и решил, что больше не желает лицезреть подобное. Лучше пьяным валяться в грязной комнате, сопеть во все дыры. Но “волна” всегда заставит тебя обратить на себя внимание, как бы ты не сопротивлялся — если закрыл глаза, закрой и уши.

Ветер треплет Славин капюшон, как флаг на Спасской башне. Капли дождя глухо бьют по телу. Вой нарастает. И вдруг ветер ударяет в спину с такой силой, что ребят кидает на забор. Слава сильнее сжимает руки, ноги. Даша дрожит. Пенящаяся серая стена стремительно приближалась.

Ветер бьёт с новой силой, и снова вдавливая ребят в металлическую ограду. Перед глазами всё затряслось. Здание ожило, начало крениться. Мимо пронёсся страшный вой, следом раздался скрежет металла, и вдруг удар. Ударило с такой силой, что Слава потерялся в пространстве. Отключился, но быстро включился. Картинка затряслась, словно он ехал на машине по каменистой дороге, вдавив педаль газа в пол. Затряслась душа. До эвакуации в неизвестность:

Три...

Два...

Один...

Слава захотел заорать, громко. Открыл рот, но сильнейшим ударом из его лёгких выбило весь воздух. В одну секунду он испытал невыносимую боль и давление, словно на тебя плюхнулся слон. Затем вкус солёной воды. И темнота. Сознание уснуло.

Обычной спичкой он зажигает свечку. Одну маленькую грёбаную свечку, успевшую заплыть слезами возка. Затем встаёт. Отходит. Не отрывая взгляда от огня, начинает раздеваться. Снимает засаленные джинсы, потную майку размера XXL, бросает рядом ботинки, лакированные до блеска.

Его жирное тело, покрытое складками как у свиньи, блестит в сполохах маленького пламени. Кулак сжат так, что обгрызенные ногти до крови рассекают кожу. Он злится. Растягивает губы и дышит сквозь гнилые зубы. Пожирая свечку, жёлтый огонёк пустился в пляс, пуская в потолок спирали копоти.

Шершавыми ступнями он ощущает вибрацию. Вибрация как энергия, как ток, пронизывает всё тело и возбуждает. Закидывает адреналин через край. Вибрация усиливается — усиливается возбуждение.

Он не боится. На его этаже страху места нет. Его не существует. Страх обитает под ногами, на этажах, где ютятся толпы грязных, вонючих бродяг. Капля пота скользит по лысому затылку, скользит по липкой коже шеи и растворяется в золотом звене тяжёлой цепи. Дамба из золота скапливает пот наслаждения. Плотина из 999 пробы.

Он не боится. Подходит к огромному стеклу и наблюдает за тысячами вспышек, озаряющие пушистые облака, взявшие в кольцо небоскрёб. Куда ни глянь — они повсюду. Облака. Облака. Облака.

Он отрывает тяжеленный золотой крест от груди. Трёт его большим пальцем. Он не боится. Всё чего он сейчас хочет — одиночество.

В дверь постучали. Включился тусклый свет.

— Чего? — гневно тянет он.

— Босс, — кричат из-за двери, — можно войти?

— Можно!

В комнату вбегает коренастый парень. Смахивает рукавом рубашки капли пота, заливающие его лицо. Поправляет ремень от автомата, туго стягивающий его грудь. Он часто дышит. Волнуется. Успокоившись, он говорит:

— Всё сделали, как вы сказали. Бензина хватит им до утра.

— Она родила?

— Родила.

— Девочку?

— Мальчика.

Под ногами вибрирует как в самолёте во время приземления.

— Пуповину уже перерезали?

— Да.

— Как жаль, я сам хотел.

Это мог быть самый лучший день у ребёнка, проявившего на свет в канун “волны”. Смердящая комната, антисанитария, и голый мужик. Он прижал бы к себе ребёнка, измазанного выделениями и кровью, и, улыбаясь, торжественно, перерезал пуповину, словно ленту, перед открытием нового магазина.

Голый мужчина оборачивается лицом к своему собеседнику и, тряся жирными складками, семенит ему на встречу. Говорит:

— Ты хоть понимаешь, что это значит?

Парень отрицательно машет головой. Толстяк продолжает:

— В нашем здании родился первый ребёнок за последние три года! — и продолжает, но уже чуть тише, окидывая взглядом висевшие на стене картины. — Первый ребёнок. Первый шедевр, родившийся в наших стенах, — снова возвращает взгляд на парня и, улыбаясь, добавляет: — Ребёнок, сказавший — нет “волне”. Наплевавший на все правила, он появился на свет вопреки всему!

Мурашки пробегают по блестящей коже. Он продолжает семенить, подходя к парню вплотную. Дышит на него тёплым воздухом и говорит:

— Я хочу увидеть его!

Парень виновно опускает голову. Сейчас он мечтает об одном — сделать шаг назад, отойти подальше, а лучше вообще убежать с этажа и сгинуть в самый тёмный угол, где его никто не найдёт.

— Не получится, — мямлит парень.

Глаза мужчины округлились.

— Что? — спрашивает он, хватаясь за ремень автомата, — Что ты несешь!? Я хочу его увидеть!

— Ребёнка украли.

— Украли? Тут? У меня под носом?

— Да.

— Кто?

— Дед.

— Дед?

— Да, дед. Он пырнул парнишку, пытавшегося его остановить, забрал ребёнка и уплыл в “око”.

— Пырнул? Чем?

— Ножом. Но я клянусь, когда во время проверки я взял этот кусок металла в руки — на нож он похож не был. Да и дед сказал, что это ложка. А я поверил. Босс, простите!

— Ребёнок нужен мне, — прежде чем выпустить ремень, он дёргает его со всей силой, встряхивая парня. Не скрывая разочарования, толстяк возвращается к свече и устремляет взгляд в окно. Пытается что-то разглядеть и тут вдруг вспоминает:

— А Славик? Он появился?

— Нет. Никто не приплыл.

— Ну, ничего. Вернётся. Один раз уже выловили его, выловим и во второй.

— Выловим! — кричит парень, и тут же понимает, что это было лишним.

— Уйди.

Дверь захлопнулась, оставив мужчину в гордом одиночестве созерцать через стекло исполинскую стену воды, несущуюся прямоком на него. Под светом тусклых ламп он поднимает кулак. Разжимает пальцы. И глядя на шеврон в форме треугольника, произносит:

— Кто бы ты ни был Славик, но ты вернёшься.

Он всматривается в шеврон, и начитает вслух зачитывать вышитую надпись: “Луны — 3”.

Затем швыряет шеврон на пол. Подходит к двум холодным металлическим балкам, пронизывающих здание насквозь — от затопленной парковки до стеклянной крыши — и вгрызается в них своими пальцами в виде сосисок.

И чувствует вибрацию.

Пот струится по всему телу. Пальцы рук побелели. Он откидывает голову и открывает рот. Из зева вырывается дрожащий ор, становящийся громче с каждой секундой.

Он чувствует вибрацию. И чувствует, как бьёт “волна”.

Больше книг на сайте - Knigoed.net